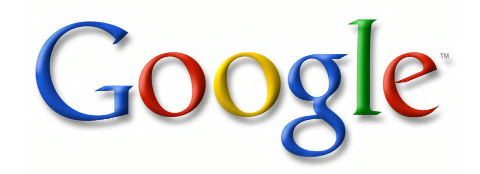
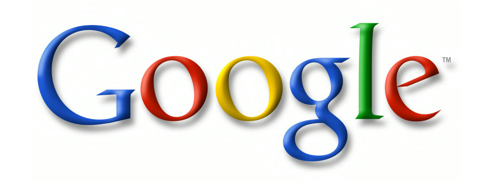
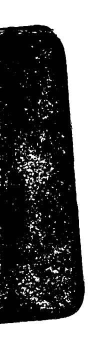
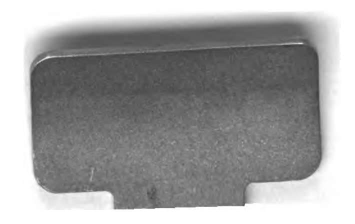

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ XII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1828.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Двѣнатцатой части.

НЕВОЛЬНИЧЕСТВО.

ДРАММА

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сіе маленькое произведеніе сочинено было по слѣдующему случаю: при открытіи въ Петербургѣ намѣстничества (въ 1780 году) Екатерина Великая путешествовала. Въ сіе время Директоромъ Театра былъ Тайный Совѣтникъ Василій Ильичъ Бибиковъ. Ему захотѣлось, чтобъ въ день сего торжественнаго открытія представлено было на Придворномъ Театрѣ въ честь Ей нѣкое новое зрѣлище. Не давно предъ тѣмъ случилось, что взятый въ плѣнъ Руской солдатъ, проданный Турками Алжирцамъ, написалъ оттуда къ Императрицѣ письмо, прося о выкупѣ его изъ неволи. Она послала нѣкоторое знатное число денегъ съ тѣмъ, чтобъ не только солдатъ сей, но и другіе, находящіеся въ неволѣ Христіяне, были выкуплены. Бибиковъ счелъ за приличное сей щедрый поступокъ Ея прославить. Онъ уговорилъ меня (я былъ тогда въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ Офицеромъ) написать маленькую на сей случай Драмму подъ названіемъ *Невольничество.* Пьеса сія въ день открытія Намѣстничества представлена была во Дворцѣ на Те-

атрѣ. Роль солдата игралъ знаменитый актеръ Дмитревскій. Съѣздъ былъ чрезвычайный. Фельдмаршалъ Голицынъ, облеченный тогда въ санъ Намѣстника, и всѣ знатные чины и дворянство, сколько желали изъ любопытства, столькоже и за должное поставляли быть зрителями сего торжественнаго представленія, съиграннаго съ немалымъ успѣхомъ. Чрезъ нѣсколько времени Императрица возвращается изъ своего путешествія. Бибиковъ вознамѣрился представить снова сію Драмму. Даютъ ее, но уже не на Придворномъ, а на маленькомъ частномъ Театрѣ, назначая собранныя за то деньги употребить на выкупъ людей, сидящихъ за долги въ темницѣ. Зрителей было множество. Наслѣдникъ престола, Его Высочество Великій Князь Павелъ Петровичъ, прославъ напередъ нѣкоторое число денегъ, пріѣхалъ самъ. Всего собрано было осмнатцать тысячъ рублей, за которые, по убѣжденіи займодавцевъ къ немалой уступкѣ требованій ихъ, освобождены многіе должники, на сумму, простиравшуюся до шестидесяти тысячъ рублей.

---

*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гонима, невольница.

Честана, дочь ея.

Добромыслъ, любовникъ Честанинъ, невольникъ.

Любославъ,		
Мечестъ,		невольники.
Храбродъ,		
Миролюбъ,		

Начальникъ надъ невольниками и стражи.

Дѣйствіе въ одномъ приморскомъ городѣ въ Африкѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ темницы подземныя, въ которыхъ содержатся невольники и куда они по окончаніи работъ отводятся для заключенія въ оковы.

ДОБРОМЫСЛЪ и ЧЕСТАНА.

ДОБРОМЫСЛЪ.

Дражайшая Честана! несчастная ты пришла увидѣться съ несчастнымъ; пришла взглянуть на мое бѣдное состояніе, и мнѣ въ жалости достойномъ показаться видѣ. Въ какихъ стѣнахъ, въ какомъ ужасномъ мѣстѣ опредѣлилъ мнѣ рокъ на тебя взирать! сіи тяжкія цѣпи, сіи лучами солнца никогда не освѣщаемые своды, сей стонъ и вопль страждущихъ невольниковъ, и сіи предметы жалости и нищеты, приличны ли окружать дражайшую мою Честану?

ЧЕСТАНА.

Увы! они купно и тебя окружаютъ, блѣдное твое лице, и смущенный зракъ, по-

казываютъ ясно въ какомъ ужасномъ состояніи находится твоя душа, и что ты тяжкими трудами изнуренный начинаешь лишаться здравія. Ахъ Добромыслъ! мое злополучіе твоимъ стократно умножается.

Добромыслъ.

Ты моимъ, а я твоимъ мученіемъ страдаю. Не довольно того, что мы вѣчному здѣсь преданы порабощенію, что намъ суждено изнемогать подъ бременемъ жестокихъ трудовъ, быть жалостною жертвою свирѣпства и воли немилосердыхъ мучителей, носить суровое рубище, и питаться не довольною къ насыщенію глада пищею, какой и самая скупость презрѣннѣйшимъ тварямъ не отрицаетъ: нѣтъ сего еще мало; надобно, увы! чтобъ и сама любовь наша, въ которой мы счастіе свое найти уповали, обращалась намъ въ казнь и мученіе!

Честана.

Ты еще всѣхъ бѣдствъ не знаешь: мать моя думая, что ужѐ къ увѣнчанію любви нашей ни малой надежды не осталось, почитаетъ ее порокомъ, прогнѣвляющимъ Всевышняго, и не позволяетъ мнѣ больше съ тобою видѣться. Вчера она мнѣ то съ самою величайшею строгостію подтвер-

дила; но любовь тамо дерзновеннѣе, гдѣ находитъ препятства: не взирая на всю трудность нашла я сего дня средство тайнымъ образомъ отъ нея отлучиться, и къ тебѣ прійти; но страшусь, увы! чтобъ сіе мое съ тобою свиданіе не было послѣднее; страшусь, что осужденная не видать тебя больше я умру съ печали.

Добромыслъ.

Сколько ты, свирѣпый рокъ, въ изобрѣтеніяхъ твоихъ на пагубу нашу изобиленъ! ты все выискиваешь средства, которыми только можешь поражать несчастныя наши сердца. Оканчивай, оканчивай твою лютость; скоро можетъ быть къ устыженію себя увидишь ты, что злость твоя нечувственныхъ насъ уже болѣе не тревожитъ, и что предметъ ненависти твоей, гоненій и торжества, есть одинъ только прахъ земной; гордись тогда славою твоей побѣды!

Честана.

Ты чрезмѣрной предаешься горести и отчаянію; укрѣпись и будь сколько можешь великодушенъ.... Увы! я хочу подавать тебѣ утѣшеніе, котораго мнѣ самой недостаетъ: равна любовь наша, равна участь и отчаяніе.

Добромыслъ.

Ужѐ и такъ свиданія наши весьма рѣдки, а хотятъ ихъ вовсе прекратить.

Честана.

Еще ты не имѣлъ свободнаго времени расказать мнѣ печальную плѣненія твоего повѣсть, скажи теперь.

Добромыслъ.

Изъ радости, въ которой нѣкогда утопала моя душа, въ какую адскую пропасть низвергла меня одна минута, ставшая потомъ началомъ цѣпи непрерывныхъ моихъ злополучій! Подъ предводительствомъ славнѣйшаго мужа многократно Днестръ и Хотинъ были свидѣтелями громкихъ нашихъ побѣдъ, въ коихъ и я по мѣрѣ силъ моихъ старался явить мою ревность къ обожаемому отечеству. Но когда разсѣянныя подъ Кагуломъ побѣдоноснымъ воинствомъ нашимъ сонмы враговъ бѣжали по всѣмъ странамъ блѣдностію лицъ своихъ возвѣщать храбрость и славу нашу, когда поверженная въ прахъ и погруженная въ Дунайскія воды гордаго непріятеля злоба, не дерзала уже и робкихъ очей своихъ возводить на торжествующее наше воинство, и когда отличив-

шійся благоуспѣшными въ семъ случаѣ подвигами проливалъ я отъ радости слезы, что имѣлъ щастіе посильныя мои показать Отечеству услуги, и посредствомъ оныхъ сдѣлаться тебя достойнѣе; тогда, въ самую сію радостную минуту, бѣшенство лошади моей, падшей тогда подо мною, предало меня въ руки бѣгущей со страхомъ уже послѣдней толпѣ непріятельской, которая схвативъ меня повлекла съ собою. Вотъ начало моихъ злоключеній. Проданный послѣ того въ сію варварскую страну, къ усугубленію горести моей, нашелъ я тебя въ оной . . . . тебя нашелъ къ усугубленію горести моей! Вотъ превратная судьба какими словами велитъ мнѣ изъясняться! Что есть сего несноснѣе, какъ отягощаться самимъ свиданіемъ съ тѣмъ, кто намъ всего на свѣтѣ любезнѣе? Но ахъ, лучше было бы никогда мнѣ тебя не видать, нежели видѣть въ сихъ мѣстахъ подобно мнѣ несчастною.

Честана.

Когда уже судьбою непремѣнно опредѣлено тебѣ въ рабствѣ семъ находиться, такъ я благословляю тотъ часъ и случай, которой предавъ меня во власть набѣжавшихъ на насъ Татаръ, доставилъ мнѣ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что я умру съ тобою.

Добромыслъ.

О какимъ бы я смерть мою почелъ счастіемъ, любезная Честана, естьли бы могъ ею искупить тебя изъ сея неволи.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣжъ и Гонима.

Гонима.

Еще твоею любовію не престаешь ты прогнѣвлять Бога, и навлекать на себя его наказанія? Дочь неблагодарная? ты непослушаніемъ своимъ меня убиваешь. Ежели не укоряетъ тебя совѣсть, что ты остатокъ дней моихъ сокращаешь, такъ по крайней мѣрѣ сжалься надъ твоимъ собственнымъ состояніемъ: погубивъ меня, ты останешься одна безъ всякой помощи и утѣшенія.

Честана *заплакавъ.*

Буду и я тогда утѣшена во гробѣ!

Добромыслъ.

Умилосердитесь, не умножайте горести дочери вашей сими жестокими упреканіями. Вы прежь сего сами на любовь нашу соизволяли.

Г о н и м а.

Не время теперь помышлять о томъ, чѣмъ вы прежде ласкалися, и къ чему никакой надежды болѣе не осталось. Бракъ вашъ не угоденъ былъ Богу, надлежитъ о немъ забыть. Дочь моя послѣдуй моей прозьбѣ, моимъ совѣтамъ, моему повелѣнію.

Ч е с т а н а *на колѣняхъ.*

Ежели вы хотите видѣть меня послушною, такъ умертвите меня прежде, иначе я повелѣній вашихъ исполнить не могу. Выньте изъ меня сіе не повинующееся вамъ сердце.

Д о б р о м ы с л ъ *тоже на колѣняхъ.*

Сжальтесь надъ нами, и не обременяйте больше уже и такъ весьма много обремененныхъ сердецъ нашихъ.

Г о н и м а.

Такъ продолжайте упорствомъ вашимъ прогнѣвлять небеса; увеличивайте сею несовмѣстною любовію бѣдность состоянія нашего: или оно васъ еще не ужасаетъ? Или вы къ безчисленнымъ здѣсь мученіямъ хотите и то присовокупить горькое признаніе, что вы достойно за вину свою стра-

даете? Побойтесь Бога! Вообразите себѣ несчастную судьбу нашу; вспомните, что мы находимся въ рабствѣ, въ узахъ, въ темницѣ; что участь наша есть утомляться трудами, спать на камняхъ, изнуряться голодомъ, сносить неприличные намъ удары немилосердыхъ приставниковъ: и доколѣ претерпѣвать сіи злобныя мучительства? До самой смерти! Ахъ любезныя мои дѣти! легко ли думать, что мы никогда не увидимъ ни отечества, ни сродниковъ, ни друзей нашихъ; что съ оковами на ногахъ умремъ въ темницѣ, между злодѣями, въ невѣдомой намъ странѣ: и можетъ статься самые часы смерти нашей преогорчены будутъ насмѣшествомъ и ругательствами нашихъ мучителей! Вотъ въ какомъ находимся мы состояніи, и вотъ чего ожидать долженствуемъ.

Честана.

О лютое ожиданіе!

Гонима.

Всякую минуту новое здѣсь услышишь или увидишь мучительство. Сынъ за то нещадно изъязвленъ и тяжкими ко стѣнѣ прикованъ цѣпями, что для поданія помощи умирающему отцу своему отлучился на краткое время отъ работы, и смотря на

смерть злосчастнаго старца не имѣетъ свободы и послѣдняго принять изъ устъ его благословенія. Братъ взираетъ на мученіе брата страждущаго за то, что лишился силъ къ понесенію возложенныхъ на него сверхъ возможности трудовъ. Тамъ другъ оплакиваетъ убіеннаго друга, и себѣ равнаго ожидаетъ конца: индѣ нѣкто несчастный, услыша вѣдомость объ одержанной единоземцами своими побѣдѣ, за нескромное тому порадованіе, наказуется жестокими ударами и ругательствомъ, для избавленія себя отъ которыхъ тщетно воплемъ и уничиженіями хочетъ преклонить мучителей своихъ на жалость; они стона его не внемлютъ, и подобно яростнымъ тиграмъ терзаютъ сего агнца. Словомъ сіе мѣсто, куда насъ заключилъ гнѣвъ Божій, есть адъ земной, гдѣ собранные отовсюду несчастные люди терпятъ разныя мучительства, отъ которыхъ едина только смерть ихъ избавить можетъ.

Добромыслъ.

О бѣдственная жизнь!

Гонима.

Такъ находящимся вамъ въ лютѣйшемъ состояніи семъ прилично ли хотя малую имѣть къ увѣнчанію любви вашей надежду?

и ежели безъ надежды любовь мучительна, такъ на что ею стараться еще болѣе дѣлать участь вашу несносною?

Добромыслъ.

О любовь! ты во всемъ чрезвычайна; власть твоя надъ сердцами безпредѣльна, утѣхи несказанны, мученія нестерпимы; ты прелестнымъ гласомъ своимъ часто меня оживотворяешь: но для чего? . . . чтобъ послѣ паки меня умерщвлять.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣжъ и Мечестъ, *котораго заключаютъ въ оковы.*

Гонима.

Число невольниковъ прибавляется: сей несчастный привезенъ конечно на пришедшихъ сюда сего дня галерахъ.

Честана.

Посмотрите на бѣднаго: кажется съ охотою пріемлетъ онъ налагаемыя ему оковы: толь много уже утомленъ.

Добромыслъ.

Таково наше состояніе, что темница и цѣпи служатъ намъ отрадою, когда посредствомъ оныхъ избавляемся мы отъ безмѣрныхъ трудовъ . . . . но сей невольникъ меня удивляетъ: образъ его. . . .

Мечестъ.

Боже милосердый! молю тебя, да будешъ мѣсто сіе послѣднимъ рабства моего свидѣтелемъ.

Добромыслъ.

Такъ, это онъ. . . . Мечестъ!

Мечестъ.

Кто произноситъ здѣсь имя мое!

Добромыслъ *бросаясь къ нему.*

Увы! столькоже, какъ и ты, несчастный другъ твой Добромыслъ.

Мечестъ.

Добромыслъ? . . . . о судьба . . . . о приключеніе! . . . Какъ! ты въ моихъ объятіяхъ, ты, котораго я оплакивалъ смерть?

Добромыслъ.

Нѣтъ, любезный другъ! жестокой рокъ не хотѣлъ меня умертвить; смертію моею

ненависть его не была бы удовольствована; онъ оставилъ меня жить, чтобъ жизнію мучиться, и чтобъ къ вящшему страданію моему напослѣдокъ и тебя увидѣть въ такомъ же мученіи.

Мечестъ.

Такъ послѣ оплакиванія смерти твоей, тебя увидя, долженъ я теперь оплакивать твою жизнь?

Добромыслъ.

Неумолимая судьба наша того хочетъ: ты считая меня мертвымъ, считалъ паче благополучнымъ, нежели я есмь; а я воображая тебя живущимъ въ любезномъ нашемъ Отечествѣ, и наслаждающимся подъ тѣнію процвѣтающей тамо премудрости и спокойствія, славою полученныхъ нами побѣдъ; нынѣ къ усугубленію горести моей вижу въ такихъже узахъ равнымъ со мною обремененна бѣдствіемъ.

Мечестъ.

Ахъ, любезный Добромыслъ! вмѣсто увѣнчанной славою пріятной жизни, какую пагубную и позорную жизнь мы здѣсь препровождать долженствуемъ!

Добромыслъ.

Но какимъ образомъ, несчастный другъ! жребій твой сдѣлалъ тебя злополучіемъ мнѣ подобна?

Мечестъ.

Извѣстенъ ли ты, что сокрушенныя нами Бендерскія твердыя стѣны, громомъ паденія своего до небесъ возвысивъ славу нашу, отчаяніе послали на востокъ, трепетъ на западъ, радость и торжество на сѣверъ.

Добромыслъ.

Извѣстенъ: громкая о семъ слава и въ самыхъ сводахъ темницы сей раздавалась.

Мечестъ.

При семъ чудномъ взятіи неприступнаго города я находился, и былъ на многихъ потомъ сраженіяхъ, или лучше сказать побѣдахъ. Напослѣдокъ при Турнѣ въ пять кратъ многочисленнѣйшій непріятель намъ предъявился: несравненное превосходство въ силахъ подавало ему надежду къ побѣдѣ, и вливало въ него несказанную храбрость, которою онъ, утомившееся уже отъ многихъ побѣдъ воинство наше, едва было не привелъ въ замѣшательство; но неутоми-

мою бодростію и мужествомъ повелѣвавшаго тогда военачальника, пришло оно паки въ прежнюю устройность; а потомъ напоминовеніе, что они Россіяне, и что пекущаяся объ нихъ Матерь назирая дѣла ихъ невидимо надъ ними присутствуетъ, воспалило въ нихъ такой пламень и огнь воинской, что съ единодушнымъ священнаго имени сего восклицаніемъ бросившись подобно неустрашимымъ львамъ на огнь и на мечи безчисленныхъ непріятелей, въ одно мгновеніе ока ихъ опрокинули, поразили, попрали, разсыпали какъ прахъ. Тогда осужденной одинъ только я не наслаждаться радостнымъ побѣды сей торжествомъ, нѣкіимъ несчастнымъ приключеніемъ преданъ былъ во власть противниковъ, и всякую минуту ожидалъ смерти; но вмѣсто, чтобъ отъ сверкающихъ надъ головою моею мечей быть объяту страхомъ, сердце мое наполнялося чрезвычайною радостію, видя, что влекущая меня съ собою толпа враговъ, бѣжитъ въ смятеніи, и на спѣшащихъ своихъ пятахъ въ самую грудь отечества своего несетъ ужасъ и отчаяніе.

Добромыслъ.

Такимъ образомъ потерявъ свободу сдѣлался ты, какъ и я, жертвою корыстолюбія твоихъ враговъ?

Мечестъ.

Подойди сюда, Любославъ!

Гонима *упадая въ руки Мечеста.*

Ахъ! несчастной сынъ мой!

Честана *упадая въ руки Добромысла.*

Брашъ злополучной!

Любославъ.

Кого я вижу! . . . . Боже! . . . . я умираю. . . . . (*Упадаетъ*).

Добромыслъ.

О приключеніе странное! прежалостное свиданіе единокровныхъ!

Гонима.

Не мечшу ли смущенныя мысли мнѣ представляютъ? Сынъ возлюбленной! того только къ совершенію горестей моихъ недоставало, чтобъ и тебя соучастникомъ злополучія нашего видѣть. . . . Доволенъ ли ты теперь свирѣпой рокъ? ты всѣми обременилъ сердце мое бѣдствіями, и напослѣдокъ привелъ ко мнѣ въ оковахъ сына, чтобъ онъ звукомъ цѣпей своихъ до конца поразилъ мою старость.

Честана.

Почто ты жизнь моя продлилася до страшной сей минуты!

Любославъ.

Не тѣни ли меня окружаютъ? Не обманываюсь ли я? Нѣтъ, по несчастію не обманываюсь! Это ты, дражайшая моя родительница! и ты любезная моя сестра!

Гонима.

Или ты, судьба, весь нашъ родъ единымъ разомъ искоренить предпріяла!

Любославъ.

Увы! злосчастіе мое на самой верхъ степени своея вами достигло! На что я въ ужасномъ бѣдствіи семъ васъ обрѣтаю!

Добромыслъ.

О препагубная жизнь! мученіе неслыханное! Здѣсь все то, что дѣлаетъ пребываніе наше на свѣтѣ сладостнымъ, что человѣческое благополучіе уподобляетъ блаженству безсмертнаго Бога: родство, дружество и любовь, сіи неисчерпаемые утѣхъ источники, превращены въ желчь и смертоносную отраву!

Мечестъ.

Умѣрьте чрезвычайную горесть вашу и въ утѣшеніе себѣ то представьте, что мы по крайней мѣрѣ всѣ находимся вмѣстѣ; а когда бы судьба каждому изъ насъ опредѣлила умереть въ отдаленной отъ другаго темницѣ, тогда бы состояніе наше стократно было несчастнѣе.

Добромыслъ *Любославу*.

Конечно и тебя, подобно какъ и насъ, враждебной случай во время сраженія предалъ въ руки непріятелямъ.

Любославъ.

Часы моего плѣна, повергшіе меня въ сіе лютое бѣдство, коль ни ужасны мнѣ, однакожъ я не клену ихъ; потому что въ оные любезное мое Отечество, лучами славы осіянное, надъ врагомъ своимъ торжествовало: Чесменская была то побѣда. Не могу вамъ достойнаго сдѣлать знаменитому дѣйствію сему описанія: слабое только представлю начертаніе. Троекратно числомъ великихъ кораблей превосходный непріятель устроившись полезнымъ весьма для себя образомъ, ожидалъ насъ къ нему идущихъ, и въ гордости своей мнилъ единымъ ударомъ

все наше ополченіе погрузить во глубину водъ морскихъ. Подвигся и сталъ противъ него флотъ нашъ. Тогда страшная брань воскипѣла. Отъ родящихъ непрестанную молнію мѣдныхъ гортаней, густымъ дымомъ яко нощію покровенные корабли наши, проливъ огненную по поверхности водъ рѣку, пустили тучи ревущихъ ядръ на флотъ восстрепетавшаго непріятеля. Корабли начальничьи, съ обѣихъ странъ другъ на друга устремленные, возгараются, и огнедышущимъ подобно горамъ, мещутъ изъ себя необычайное пламя. Устрашенные непріятели, чая быть разверзающемуся подъ собой аду, въ робости, въ безпорядкѣ, ища спасенія, утекаютъ въ лежащее подъ Чесмою пристанище. Ночь мрачнымъ своимъ покровомъ недоконченную побѣду сію прерываетъ. По семъ флотъ нашъ окружаетъ сіе пристанище, сбиваетъ мгновенно противящіяся бойницы, и въ самую средину стѣснившихся судовъ мещетъ огнь и смертъ. Ужасное тогда является зрѣлище! По наполненной трупами багровой пучинѣ пламенные крутятся вихри, и устрашенныя воды спѣшатъ уйти въ море, неся на окровавленныхъ хребтахъ своихъ кормы корабельныя и мачты, съ сѣдящими на нихъ въ безпамятствѣ врагами; воздухъ страшно воетъ; земля отъ грома горящихъ судовъ колеблется; и цѣлые корабли на высоту

брошенные, озаривъ небеса, и раздробленными отполѣ ниспадая частями на остатки спасающихся враговъ, множатъ пламя, пожирающее суда, людей, воздухъ, пучину и берега морскіе. Надъ симъ страшнымъ адомъ летающая въ небесахъ слава, указуя на оной перстомъ, громкою своею трубою концамъ земли гласила: „тако полночныхъ странъ „великая Обладательница караетъ дерзающую „возставать противъ Нея гордость.

Г о н и м а.

Всесильной Богъ, благословившій Ея владычествовать надъ нами, за благоденствіе подданныхъ да награждаетъ Ее непрестанно дарами щедроты Своей.

Л ю б о с л а в ъ.

Но сія важная для собратій моихъ минута радости и торжества, была минутою рабства и плѣненія моего. Коль человѣческое счастіе премѣнно! Когда все уже пылало, и когда радостные вопли возглашали нашу побѣду, тогда посланъ я былъ для взятія оставшихся еще въ невредимости отъ огня нѣкоторыхъ непріятельскихъ судовъ, и въ самое время приближенія моего къ онымъ, враждебнымъ рокомъ посланное на насъ ядро, раздробивъ небольшде наше

судно, оставило насъ плавающихъ въ водѣ. Спасся я и вышелъ на берегъ; но увидѣвшіе меня напослѣдокъ непріятели, взявъ повлекли съ собою: тогда въ послѣдній разъ обратясь печальными очами взглянулъ я на стоящій въ далекѣ побѣдоносной флотъ нашъ, и на то мѣсто, гдѣ надъ пепломъ сожженныхъ кораблей непріятельскихъ уже одинъ только смрадъ и нѣкая мрачная носилася влажность. Прости, сказалъ я, любезное мое Отечество; простите и вы, остающіеся въ торжествѣ друзья мои! судьба опредѣляетъ мнѣ умереть въ плѣну. Рыданіемъ пресѣклися мои жалобы; и я думалъ, что смерть скоро всѣ мои печальныя мысли окончаетъ; однако обманулся: жестокосердая смерть оставила меня жить, чтобъ наконецъ нашелъ я несчастную матъ мою и сестру въ порабощеніи у тирановъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣжъ и Храбродъ, *которой вбѣгаетъ поспѣшно.*

Храбродъ.

Мучители немилосердые! насытьтеся, насытьтеся скорѣй кровію невинныхъ!

Добромыслъ.

Что сталося? Отъ чего толь устрашенное лице ты имѣешь?

Храбродъ.

Несчастные! послѣднимъ ударомъ пришелъ я поразить ваши сердца!

Гонима.

Что хочешь ты намъ сказать?

Мечестъ.

Какое новое свирѣпство? Не медли, объявляй.

Храбродъ.

Скоро или острой мечъ насъ всѣхъ погубитъ, или всѣ мы другъ съ другомъ разлучены будемъ на вѣки.

Любославъ.

Какъ? . . . . Что? . . . .

Добромыслъ.

Разлучены будемъ! . . . .

Честана.

Праведной Боже!

Г о н и м а.

О презлая участь наша!

Х р а в р о д ъ.

Незапно услышалъ я разговоръ нашихъ мучителей, которымъ они, не чая меня быть свидѣтелемъ, сіе пагубное предпріятіе явственно мнѣ внушили. По довольному въ языкѣ знанію моему всѣ рѣчи ихъ были мнѣ вразумительны. Я не знаю, какое они взяли на насъ подозрѣніе; но только вѣдаю, что они уже готовятся, и еще въ нерѣшимости, разослать ли насъ по темницамъ въ разные города, или ненасытному всѣхъ предать мечу.

Ч е с т а н а.

О Боже! . . . . Умертвите меня изъ жалости, не дайте страшной минуты сей дождаться!

Г о н и м а.

Такъ за тѣмъ я, сынъ мой, увидѣлася съ тобою, чтобъ сіи тигры при глазахъ моихъ тебя растерзали!

Л ю б о с л а в ъ.

Увы! дражайшая родительница!

Д о б р о м ы с л ъ.

Честана . . . . гдѣ ты? Меня разлучить съ тобою хотятъ. . . . Смерть не стра-

шишъ меня; я Россіянинъ, многократно безъ робости на нее взиралъ; . . . . но видѣть дражайшую мою Честану злодѣйскими руками умерщвляему! . . . . ахъ! сіе только твердость души моей колеблетъ.

Честана.

Постойте губители! умертвите меня сто разъ, но лишь ему оставьте жизнь.

Храбродъ.

Мы погибаемъ, друзья мои! Се послѣдній часъ жизни нашей! Се приходятъ варвары умертвить насъ!

Гонима.

Сынъ мой! . . . . Честана! . . . бѣгите, спасайтесь . . . . я умираю!

Честана.

Увы! . . . .

Любославъ.

Я слѣдую за тобою, дражайшая родительница! Прости, сестра моя!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣжъ и Начальникъ невольниковъ *со стражею, которая подходитъ поспѣшно къ плѣнникамъ, для снятія съ нихъ оковъ; но Начальникъ увидя входящаго Миролюба, знакомъ ихъ останавливаетъ.*

МИРОЛЮБЪ.

Въ какомъ плачевномъ состояніи я всѣхъ здѣсь обрѣтаю! Ободритесь несчастные! я пришелъ важное объявить вамъ происшествіе.

ДОБРОМЫСЛЪ.

Не тѣнь ли я вижу? Миролюбъ! ты живъ?

ГОНИМА.

Чей я слышу голосъ! Возможно ль то?

ЧЕСТАНА.

Миролюбъ предъ очами моими! и мы еще не умерщвлены!

МИРОЛЮБЪ.

Знаю, что вы меня почитали мертвымъ, однако судьба меня пощадила, и я вмѣсто смерти содержался только въ отдаленной отъ васъ темницѣ; чему причину теперь же вамъ открою.

Г о н и м а.

Что хочетъ онъ намъ сказать?

Д о б р о м ы с л ъ.

Вѣщай, вѣщай. . . .

М и р о л ю б ъ.

Находяся вмѣстѣ съ вами подъ игомъ тяжкаго рабства, и зная, что объ насъ въ странѣ сей заключенныхъ никто никакого не имѣетъ свѣдѣнія, долгое время какъ и вы отчаянъ я былъ имѣть нѣкогда свободу, и видѣть любезное наше Отечество. Напослѣдокъ пришла мнѣ въ умъ счастливая мысль, чтобъ отписать къ Милосердой нашей Матери письмо и искать благополучія своего въ чувствительномъ къ жалости Ея сердцѣ. Мучители наши о семъ узнавъ, и чая въ томъ быть какому либо противъ нихъ умыслу, отлучивъ меня отъ васъ, заключили въ ужаснѣйшую сто кратъ сея темницу и оковы. Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ почитали вы меня мертвымъ. Но дивитесь дѣйствію прозьбы послѣдняго раба въ сердцѣ Человѣколюбивой Матери нашей! Едва сіе мое письмо достигло до Ея престола, уже не щадитъ ни попеченій, ни сокровищъ и не только однихъ вѣрноподданныхъ чадъ Своихъ искупляетъ, но и всѣхъ страждущихъ

въ плѣну Христіянъ! . . . . Прострите, любезные друзья мои, на объятіе ко мнѣ руки ваши! Упьемся радостію; поставимъ въ сердцахъ нашихъ олтарь Великой Самодержицѣ и купно Матери нашей! Она намъ жизнь посылаетъ, Она воскрешаетъ насъ изъ мертвыхъ, Она даруетъ намъ свободу.

Любославъ.

Не сонъ ли это? Не мечта ли насъ прельщаетъ?

Миролюбъ.

Я нарочно прищелъ къ вамъ въ оковахъ, чтобъ имѣть удовольствіе вмѣстѣ съ вами оныя сложить. Мы на краю стояли погибели: сіи тигры убить насъ умышляли; но радостная вѣсть о нашей вольности предупредила злобное ихъ намѣреніе, и я вмѣсто смерти пришелъ теперь возвѣстить вамъ жизнь и свободу. *(Стража снимаетъ со всѣхъ оковы.)*

Добромыслъ *обнимая его.*

О радостный благополучія нашего вѣстникъ! о другъ нашъ! изъ какой ужасной пропасти у дверей гибели стоявшихъ извлекъ ты насъ, и на какую высоту блаженства поставилъ!

Любославъ.

Радостное мое восхищеніе превосходитъ и самую бывшую предъ симъ горесть.

Храбродъ.

Любезные друзья мои! сколь мы благополучны!

Гонима.

О Избавительница старости моей, Избавительница дѣтей моихъ, Матерь наша! да наполнитъ Богъ человѣколюбивое Твое сердце непрестанною радостію и удовольствіемъ!

Честана.

Дражайшій Добромыслъ! сладкая надежда въ сердцахъ нашихъ возобновляется.

Добромыслъ.

Чувствованіе радости моей всѣ мѣры благополучія превосходитъ.

Миролюбъ.

Оставимъ сіе мрачное жилище, пойдемъ, друзья мои, на брегъ, гдѣ все уже мною приготовлено, и гдѣ веселящіеся наши товарищи со множествомъ другихъ освобожденныхъ невольниковъ насъ ожидаютъ, и ко-

рабль для отвезенія насъ въ Отечество стоитъ готовъ къ отшествію.

Добромыслъ.

Пойдемъ, пойдемъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Театръ перемѣняется и представляетъ пріятной взору берегъ со множествомъ освобожденныхъ невольниковъ, которые всѣ изъявляютъ радость, и нѣкоторые изъ нихъ на возвышенномъ камнѣ высѣкаютъ число ихъ искупленія. Недалеко отъ берега видѣнъ корабль, съ котораго находящіеся тамъ люди собравшись смотрятъ на веселящихся невольниковъ. Приходятъ бывшіе въ темницѣ, и новая между всѣми разливается радость.

Миролюбъ. *Подходя къ высѣкающимъ на камнѣ число.*

Вы уже трудъ вашъ совершили. Сіе искупленія нашего число да будетъ вѣчнымъ знакомъ милосердія избавившей насъ отъ ига неволи.

Добромыслъ.

Да возвѣщаетъ оно и твердитъ Ея благодѣянія каждому заносимому сюда бурею,

любопытствомъ, или злоключеніемъ; да утѣшаетъ несчастныхъ надеждою, вселяя купно въ нихъ сожалѣніе, что они не подъ скипетромъ ея рождены; да взираютъ на сіе со удивленіемъ сами варвары, и да научатся быть добродѣтельными симъ ея однимъ примѣромъ.

Миролюбъ.

А мы всѣ теперь на семъ брегу собранные радостными сердецъ движеніями принесемъ Избавительницѣ нашей благодарность, воспоемъ сложенныя горячимъ усердіемъ Ей пѣсни въ честь, возвеличимъ имя Ея до небесъ, и да гласится оно повсюду.

Добромыслъ.

Наполнимъ любезнымъ намъ именемъ симъ всю сію страну: ибо что кромѣ сего въ даръ Ей принести можемъ?

Хоръ.

Взнося всеобщій гласъ,
Громчайшій ликъ составимъ,
Избавившую насъ
До самыхъ звѣздъ прославимъ.
О Мать своимъ странамъ!
Коль Ты любезна намъ!

Solo 1.

Блаженство нашихъ дней,
На основаньи твердомъ,

Мы въ сердцѣ зримъ у Ней
Щедротномъ, милосердомъ.

Solo 2.

Предъ Ней трепещетъ свѣтъ,
Но бѣдный не страшится;
Тотъ въ гордости падетъ,
Сей щастливымъ узрится.

Solo 3.

За храбрость награждать,
Производить геройство,
И трудъ чтобъ услаждать,
Души Ея то свойство.

Solo 4.

Науки, что цвѣтутъ,
Какъ кринъ въ Ея державѣ,
Какъ кедры возрастутъ
Къ Ея безсмертной славѣ.

ФИЛИППЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ЗНАМЕНИТАГО АЛЬФЬЕРИ.

переводъ

съ Италіянскихъ бѣлыхъ стиховъ прозою.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Филиппъ, Король Испанскій.

Изабелла, жена его.

Донъ Карлосъ, сынъ Филиппов.

Гомесъ,
Пересъ,
Леонардъ, } Вельможи.

Совѣтники.

Стража.

Дѣйствіе происходитъ въ Мадритѣ въ Царскихъ чертогахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изабелла.

Желаніе, страхъ, сомнительная и преступная надежда, ступайте изъ груди моей! — Филиппова сына, невѣрная Филиппу жена, дерзаю я любить? я! — Но кто можетъ видѣть его, и не любить? Смѣлое исполненное человѣколюбія сердце, благородная гордость, высокой умъ, и въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа—ахъ! для чего природа и небо сотворили тебя таковымъ? . . . Увы! что я говорю? Такъ ли сладкой образъ его вырываю изъ глубины моего сердца? О! ежели бы о семъ пламени кто нибудь изъ живущихъ на земли былъ извѣстенъ! О! ежели бы могъ онъ самъ подозрѣвать его! Онъ всегда печальну меня видитъ . . . . печальну, правда, но въ тоже время и убѣгающу отъ лица его; и знаетъ, что всякое веселіе изгнано изъ Гишпаніи — а въ сердцѣ у меня кто можетъ прочитать? Ахъ! когда бы сама я, что происходитъ въ немъ, столько же, какъ и другіе, не знала! о! естьли бы могла обманывать себя, убѣгать отъ себя самой также, какъ отъ другихъ! . . . . Не-

кто, кромѣ меня, можетъ о томъ знать? Толикою добродѣтелію, добродѣтелію и превозможеніемъ высшимъ силъ человѣческихъ, гордился я и сокрушался. Священный долгъ всегда былъ предъ очами моими, и погрѣшилъ ли я хотя мыслію, знаетъ то небо, каждой тайной мысли моей свидѣтель. Въ слезахъ долгіе дни, въ слезахъ провождалъ я долгія ночи: что пользы? Ненависть ко мнѣ въ сердцѣ отца моего, и глубокая печаль въ моемъ, не преставали возрастать.

Изабелла.

Повѣрь мнѣ, въ сердцѣ отцовскомъ ненависти быть не можетъ; но подозрѣніе. Строптивая толпа, ненавидящая тебя, и тѣмъ больше злящаяся на достоинство, чѣмъ оно превосходнѣе, внушила можетъ быть подозрѣніе на тебя въ сердце родительское.

Карлъ.

Ахъ! ты не знаешь, какой у меня отецъ, и дай боже, чтобъ ты никогда его не узнала! Еще лукавые замыслы злохитраго двора тебѣ не извѣстны; нѣтъ въ немъ истинны, нѣтъ правоты. Жестокосерднѣйшій изъ всѣхъ окружающихъ его жестокосердыхъ людей, Филиппъ есть тотъ, который ненавидитъ меня; онъ рабскую толпу свою на-

правляешъ; онъ именемъ отца, естьли только знаешъ оное, раздражается. Я однакожъ, не взирая на то, не забываю, что я сынъ его. Но естьли бы нѣкогда и могъ, забывъ сіе, дать волю заключеннымъ въ груди жалобамъ моимъ, то не услышалъ бы, нѣтъ, никогда не услышалъ бы онъ меня вопіющаго за отъятіе у меня почестей, ниже за лишеніе славы, ниже за неслыханную и не естественную ненависть отцовскую; о другой, несравненно бо́льшей для меня напасти вопіялъ бы я. . . . . Онъ, отнявъ тебя, все у меня отнялъ.

Изабелла.

Князь! ты забываешь, что онъ твой отецъ.

Карлъ.

Ахъ! прости сему невольному наполненной души моей изліянію: всей глубины сердца моего до сей минуты не имѣлъ я случая тебѣ открыть.

Изабелла.

И никогда бы тебѣ открывать того не надлежало; ниже мнѣ слышать. . . .

Карлъ.

Постой; когда уже ты часть печали

щасшная! слезы одна мнѣ отрада; но и слезы преступленіе. — Сокроемъ далѣе внутрь храминъ моихъ печаль мою; тамъ свободнѣе. . . . Что я вижу. Карлъ? Ахъ! уйдемъ: каждое слово мое, каждый взглядъ, могутъ мнѣ измѣнить: о небо! уйдемъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Карлъ и Изабелла.

Карлъ.

Какая встрѣча! — Царица, какъ? и ты отъ меня убѣгаешь? и ты нещастному мнѣ образъ твой возбраняешь видѣть?

Изабелла.

Князь. . . .

Карлъ.

Весь дворъ отца моего врагъ мнѣ, я это знаю; дивно ли, что ненависть, злобу, и подлую, худо сокрытую зависть, на лицѣ каждаго читаю, когда отцу и царю моему я противенъ? Но ты, чуждая жестокосердія, ты, рожденная подъ небомъ менѣе мрачнымъ, и которой сердце не заражено тлѣтворностію здѣшняго воздуха; могу ли по-

мыслить, чтобъ въ твоемъ любезномъ и величественномъ образѣ скрывала ты не жалостную душу?

Изабелла.

Тебѣ извѣстно, какую жизнь по сіе время вела я здѣсь: строгіе и новые для меня двора сего обычаи не истребили еще изъ мыслей моихъ той первой и сладкой къ родинѣ моей любви, которая такъ сильно обладаетъ нами. Я знаю страданія твои, знаю претерпѣваемыя тобою незаслуженныя оскорбленія, и сожалѣю. . . .

Карлъ.

Ты сожалѣешь? о радость! Сіе слово твое всѣ мои муки въ пріятное погружаетъ забвеніе. Но я скорблю о твоей печали. Часто, не помня о моихъ мученіяхъ, плачу о твоей лютой судьбѣ, и желалъ бы. . . .

Изабелла.

Лютость судьбы моей современемъ, надѣюсь, уменьшится: злополучіе мое не можетъ равняться съ твоимъ; перестань о немъ такъ много печалиться.

Карлъ.

Моя жалость тебя оскорбляетъ, когда твоя даетъ мнѣ жизнь.

Изабелла.

Ты выше мѣры жалость мою ставишь.

Карлъ.

Выше мѣры? ахъ нѣтъ! Какая склонность, какое чувствованіе можетъ сравниться или превзойти тотъ сладкой трепетъ жалости, которой во всякомъ человѣколюбивомъ сердцѣ обитаетъ? которой мститъ злощастію, и наносимыя имъ раны исцѣляя, не велитъ болѣе называться злополучными тѣмъ, кои въ общей печали общими себя слезами утѣшаютъ.

Изабелла.

Что ты говоришь? . . . . Такъ, я чувствую жалость . . . . но о небо! . . . . Такъ конечно, я не мачиха тебѣ: естьли бы могла я осмѣлиться за невиннаго сына предстательствовать у разгнѣваннаго отца, ты бы увидѣлъ. . . .

Карлъ.

Кто можетъ столько осмѣлиться? Но хотя бы ты и осмѣлилась, тебѣ неприлично. О жестокой предѣлъ! . . . . Всѣхъ моихъ нещастій ты, хотя и невиннымъ образомъ, ты одна причиною; и совсѣмъ тѣмъ ничего въ пользу мою. . . .

Изабелла.

Я причиною мукъ твоихъ? я?

Карлъ.

Ты, конечно: развѣ не знаешь? мои бѣдствія начались съ того злополучнаго дня, въ которой ты невѣстою моею наречена и въ тоже время отнята у меня была.

Изабелла.

Увы! почто ты о томъ напоминаешь? прошла мгновенная та надежда.

Карлъ.

Она съ лѣтами возрастала во мнѣ; отецъ мой питалъ ее; тотъ отецъ, которому послѣ угодно было разрушить сіи торжественныя узы....

Изабелла.

Чтожъ теперь?....

Карлъ.

Подданный и сынъ самодержавнаго владыки, терпѣлъ, молчалъ, плакалъ, но внутри сердца; волѣ моей воля его была законъ: онъ сталъ супругомъ твоимъ: и сколь тяжко было мнѣ молчать и повиноваться,

моей узнала, внемли всю. Я долженъ тебѣ сказать. . . .

Изабелла.

Молчи; оставь меня.

Карлъ.

Злополучный! я буду молчать; но увы! сколько мнѣ говорить остается? Послѣдняя надежда. . . .

Изабелла.

Какую надежду, кромѣ преступной, можешь ты имѣть?

Карлъ.

Надежду . . . . что ты не питаешь ненависти ко мнѣ.

Изабелла.

Ты знаешь: я должна тебя ненавидѣть, когда ты любить меня осмѣливаешься.

Карлъ.

Естьли такъ, гнушайся мною; сама предъ супругомъ своимъ обвини меня.

Изабелла.

Мнѣ говорить о тебѣ царю? — Я имени твоего произнесть не дерзну.

Карлъ.

Толь преступнымъ кажусь я тебѣ?

Изабелла.

Одинъ ли ты преступникъ?

Карлъ.

Такъ и ты въ сердцѣ своемъ. . . ?

Изабелла.

Увы! что я сказала? . . . Сказала много. О дерзновенный! ты ясно меня понялъ. Кто я, и кто ты, подумай. Мы оба достойны гнѣва царскаго; я, когда тебя слушать буду; ты, когда продолжать станешь.

Карлъ.

Ахъ! ежели бы сердце твое такъ горѣло, какъ я горю и страдаю; ежели бы ты всякую минуту милаго тебѣ человѣка видѣла въ объятіяхъ другой: ахъ! не великою почитала бы ты виною ходить по слѣдамъ отъятаго у тебя друга, насыщать очи свои, и желать иногда, подобно мнѣ, краткими и невинными изреченіями облегчать удрученное горестію сердце!

Изабелла.

Убѣгай меня! Оставь сіи нещастныя мѣста, не кажись въ нихъ покуда я жива; не долго. . . .

Карлъ.

О небо! но могу ли я уйти отъ отца моего? Безплодное покушеніе удалиться отселѣ въ новую поставится мнѣ вину: уже и такъ отецъ мой многими преступленіями меня укоряетъ. Одной только настоящей вины моей не вѣдаетъ.

Изабелла.

О когда бы и я не знала ее!

Карлъ.

Естьли я оскорбилъ тебя, ты получишь отмщеніе, и скоро. Оставь меня здѣсь: ежели печаль не прекратитъ моей жизни, то похититъ ее ненависть и злоба отца моего, которой въ самомъ себѣ, внутри кроваваго сердца своего, поклялся меня погубить, Когда ты живешь въ сихъ ужасныхъ, и при семъ томъ любезныхъ мнѣ чертогахъ, ахъ! дай мнѣ испустить душу тамъ, гдѣ ты.

Изабелла.

Какое страшное зрѣлище представляешь ты воображенію моему! . . . . . Ахъ! уже

и такъ, доколѣ ты здѣсь, страшусь и трепещу я о тебѣ. Жалобный нѣкій гласъ, предвѣстникъ нещастной судьбы твоей, стонетъ у меня въ сердцѣ. — Ежели ты любишь меня, послѣдняго и перваго опыта любви твоей прошу: удались отъ отца своего.

Карлъ.

Изабелла! ты невозможнаго требуешь.

Изабелла.

Такъ по крайней мѣрѣ больше прежняго убѣгай меня: сохрани мою и свою славу. Оправдайся въ ложныхъ преступленіяхъ, которыми обвиняетъ тебя клевещущая зависть: живи, я тебѣ повелѣваю, живи. Да останется со мною одна моя ненарушимая добродѣтель; съ тобою, противъ воли моей, будетъ сердце мое, съ тобою мысли, съ тобою душа моя. Но не ищи слѣдовать по стопамъ моимъ, не отверзай предо мною устъ своихъ, не отверзай никогда. Доселѣ единое небо свидѣтель нашего преступленія: да сокроется оно отъ всего свѣта; да сокроется отъ насъ самихъ: вырви изъ сердца твоего даже до самаго корня воспоминаніе о томъ . . . . ежели можешь.

Карлъ.

Ты не выслушаешь меня болѣе? не выслушаешь никогда? . . . *(Хочетъ идти за нею, но она уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Карлъ.

Нещастный! . . . о день! . . . она оставила меня? . . . О злая судьба моя! ты меня въ одну минуту сдѣлала и счастливымъ и злополучнымъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Карлъ и Пересъ.

Пересъ.

Я по слѣдамъ твоимъ, государь. . . Но что вижу? о небо! отъ чего толикое смятеніе въ тебѣ? что сталося? ты почти внѣ себя . . . . ахъ, скажи; раздѣли со мною печаль твою. — Но ты молчишь? Не съ самыхъ ли юныхъ лѣтъ расли мы вмѣстѣ? не всегда ли ты называлъ меня другомъ своимъ?

Карлъ.

Какое имя дерзаешь ты произносить въ сихъ чертогахъ? Имя, навсегда отъ злохитрыхъ дворовъ изгнанное, хотя и часто упоминаемое. Тебѣ гибельна, а мнѣ безполезна твоя дружба. Уступи теченію, уступи; послѣдуй лучше самъ спре-

мленію толпы: неси съ нею верховному кумиру корыстныя жертвы и поклоненія.

Пересъ.

Напрасенъ и несправедливъ твой совѣтъ; не смѣшивай меня съ преступною толпою; я .... но что пользы клясться въ вѣрности тамъ, гдѣ всякъ клянется въ ней, и всѣ измѣняютъ? Отъ сердца, отъ руки, потребуй вѣрнаго опыта; скажи, въ какую опасность вдаться должно? Гдѣ врагъ, наиболѣе оскорбляющій тебя? скажи.

Карлъ.

Одинъ у меня врагъ, отецъ мой; другихъ, ползающихъ предъ нимъ рабовъ, не хочу и не прилично мнѣ симъ именемъ почтить. Отцу моему безмолвіемъ, другимъ отвѣтствую я презрѣніемъ.

Пересъ.

Но истинна неизвѣстна царю: отсюду раждается въ немъ несправедливый на тебя гнѣвъ, возбуждаемый хитростію другихъ. Я первый, я громко за тебя говорить стану.

Карлъ.

Пересъ, что ты говоришь? Истинна больше, нежели ты думаешь, извѣстна царю.

Онъ больше ненавидитъ, нежели знаетъ ее: не можетъ въ защиту мою терпѣть ни единаго слова. . . .

Пересъ.

Гласъ природы понудитъ его выслушать правду.

Карлъ.

Гласъ природы не проницаетъ въ каменное его неприступное сердце. Оставь защищать меня самой невинности моей, и небу, благоволящему иногда милосердыми взирать на нее очами. Ежели ты усерденъ мнѣ, прошу тебя, въ безмолвіи терпи со мною. Когда бы я былъ преступникъ, то одного только тебя не отвергся бы имѣть моимъ предстателемъ. Какой большій опытъ дружбы могу тебѣ я дать?

Пересъ.

Содѣлай меня участникомъ судьбы твоей, какая бъ она ни была; сего только прошу, и больше ничего: какою знаменитѣйшею должностію могу я быть обязанъ при семъ толико развращенномъ дворѣ?

Карлъ.

Но ты не знаешь, что судьба моя, какая бъ она ни была, не можетъ быть щастливою никогда.

Пересъ.

Я твой, а не случаю твоему другъ. Ахъ! естьли правда, что раздѣляемая печаль сноснѣе, то будешь ты во мнѣ имѣть неразлучнаго въ слезахъ твоихъ сотоварища.

Карлъ.

Печаль, ведущая меня ко гробу, заключена въ моемъ сердцѣ; ужасная, но любезная печаль. О нещастный! . . . . почто не могу я сказать тебѣ того? . . . . Ахъ, нѣтъ! не ищу, и не будетъ у меня друга великодушнѣе тебя: но показать тебѣ вѣрный опытъ дружбы, открытіемъ сердца моего, о небо! не могу. Оставь меня; отъ толикой и толь безполезной вѣрности твоей ко мнѣ, что ты получишь? я недостоинъ того; еще тебѣ повторяю: оставь меня. Развѣ не знаешь, въ какое страшное преступленіе вмѣняется храненіе вѣрности къ человѣку, носящему на себѣ ненависть царя?

Пересъ.

Но ты не знаешь, какъ славно, не смотря ни на какую власть, сохранять ее. Сомнѣніе твое сильно оскорбляетъ меня, но сердца моего не премѣняетъ. Ты скрываешь въ груди своей тяжкую печаль, о которой не можешь сказать? Я не принуждаю тебя

открыться мнѣ. Но ежели только того прошу и желаю, чтобъ мнѣ вмѣстѣ съ тобою грустить и умереть, то можешь ли безъ жестокосердія отказать мнѣ въ томъ?

Карлъ.

Такъ ты непремѣнно того желаешь? Вотъ рука моя; даю тебѣ нещастный залогъ нещастнаго дружества. Жалѣю о тебѣ; но не пѣняю, нѣтъ, не пѣняю болѣе на судьбу мою и не жалуюсь на щедрое небо, пославшее мнѣ толь рѣдкаго друга. О Филиппъ! колико я щастливѣе тебя! ты больше жалости, чѣмъ зависти достоинъ: посреди суетной пышности и лживой лести, никогда не вкушалъ ты сладостей дружбы.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филиппъ и Гомесъ.

Филиппъ.

Гомесъ! что драгоцѣннѣе всего почитаешь ты на свѣтѣ?

Гомесъ.

Твою милость.

Филиппъ.

Какимъ средствомъ сохранить ее помышляешь? . . .

Гомесъ.

Тѣмъ самымъ, какимъ я снискалъ ее: повиновеніемъ и молчаніемъ.

Филиппъ.

Такъ знай, что сего дня долженъ ты исполнить и то и другое.

Гомесъ.

Долгъ сей не новый для меня: ты вѣдаешь, что я. . . .

Филиппъ.

Знаю: изъ всѣхъ вѣрныхъ мнѣ, по сіе время ты былъ вѣрнѣйшій. Но сего дня великая мысль въ умѣ моемъ обращается: я хочу поручить тебѣ столь важное и новое дѣло, что за благо разсудилось мнѣ напередъ краткими, но ясными словами напомнить тебѣ о твоей должности.

Гомесъ.

Стало быть сегодня великій Филиппъ можетъ еще больше узнать, каковъ я.

Филиппъ.

На сей разъ ты легко исполнишь мое повелѣніе; легко исполнишь ты, а не другой кто. Сей часъ будетъ сюда царица, и я долго разговаривать съ нею стану: ты между тѣмъ всякую малѣйшую въ лицѣ ея перемѣну примѣчай и помни: не спускай съ нее проницательнаго взора твоего; того взора, которымъ въ самой глубинѣ сердца государя твоего самыя сокровеннѣйшія желанія часто умѣешь ты читать, и безмолвно исполнять ихъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филиппъ, Изабелла и Гомесъ.

Изабелла.

Государь, по швоему повелѣнію пришла я сюда.

Филиппъ.

Важная причина побудила меня призвашь шебя.

Изабелла.

Какая?

Филиппъ.

Топчасъ услышишь. — Могу ли я надѣяться опъ шебя? . . . . Но какое въ шомъ сомнѣніе? Кто, кромѣ шебя, можешъ мнѣ подашь искренній, безпристрастный совѣтъ?

Изабелла.

Я, совѣтъ?

Филиппъ.

Ты, конечно: мнѣніе твое предпочитаю я всякому другому; и естьли по сіе время не участвовала ты со мною въ правленіи царства, сего не должна ты приписывать недостатку любви супружеской, или малой къ тебѣ довѣренности царской, нѣтъ; я хотѣлъ единственно освободить тебя отъ

тяжелыхъ для пола твоего заботъ и трудовъ. Но по нещастію моему настало время, показавшее мнѣ такой случай, въ которомъ право царствованія моего съ правомъ крови моей такъ несогласно, что ты первою моею совѣтницею быть должна. — Но прежде нежели я объяснюсь, нужно мнѣ отъ тебя услышать, какое имя почитаешь ты болѣе страшнымъ, болѣе важнымъ и священнымъ, имя отца, или царя.

Изабелла.

Оба равно священны; и кто жъ не знаетъ того? . . .

Филиппъ.

Тотъ, можетъ быть, тотъ, кому всѣхъ болѣе надлежало бы знать. — Но скажи мнѣ, прежде нежели я увѣдомлю тебя, и скажи правду: Карла, сына моего . . . . любишь ты? . . . . или ненавидишь? . . . .

Изабелла.

Государь. . . .

Филиппъ.

Я понимаю тебя. Когда ты склонности сердца своего, а не гласу добродѣтели твоей внимаешь, тогда ты чувствуешь себя . . . . мачихою.

Изабелла.

Ахъ, нѣтъ; обманываешься: Князь. . . .

Филиппъ.

Такъ ты его любишь: по этому ты имѣешь въ себѣ такую добродѣтель, что хотя ты Филиппу жена, однакожъ чувствуешь къ Филиппову сыну любовь . . . . материнскую.

Изабелла.

Мысли мои руководствуются твоими. Ты его любишь. . . . Такъ по крайней мѣрѣ я думаю. . . . Такимъ же образомъ и я . . . люблю его.

Филиппъ.

Когда въ сердцѣ твоемъ великомъ и благородномъ нѣтъ къ нему ни мачихиной злости, ни слѣпой материнской любви, то я хочу сдѣлать тебя судьею надъ моимъ сыномъ.

Изабелла.

Меня? . . . .

Филиппъ.

Послушай. — Карлъ долгое время былъ единственною моею надеждою, покуда, совратясь съ пути добродѣтели, всей моей высокой на него надежды не разрушилъ. О!

коликократно потомъ родительское сердце мое искало извинять повторяемые въ непослушномъ сынѣ проступки! Но нынѣ уже дерзкіе помыслы и безумная наглость его на самый верхъ взошли; и я долженъ непремѣнно взять противъ него насильственныя мѣры. Ко многимъ преступленіямъ своимъ присовокупилъ онъ такое преступленіе, предъ которымъ всякое другое есть ничто; такое, котораго нѣтъ словъ описать. Онъ сдѣлалъ мнѣ оскорбленіе, ни съ какимъ другимъ несравнительное; такое оскорбленіе, какого отецъ отъ сына никогда не могъ ожидать; такое, послѣ котораго онъ уже не есть сынъ мой.... Но что? ты сама трепещешь, не знавъ еще того? . . . . Выслушай, и вострепещи еще болѣе. — Ты знаешь, что уже болѣе пяти лѣтъ, тамъ, на погребенныхъ въ Океанѣ брегахъ, бѣдный народъ, на блатистой землѣ, дерзаетъ сопротивляться моей власти. Не меньше Богу, какъ и Царю своему, предатели, безчестіе одной своей измѣны покрываютъ другою. Знаешь колико злата, трудовъ и крови, истощается изъ сего царства на сію войну; и знаешь, что ежели бы оная стоила мнѣ престола и жизни, то и тогда не оставилъ бы я намѣренія наказать сей подлый народъ, и не дать ему преступленіемъ своимъ гордиться. Я поклялся злое порожденіе сіе заклать въ жертву небесамъ: оно должно умереть, когда не умѣетъ пови-

новаться. — Нынѣ, кто бы могъ тому повѣрить? Къ симъ лютымъ, законопреступнымъ врагамъ, долженъ я, о бѣдствіе! причислить сына, единороднаго сына моего.

Изабелла.

Князя! . . . .

Филиппъ.

Да, Князя: многія перехваченныя письма, и тайныя посольства, и явныя, и гордыя, и возмутительныя слова его, не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Теперь подумай, каково должно быть состояніе нещастнаго отца, оскорбленнаго измѣною Царя, и какой по строгости правосудія преступный сынъ долженъ ожидать судьбы, скажи ты за меня.

Изабелла.

О небо! ты хочешь, чтобъ я судьбу сына твоего. . . .

Филиппъ.

Да; она въ твоихъ рукахъ; не страшись Царя, не потворствуй отцу: произнеси.

Изабелла.

Я ничего не страшусь, кромѣ нарушенія истинны. Часто съ престола неудобно различить невиннаго отъ злодѣя.

Филиппъ.

Но когда Царь тебя увѣряетъ, можешь ли сомнѣваться? Кто больше меня желаетъ видѣть его невиннымъ? О! ежели бы неслыханныя обвиненія могли быть ложны!

Изабелла.

Но развѣ онъ признался? . . . .

Филиппъ.

Какъ можно ожидать отъ него признанія? гордъ, непреклоненъ, онъ презираетъ не только оправдываться, нижѐ тѣнь оправданія принести противу ясныхъ уликъ. Я не хотѣлъ говорить ему о семъ новомъ его вѣроломствѣ, покуда не укрощу въ сердцѣ моемъ кипящей на него ярости: но хотя бы гнѣвъ сей и умолкъ во мнѣ, однако хладный долгъ Царя чрезъ то не умолкаетъ . . . . а между тѣмъ, о небо! также и гласъ отца вопіетъ во мнѣ. . . .

Изабелла.

Внемли, ахъ! внемли сему гласу: онъ не равняется ни съ какимъ другимъ. Можетъ быть сынъ твой невиненъ; невозможно кажется, чтобъ онъ былъ такой преступникъ. Но виненъ онъ, или нѣтъ, выслушай его; выслушай ты самъ: никто предстатель-

ствовать за себя у отца не можетъ лучше, какъ сынъ. Естьли былъ онъ иногда гордъ противъ людей не всегда наблюдающихъ истинну, противъ тебя гордъ не будетъ. Преклони къ нему слухъ свой; отверзи родительское сердце твое. Ты рѣдко, или никогда не призывалъ его къ себѣ; никогда не бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ всегда со страхомъ къ тебѣ приближается: въ хладнокровномъ и уныломъ молчанiи недовѣренность возрастаетъ, а любовь умаляется. Ты самъ, молю тебя, ты самъ возбуди прежнюю добродѣтель его, естьли она въ немъ воздремала; не можетъ быть, чтобъ она въ сынѣ твоемъ погасла: не ввѣряй никому отцовскаго надзора. Обрати къ нему родительскія очи твои, а на другихъ воззри грозными очами Царя. Чего не можно великодушными поступками извлечь изъ великодушнаго сердца? Онъ кажется тебѣ въ нѣкоторыхъ проступкахъ виноватымъ? Кто жъ не проступается? Ты одинъ покажи ему за оные, ты одинъ, справедливый гнѣвъ твой. Гнѣвъ родительскiй кротокъ, но какой сынъ не трепещетъ его? Одно слово, одно твое слово, можетъ въ великой душѣ его возродить раскаянiе, и меньше раздражить ее, нежели сто другихъ, съ хитрымъ намѣренiемъ колкихъ и оскорбительныхъ словъ. Да познаетъ весь дворъ твой, что ты любишь и уважаешь сына своего; что находишь въ немъ

хулы достойную, но извинительную пылкость младости: тогда мгновенно услышишь громкія отъ всѣхъ ему плески похвалъ. Изринь изъ сердца своего подозрѣніе, оно не твое; оставь низкимъ страхомъ злодѣйской измѣны терзаться, достойнымъ предательства.

Филиппъ.

Похвальное, и достойное тебя одной дѣло, обратить сердце отцовское ко вниманію гласа природы: ахъ! никто другой не сдѣлалъ бы сего. О печальная участь Царей! собственнаго сердца своего склонностямъ не только слѣдовать, нижѐ объяснять ихъ намъ прилично. Объяснять! что я говорю? нижѐ изъявить: молчать, притворяться, скрывать ихъ, часто бываетъ необходимою надобностію.— Но придетъ время, придетъ, когда мы имъ свободное, полное дадимъ теченіе. . . . Ясно, больше нежели ты думаешь, ясно слова твои открыли мнѣ глаза. . . . Когда сына моего ты невиннымъ почитаешь, такъ и въ моихъ глазахъ онъ почти уже не преступникъ. — Гомесъ, позови его немедленно сюда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филиппъ и Изабелла.

Филиппъ.

Теперь увидишь, что я могу также и отцомъ казаться; мнѣ бы, больше нежели ему, тяжко было, естьли бы когда нибудь долженъ я былъ появиться въ величествѣ оскорбленнаго Царя.

Изабелла.

Вѣрю. Но вотъ и онъ приходитъ. Позволь мнѣ удалиться отселѣ.

Филиппъ.

Напротивъ, останься здѣсь.

Изабелла.

Я осмѣлилась представить тебѣ мнѣніе мое, потому что ты желалъ онаго: но за чѣмъ теперь мнѣ оставаться? Между сыномъ и отцемъ мачиха тщетный свидѣтель.

Филиппъ.

Тщетный? обманываешься: ты самый нужный для меня свидѣтель. Ты носишь на себѣ только имя мачихи; но можешь и то забыть. — Ему пріятно будетъ тебя ви-

дѣть. Вотъ онъ: пусть узнаетъ, что ты ручаешся за его любовь, добродѣтель и вѣрность.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Филиппъ, Изабелла, Карлъ и Гомесъ.

Филиппъ.

Князь, подойди ко мнѣ. — Скажи, когда настанетъ день, въ которой могу я назвать тебя сладкимъ именемъ сына? Во мнѣ, какъ скоро ты захочешь, всегда увидишь соединенными имена отца и Царя; но ежели ты раздѣляешь ихъ, то для чего же ни отца не любишь, ни Царя не страшишься?

Карлъ.

Государь, всегда новъ для меня былъ ядъ лести, хотя и часто слышу оный; но молчаніе не такъ для меня ново: ежели я кажусь тебѣ преступникомъ, то я конечно преступникъ. Хотя по истиннѣ сердце мое не снѣдается никакимъ угрызеніемъ совѣсти, но видя, что ты почитаешь меня виновнымъ, чувствую въ себѣ глубокую печаль. Молю тебя, повѣдай мнѣ моихъ нещастій, или, когда тебѣ угодно, моихъ преступленій истинную причину.

Филиппъ.

Любовь . . . . которой ты мало имѣешь къ отечеству, совсѣмъ не имѣешь къ отцу, и легковѣрная преклонность твоя къ хитрымъ льстецамъ: не ищи иной причины твоему преступленію.

Карлъ.

Отрада мнѣ и то, что ты не приписываешь сего природному во мнѣ свойству. Итакъ могу еще я прошедшее загладить; могу научиться знать, что такое отечество; какъ долженъ я любить оное; любить отца моего; и познать средство, какимъ образомъ отгонять отъ себя льстецовъ, которые тѣмъ больше обманываютъ тебя, чѣмъ ты меня сильнѣе.

Филиппъ.

Ты еще молодъ: въ сердцѣ, въ движеніяхъ, въ лицѣ, легко можно у тебя прочитать, что ты высокомѣренъ, и много о себѣ думаешь. Приписалъ бы я то неопытности лѣтъ твоихъ; но вижу, что съ лѣтами разсудокъ твой не возрастаетъ, а напротивъ уменьшается. Однако же, не смотря на то, сегоднешнее заблужденіе твое хочу я назвать проступкомъ молодости, хотя можетъ быть скрывается въ немъ зрѣлыхъ лѣтъ умыселъ.

Карлъ.

Заблужденіе! какое?

Филиппъ.

Ты вопрошаешь? — Не зная, что всѣ мысли твои, не только не осторожныя дѣла, всѣ, самыя сокровеннѣйшія мысли твои, мнѣ извѣстны. Царица, ты видишь: не то, что преступникъ; но то, что не чувствуетъ себя таковымъ, есть самое худшее въ немъ.

Карлъ.

Родитель мой, но выведи меня изъ сомнѣнія; скажи: что сдѣлалъ я?

Филиппъ.

Такъ много твоихъ преступленій, что не знаешь, о которомъ я говорить хочу? — Тамъ, съ той страною, гдѣ самый буйственнѣйшій горитъ огонь мятежа, скажи, не имѣлъ ли ты тайныхъ сношеній? Внутри сихъ чертоговъ, въ храминахъ твоихъ, предъ восходомъ солнечнымъ, скажи, не разговаривалъ ты долго, и тайно, съ Батавскимъ отъ возмутителей посломъ? Съ симъ злодѣемъ, который, когда повѣрить его рѣчамъ, пріѣхалъ просить о пощадѣ; но въ сердцѣ у него лукавство и дерзкая надежда, что измѣна ихъ останется безъ наказанія.

Карлъ.

Родитель мой, неужели всякое невинное и малѣйшее дѣло мое поставляться мнѣ будетъ въ преступленіе? Правда, я долго разговаривалъ съ посломъ; правда, соболѣзновалъ вмѣстѣ съ нимъ объ участи сихъ твоихъ подданныхъ; и смѣю тожъ самое сказать предъ тобою: самъ ты можетъ быть не далекъ бы отъ сострраданія къ нимъ былъ, естьли бы обстоятельно узналъ желѣзную руку, подъ которою стонутъ они угнѣтенные отъ намѣстниковъ и правителей жестокихъ, гордыхъ, жадныхъ, робкихъ, неопытныхъ, и злодѣйствующихъ безъ наказанія. Я въ сердцѣ чувствую жалость къ сему народу, не отрицаюсь: и можешь ли ты желать, чтобъ я, Филипповъ сынъ, имѣлъ въ себѣ грубую и жестокую, или подлую душу? Можетъ быть надежда моя возродить въ сердцѣ твоемъ жалость, открывъ тебѣ всю истинну, поставится мнѣ въ дерзновеніе; но могу ли я оскорблять отца моего тѣмъ, что полагаю его способнымъ чувствовать жалость? Царь, когда ты правителя небесъ истинный на земли образъ представляешь, то чѣмъ можешь уподобиться ему, какъ не милосердіемъ? — Однако, ежели я впалъ чрезъ то въ преступленіе, ты властенъ, осуди меня на какую хочешь казнь. Одного только прошу, чтобъ я не названъ былъ измѣнникомъ.

Филиппъ.

Благородною гордостію всѣ слова твои дышатъ. . . . Но худо умѣешь ты проницать высокія причины царскія, и не долженъ. Для того нужно тебѣ излишнюю пылкость въ юной груди твоей укрощать, и отъ дерзкой нетерпѣливости совѣтовать тамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ, воздерживаться, и мыслей твоихъ, какъ великихъ поученій, не предлагать. Ежели ты готовишься предъ лицемъ свѣта на величайшемъ изъ всѣхъ Европейскихъ престоловъ сидѣть нѣкогда со славою, научись быть осторожен. Теперь нравится, и всѣмъ удивительна смѣлость твоя; но тогда въ хулу тебѣ обратится. Время, кажется, время перемѣнить твои поступки. — Во мнѣ искалъ ты милости, и нашелъ ее; но къ тебѣ только: не всѣ другіе достойны оной. Оставь мнѣ одному судить мои дѣла. — За тебя предстательствовала мнѣ, и предстательствовала не тщетно, Царица: она почитаетъ еще тебя достойнымъ и моей и своей любви. Ты, больше нежели мнѣ, обязанъ прощеніемъ моимъ . . . . ей. Между тѣмъ я отнынѣ надѣяться стану, что ты лучше то цѣнить, и удостоиться милости моей, лучше будешь умѣть. Теперь ты, Царица, видишь, что я послѣдовалъ твоему совѣту,

и что отъ тебя научаюсь, не только извинять, но и любить моего сына.

Изабелла.

Государь. . . . .

Филиппъ.

Тебѣ я обязанъ тѣмъ, тебѣ одной; ты сегодня гнѣвъ мой удержала, и сдѣлала, что я отцовскимъ ласковымъ голосомъ разговаривалъ съ сыномъ моимъ. Тебѣ слава и честь! — Карлъ, будь ей за то благодаренъ, и люби ее больше; она весьма на тебя надѣется.... Не измѣни ея надеждѣ. — Ты, супруга, для лучшаго исправленія его, чаще видайся съ нимъ . . . разговаривай. — А ты слушай ее, не убѣгай отъ ней. — Я такъ хочу.

Карлъ.

О какъ имя прощенія тяжело мнѣ! Но естьли я долженъ уже принять оное отъ отца, и по твоему, Царица, предстательству; да будетъ угодно судьбѣ моей (настоятельно говорю), не проступкамъ моимъ, но судьбѣ моей да будетъ угодно, чтобъ я никогда болѣе не имѣлъ стыда до подобнаго снисходить уничиженія.

Филиппъ.

Не получить прощеніе, а быть достойнымъ онаго, стыдись. Но довольно теперь:

поди, помни мои наставленія. — Поди и ты, Царица, въ свои покои; я скоро къ тебѣ приду: важныя нѣкоторыя дѣла удерживаютъ меня на краткое время.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Филиппъ и Гомесъ.

Филиппъ.

Слышалъ ты?

Гомесъ.

Слышалъ.

Филиппъ.

Видѣлъ ты?

Гомесъ.

Видѣлъ.

Филиппъ.

О ярость! Итакъ подозрѣніе? . . . .

Гомесъ.

Теперь превратилось въ явность. . . .

Филиппъ.

И Филиппъ еще медлитъ?

Гомесъ.

Подумай. . . .

Филиппъ.

Думалъ. — Ступай за мною.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Карлъ и Изабелла.

Карлъ.

Прости, молю тебя, прости новую дерзость мою: важная причина понудила меня поручить вѣрной твоей Эльвирѣ вызвать тебя въ толь поздный и необыкновенный часъ для выслушанія моей прозьбы.

Изабелла.

Чего хочешь? . . . . Почто не оставляешь меня самой себѣ? Почто отъемлешь у меня покой, котораго я и такъ уже не имѣю? . . . . За чѣмъ ты звалъ меня?

Карлъ.

Въ краткихъ словахъ скажу, и потомъ оставлю тебя, о судьба! оставлю, и возвращусь къ обыкновеннымъ моимъ слезамъ. Выслушай. Здѣсь не давно предъ симъ осмѣлилась ты отцу моему за меня предстательствовать: я пришелъ сказать тебѣ, что ты поступила весьма неосторожно, и дай Небо, чтобъ я одинъ отъ того пострадалъ.

Онъ подъ видомъ милости скрылъ свой гнѣвъ, и подъ видомъ прощенія возненавидѣлъ меня еще болѣе. Непорочная душа твоя не могла себѣ представить, до какой степени мучитель оскорбляется состраданіемъ. Я пришелъ сказать тебѣ о томъ: жалость въ немъ есть предвѣстникъ лютости. Въ сердцѣ моемъ съ той минуты поселился такой ужасъ, какого я никогда прежде не чувствовалъ: я трепещу за тебя. О Небо! . . . . Не знаю: онъ говорилъ со мною новымъ языкомъ; изъявилъ мнѣ ласку совсѣмъ необыкновенную. Ради Бога! не говори никогда съ нимъ обо мнѣ.

Изабелла.

Онъ первый началъ о тебѣ рѣчь; почти принудилъ меня къ отвѣту: но казалось гнѣвъ его отъ словъ моихъ укротился. Даже и теперь недавно, послѣ разговора съ тобою, движимый отцовскою любовію, плакалъ и при мнѣ тебя хвалилъ. Напослѣдокъ онъ отецъ твой, отецъ: какъ могу я подумать, чтобъ родитель не любилъ единороднаго своего сына? Огорченіе ослѣпляетъ тебя: ты полагаешь въ немъ свирѣпство, какое быть не можетъ. . . Я причиною, я нещастная! что ты его не любишь.

Карлъ.

О Изабелла! ты худо знаешь его: я трепещу, правда; но ненависти къ нему не

имѣю: завидую несравненному ни съ чѣмъ благу, которое онъ у меня отнялъ, и недостойный обладать имъ, не чувствуетъ, нѣтъ, не чувствуетъ высокой тому цѣны. Ахъ! ежели бы ты была щастлива, я бы меньше сокрушался.

Изабелла.

Видишь: ты противъ воли своей обращаешься опять къ жалобамъ. Князь, прости. Будь надеженъ, что я обо всякомъ словѣ моемъ, обо всякомъ знакѣ, подумаю прежде, нежели стану говорить о тебѣ съ Филиппомъ. Я страшусь его — но тебя страшусь еще болѣе.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Карлъ.

О благородная душа! не искусная въ недовѣрчивости, до чего ты достигнешь? . . . Но кто приходитъ?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Карлъ и Гомесъ.

Карлъ.

Чего ты хочешь?

Гомесъ.

Ожидаю Царя: онъ тотчасъ сюда будетъ. — Между тѣмъ, Князь, прошу тебя, позволь и мнѣ принять участіе въ истинной радости, какою преисполняетъ всѣхъ возвращенная наконецъ тебѣ милость родительская. Сколько я могъ, будь увѣренъ, всегда родителю твоему говорилъ за тебя, и готовъ еще болѣе. . . . *(Карлъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гомесъ *(одинъ).*

Ты весьма гордъ . . . . но еще болѣе не остороженъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Филиппъ, Леонардъ, Пересъ, Гомесъ, Совѣтники и стража.

Филиппъ.

Стражи! никто да не дерзаетъ сюда вступить. — Не многихъ, но правосудныхъ и вѣрныхъ, собралъ я васъ сюда для необычайнаго совѣта. . . . . Всякъ внимай мнѣ. — Но какой ужасъ объемлетъ меня при началѣ словъ моихъ! Какой хладъ течетъ по жиламъ моимъ! Слезы струятся изъ очей мо-

ихъ, и слабый гласъ мой, почти отрицаясь отъ выраженія чувствъ сердца моего, колеблется въ недоумѣніи. . . . . Но при всемъ томъ я долженъ, такъ! долженъ; не я хочу, отечество требуетъ того. — Кто бы подумалъ? Я осудитель днесь между вами засѣдаю; не судія, нѣтъ; я не могу онымъ быть; ибо естьли я не буду осудителемъ таковаго преступника, то кто изъ васъ осмѣлится осудить его? Уже я вижу васъ ужасающихся, уже каждый изъ васъ содрогается. . . . Чтожъ будетъ, когда вы услышите меня произносящаго предъ вами имя Карлово?

Леонардъ.

Единороднаго сына твоего?

Пересъ.

Въ чемъ онъ преступникъ?

Филиппъ.

Спокойствіе, которымъ вы, щастливѣйшіе Царя своего, въ семейтвахъ своихъ наслаждаетесь, неблагодарный сынъ у меня отъемлетъ. Тщетно былъ я къ нему милостивъ, тщетно употреблялъ кроткую строгость, и жаркія побужденія къ добродѣтели: глухъ къ ласкамъ и прозьбамъ, и еще болѣе глухъ къ угрозамъ, одно преступленіе соеди-

нялъ онъ съ другимъ, и къ преступленіямъ присовокуплялъ буйную дерзость, такъ что сегодня восшелъ на самый верхъ безумія и свирѣпства. Сегодня, между тѣмъ какъ я новые и явные показывалъ ему опыты излишно снисходительнаго милосердія моего, сегодня достигъ онъ послѣдняго предѣла неслыханнаго злодѣянія. Едва лучезарное свѣтило дневное, блистающій свидѣтель всѣхъ моихъ дѣлъ, въ другіе предѣлы царства моего уклонилось, какъ съ наступившимъ мракомъ ночи, благопріятствовавшимъ измѣннику, возникла въ сердцѣ Карловомъ черная, ужасная мысль. Безмолвенъ направляетъ онъ стопы свои въ храмину мою, да отмститъ мнѣ за прощенныя ему отъ меня вины. Се ополчаетъ десницу отцеубійственнымъ оружіемъ; приближается ко мнѣ сзади; возноситъ уже мечъ, и едва не вонзаетъ оный въ беззащитный отца своего хребетъ. . . . Но съ противной стороны внезапу слышу я гласъ: „смотри, Филиппъ, смотри." То былъ гласъ шедшаго ко мнѣ Родрига. Я почувствовалъ вдругъ какъ бы нѣкій ударъ, скользко меня коснувшійся. Обращаю взоры мои назадъ, и вижу обнаженное у ногъ моихъ желѣзо; вижу не ясно уже въ темнотѣ бѣгущаго вдали поспѣшно сына. — Я все сказалъ. Ежели есть кто изъ васъ, могущій обвинить его въ другихъ преступленіяхъ; или есть кто, желающій оправдать его и въ семъ са-

момъ, пусть говоритъ свободно и смѣло. Да научатъ васъ Небеса. Къ страшному приступаете вы дѣлу; помыслите о семъ, о судіи! отъ васъ ожидаю я опредѣленія сыну моему, и купно мнѣ съ нимъ.

Г о м е с ъ.

Чего требуешь отъ насъ, о Царь? можемъ ли мы измѣнить Филиппу, измѣнить себѣ самимъ? Но въ сердце отца можемъ ли вонзить кинжалъ? Не принуждай насъ къ сему жестокому рѣшенію.

Л е о н а р д ъ.

Можетъ быть наступитъ день, о Государь, въ который, услыша нынѣ отъ насъ истинну, впадешь ты въ крайнее сожалѣніе, и насъ, за объявленіе оной, заставишь раскаяться.

П е р е с ъ.

Истинна не должна быть вредоносна; когда вопрошается о ней, изречемъ ее.

Ф и л и п п ъ.

Здѣсь не отецъ васъ слушаетъ; Царь здѣсь засѣдаетъ.

Г о м е с ъ.

Коль такъ, я первый говорить стану; я первый отцовскому гнѣву дерзну подвер-

гнуться; ибо какъ бы то ни было, ты всегда отецъ; и въ притворно суровомъ, больше смущенномъ, нежели грозномъ лицѣ твоемъ, ясно прочитать можно, что осуждая Карла, оправдываешь ты сына, и не хочешь исчислить, а можетъ быть и не знаешь всѣхъ его преступленій. Предлагать словесно условіи Батавскимъ мятежникамъ, малою показалось ему виною: онъ написалъ къ нимъ грамоту, злодѣйскую грамоту, въ которой условливается съ ними о разореніи нашемъ и своемъ стыдѣ. Съ Французами, съ ненавистными намъ Французами вступилъ онъ въ переговоры: тутъ читается достойный проклятія торгъ и продажа: Наварра и Каталонія, и другія богатыя округи, храбростію предковъ нашихъ къ Гишпанскому престолу присоединенныя, и собственными потомъ трудами и кровію нашею сохраненныя, имъ уступаются. Гнусною заплатою за гнусную помощь, данную сыну противъ отца, достанется часть великаго царства сего въ добычу Французамъ, и безнаказанно отяготится потомъ другая отъ вѣроломнаго сына такого Царя, котораго умъ и храбрость могли бы управлять не частію токмо одною, но цѣлымъ свѣтомъ. Вотъ какой судьбы должны мы ожидать. Драгоцѣнны, нужны, священны намъ дни твои, о Царь; но не меньше нужна и священна слава Гишпанскаго царства. Поку-

шаться на жизнь Царя и отца своего есть ужасное, но обезчестить себя измѣною и продажею отечества своего, есть можетъ быть еще бóльшее преступленіе: отпусти мнѣ мои слова: первое можешь ты простить, и ожидается того отъ тебя; но второе? . . . . Можешь и то простить: но когда я вижу толь неслыханныя злодѣянія вмѣстѣ соединенныя, то что иное могу произнести, какъ не смерть?

Пересъ.

Смерть! что слышу?

Филиппъ.

О небо!

Леонардъ.

Кто повѣритъ, чтобъ къ богомерзкимъ именамъ отцеубійцы, предателя, измѣнника, можно было присовокупить другія? Но остается одно, еще и сихъ богомерзостнѣе; такое, которое человѣкъ едва произнести дерзнетъ.

Филиппъ.

Что такое?

Леонардъ.

Законопреступный и лжеисполненный праведныхъ небесъ презритель. — Всемогу-

щій Боже, ты разрѣши днесь узы языка моего, да рабъ твой ничтожный, но вѣрный, повѣдаетъ истинну. Насталъ день, часъ, настало мгновеніе, въ которое ты единымъ страшнымъ, молніеноснымъ взоромъ твоимъ, низринешь кичащуюся долговременно гордыню. Меня воздвигаешь ты, меня защитникомъ оскорбленнаго твоего величества. Вдохни въ жаркую грудь мою смѣлость выше человѣческой; смѣлость, равную великости защищаемаго мною дѣла. — О ты, Царь земный, днесь изъ устъ моихъ то, что Царь Царей тебѣ вѣщаетъ, съ ужасомъ внемли. Тотъ, котораго я злодѣемъ почитаю, котораго сыномъ Царя моего назвать не дерзаю, богомерзкія хулы, коими толико же священнослужители небесъ, колико и самыя небеса оскорбляются, не престаетъ изъ скверныхъ устъ своихъ изрыгать, не престаетъ никогда. Злыя, нечестивыя глумленія, даже въ самомъ храмѣ нагло подъемлетъ: порицаетъ древніе предковъ обряды; рукоплескаетъ новымъ; и ежели нѣкогда царствовать будетъ, мы увидимъ священные олтари низверженными, и все то, чему мы нынѣ жертвы и обѣты приносимъ, стертое и святотатственными ногами попираемое: увидимъ . . . . что я говорю? — Ежели мстительный громъ небесный толико умедлитъ, я не увижу сего; увидитъ оное тотъ, кто прежде умереть не осмѣ-

лится. Нѣтъ, я не увижу раздраннымъ сего священнаго покрывала, сокрывающаго отъ очей народа истинну, которой онъ не разумѣетъ, и вѣритъ; не увижу исполненія клятвы его разрушить то высокое судилище, которое на земли подражаетъ правосудію небесъ, и творитъ оное кротчайшимъ; судилище, коимъ на зло ему хранится цѣлость и чистота вѣры. Да уничтожитъ небо сей ужасный обѣтъ: да не возрадуется адъ. — Возведи къ Царю всевышнему взоръ твой, Филиппъ: славу, царство, жизнь, все имѣешь ты отъ Него; все Онъ у тебя отнять можетъ. Когда онъ оскорбленъ, оскорбитель его сынъ ли твой? Онъ, Онъ самъ опредѣляетъ ему казнь: внемли гласу Его, не укосни. . . . Мщеніе небесъ обращается на главу коснящаго.

Пересъ.

Свободныя чувствованія въ груди униженнаго рабства находить трудно: свободная рѣчь не всегда изъявляетъ свободную мысль, и часто страхъ облачается въ притворную одежду дерзости. Внемли мнѣ, о Царь; увидишь, какимъ языкомъ говоритъ свободная душа; внемли мнѣ, увидишь совсѣмъ иную смѣлость. — Я вижу грамоту подложную, обвиненія ни мало между собою несогласныя. Ежели Карлъ собственную руку

свою простираетъ на богомерзкое отцеубійство, то почто ему входить въ нелѣпые съ Батавскими возмутителями переговоры? На что помощь отъ Французовъ? За чѣмъ раздѣлять съ ними отцовское наслѣдство? За чѣмъ собственное царство свое раздроблять? — Буде же сими средствами думаетъ онъ участь свою премѣнить, то за чѣмъ же предпринимаетъ злодѣйское намѣреніе убить отца своего? Къ чему сдѣлать одно тщетное покушеніе? Предпріять толь великое дѣло, и при концѣ пути остановиться? Кто ему въ томъ воспрепятствовалъ? Ежели онъ такимъ образомъ на сіе покусился, то я почитаю его болѣе сумасшедшимъ, нежели преступникомъ. Могъ ли онъ не знать, что къ оборонѣ Царя, хотя бы и не по любви, но всегда готовы всѣ, получающіе отъ него почести, злато и власть? Ты видѣлъ его бѣгущаго, Филиппъ? Ахъ! можетъ быть ты не своими видѣлъ его, но чужими глазами. Призови его къ себѣ, выслушай, и дай ему оправдаться. Между тѣмъ, что онъ не умышляетъ на жизнь твою, я клянусь тебѣ моею главою, и буде мало сего, клянусь моею честію, надъ которою ни царь, ни небо, властители всего, не властны. — Но что скажу о злочестіи, которое подъ ложнымъ видомъ благочестія, дерзаетъ гласомъ небеснаго гнѣва обвинять его? скажу. . . . . Но какая нужда

сказывать, что есть люди, которые подъ кровомъ святой и православной вѣры, скрываютъ злодѣйскія намѣренія, и лукавымъ краснорѣчіемъ собственную волю свою небесной волѣ приписуя, не боятся верховную благость творить виновницею ужасныхъ и кровавыхъ обмановъ? Кто сего не знаетъ? — Скажу еще, что Князь въ младомъ и человѣколюбивомъ сердцѣ своемъ всегда высокій духъ и подобныя пріятности лица своего являлъ чувства; что отъ самыхъ юныхъ лѣтъ его возрастала въ немъ сладчайшая для родителя надежда; ты самъ не уставалъ повторять оное; всѣ тому вѣрили, и теперь еще я вѣрю: никогда человѣкъ единымъ шагомъ не восходилъ на верхъ злочестія. Скажу, что всѣмъ, наносимымъ ему здѣсь толь часто оскорбленіямъ, онъ противупоставлялъ единое только терпѣніе, молчаніе, послушаніе и слезы. — Правда, и слезы ставятся иногда виною; есть люди, которымъ и слезы досаждаютъ. . . . . Увы! Ежели ты отецъ еще, не раздражайся оными; сжалься надъ плачущимъ и самъ восплачь о немъ: онъ не преступникъ, нѣтъ, онъ крайне злополученъ. — Но ежели бъ онъ и такой преступникъ былъ, какимъ всѣ обвиняютъ его здѣсь; даже, естьли бы онъ и тысячу разъ былъ бо́льшій того преступникъ, отецъ осуждать на смерть сына не можетъ и не долженъ.

Филиппъ.

Наконецъ въ одномъ изъ васъ нахожу я милосердіе, и милосердію слѣдую: я не престалъ быть отцемъ; чувствованіямъ отцовскимъ уступаю. Отнынѣ самого себя, и царство мое, предаю неисповѣдимымъ судьбамъ верховнаго правителя небесъ. Можетъ быть Карлу предназначено быть исполнителемъ гнѣва его надо мною: пусть погибаетъ царство мое, пусть прежде погибнетъ Филиппъ; но сынъ мой да живетъ: освобождаю его.

Гомесъ.

Такъ ты превыше законовъ себя ставишь? По что же созвалъ насъ сюда? Одинъ ты безъ насъ могъ разрушить законы. Освобождай, освобождай; но естьли милосердіе твое обратится тебѣ нѣкогда въ пагубу....

Пересъ.

Пагубно конечно будетъ милосердіе: я по истиннѣ въ оказаніи онаго вижу нѣчто новое. . . . Но какое бы ни было слѣдствіе, я въ совѣтѣ семъ засѣдать не могу: слава моя дороже мнѣ, чѣмъ жизнь. Что руки мои не обагрены еще кровію невинныхъ, всему свѣту то извѣстно. Пусть остается здѣсь кто хочетъ. Я вознесу гласъ мой къ небу: оно правду знаетъ. Но что я говорю? Одно

ли небо знаетъ ее? . . . . Когда я внимательный взоръ свой вокругъ себя обвожу, не ясно ли вижу, что всякъ здѣсь вѣдаетъ правду? Но всякой молчитъ, для того что говорить оную давно уже почитается здѣсь главнѣйшимъ преступленіемъ.

Филиппъ.

Развѣ ты забылъ кто я?

Пересъ.

Ты? — Карловъ отецъ.

Филиппъ.

Я царь твой. . . .

Леонардъ.

Ты Карловъ отецъ. Кто не видитъ въ тебѣ печали отчаяннаго отца? Но ты также и подданнымъ своимъ отецъ. Они именемъ дѣтей твоихъ толико славятся, колико Карлъ пренебрегаетъ онымъ. Онъ одинъ; ихъ безчисленное множество; его спасая, ихъ повергаешь ты въ опасность; онъ преступникъ, они всѣ невинны: можешь ли еще сомнѣваться кого спасти, одного ли, или всѣхъ?

Филиппъ.

Сердца моего повторяемыми ударами кинжала не пронзайте болѣе; престаньте:

внимать васъ не имѣю больше силъ. Тамъ, гдѣ я не буду, да составится новый совѣтъ, и священнослужители олтарей да пригласятся къ засѣданію въ ономъ: мірскія страсти въ нихъ молчатъ: истинна да изыдетъ изъ устъ ихъ, да возсіяетъ, и мы единой истиннѣ да внемлемъ. Идите, и сотворите судъ. Присутствіе мое можетъ много воспрепятствовать правосудію . . . . или много стоить моей добродѣтели.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Филиппъ *одинъ*.

Сколько здѣсь измѣнниковъ? Пересъ такъ дерзновенъ? Не уже ли проникъ онъ въ мое сердце? . . . Нѣтъ . . . . но какія чувства! какая кипящая гордость! Душа толь смѣлая могла родиться тамъ, гдѣ я Царь? — и тамъ, гдѣ я царствую, можетъ жить!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Карлъ.

О ты, мракъ, гораздо болѣе чѣмъ солнечное сіяніе царству сему приличествующій, о какую отраду приноситъ мнѣ твое возвращеніе! не потому, чтобъ ты печаль мою успокоить могъ; но по крайней мѣрѣ не вижу я предъ собою столько подлыхъ и гнусныхъ лицъ. — Сюда отъ имени Изабеллы хотѣла придти поговорить со мною вѣрная ея Эльвира: что такое услышу я отъ ней? . . . . О какая тишина! . . . . Итакъ посреди угрызеній совѣсти, въ нѣдрахъ подозрѣній и мрачныхъ помысловъ, приходитъ сонъ смыкать вѣжди измѣнниковъ и мучителей? О сонъ! ты, который всегда удаляешься отъ невинно утѣсняемыхъ? — Но мое бдѣніе не тяжко мнѣ: я размышляю, и образъ совершеннѣйшей красоты, образъ всѣхъ добродѣтелей, носится предо мною: пріятно мнѣ приходить сюда; здѣсь я ее видѣлъ; здѣсь слышалъ слова ея, увы! жизнь и купно смерть мнѣ возвѣстившія. Ахъ! такъ; съ той нещастной минуты меньше я злополучнымъ, но больше преступникомъ

сталъ. . . . . Отколѣ съ гнушеніемъ смѣшался во мнѣ страхъ? Можетъ быть сей страхъ есть должное наказаніе за мое преступленіе. Наказаніе? Но какое содѣлалъ я преступленіе? открылся: но кто бы могъ толикую силу любви сокрыть въ себѣ; кто? — Люди идутъ. Конечно Эльвира. . . Но нѣтъ: какой необычайной шумъ слышу?.... Кто приходитъ? Какое блистаніе огней? Вооруженные! стойте, злодѣи. . . .

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филиппъ, Карлъ. *(Солдаты съ оружіемъ и факелами).*

Карлъ.

О небо! отецъ мой съ толикимъ числомъ обнаженныхъ мечей?

Филиппъ.

Ночью, одинъ, въ сихъ храминахъ, вооруженный, что дѣлаешь ты? скажи; что замышляешь? Куда сомнѣніемъ колеблющійся направляешь ты стопы твои? вѣщай.

Карлъ.

Что я могу сказать? . . . . Оружіе, извлеченное мною противъ нагло приближающейся ко мнѣ ополченной ватаги, при воз-

зрѣніи на родительскій образъ твой выпало изъ рукъ моихъ: ты предводитель ихъ?,.. Ты, мой родитель? — Дѣлай что тебѣ угодно со мною; но скажи, нужно ли было искать къ тому предлоговъ? Предлоговъ! и какихъ! ахъ, родитель мой! предлоги недостойны царя — но приносить противъ нихъ оправданія еще меньше достойно меня.

Филиппъ.

Ты еще и дерзость къ тому присовокупляешь? Присовокупляй: она гнуснымъ злодѣяніямъ всегда была товарищъ. Одѣвай притворнаго почтенія лживымъ покрываломъ душу честолюбивую, вѣроломную, лютую; уже ничто тебя не оправдаетъ: раствори лучше хляби всей твоей ярости; изрыгни весь гнѣздящійся въ сердцѣ твоемъ смертоносный ядъ, и громкимъ голосомъ во всякой злодѣйской мысли твоей, достойной тебя, великодушно признайся.

Карлъ.

Въ чемъ мнѣ признаться? Пощади меня, родитель мой, отъ безполезныхъ оскорбительныхъ словъ. Предай меня жесточайшимъ мученіямъ: онѣ праведны, когда тебѣ угодны.

Филиппъ.

Скажи, какимъ образомъ, въ толь младыхъ лѣтахъ, достигъ ты до самаго верха беззаконій? Гдѣ научился искуству такова безстыдства, что поиманный царемъ въ толь ужасномъ злодѣяніи, даже лица своего не премѣняешь?

Карлъ.

Гдѣ мнѣ научиться? развѣ не въ твоихъ чертогахъ я возросъ? . . . ,

Филиппъ.

Такъ, конечно, къ стыду моему. . . .

Карлъ.

По что же медлишь отъ стыда сего избавиться? По что, для содѣланія дней твоихъ щастливыми, не проливаешь крови своего сына?

Филиппъ.

Ты сынъ мой?

Карлъ.

Но что я сдѣлалъ?

Филиппъ.

Что сдѣлалъ? ты у меня спрашиваешь? Раскаяніе не угрызаетъ твоего сердца? . . . .

О нѣтъ! давно уже раскаяніе тебѣ неизвѣстно; и естьли о чемъ либо раскаиваешься теперь, такъ развѣ о томъ, что не успѣлъ совершить отцеубійства.

Карлъ.

Отцеубійства! что слышу! я отцеубійца! я? . . . Но ты самъ тому не вѣришь. — Какіе признаки, свидѣтельства, подозрѣнія?...

Филиппъ.

Признаки, свидѣтельства, очевидность, все вывожу я изъ ненависти твоей ко мнѣ.

Карлъ.

Молю тебя, родитель мой! не принуждай меня къ неистовому дѣлу прейти тотъ страшный предѣлъ, какой между подданнымъ и царемъ, между сыномъ и отцемъ, положили законы, небеса и природа.

Филиппъ.

Давно уже богомерзкими стопами ты преступилъ оный. Но что я говорю? Онъ никогда тебѣ извѣстенъ не былъ. Строгой добродѣтели гордыя чувствованія, оставь; онѣ тебѣ не пристали; каковъ ты самъ, таковъ долженъ быть и языкъ твой: обнажи всѣ столькія свои злоумышленія и пагубныя

измѣны.... говори, не робей; неужь ли боишься, что не найдешь во мнѣ столько великости, сколько въ тебѣ злодѣйства? Ежели правду скажешь, и ничего не утаишь, надѣйся; естьли же умолчишь, или скроешь, трепещи.

Карлъ.

Я говорю правду; ты меня къ тому принуждаешь. — Я знаю себя: ничто не приведетъ меня въ трепетъ; я знаю тебя: ничто не позволяетъ мнѣ надѣяться. Злощастный даръ, жизнь мою, возми обратно: она твоя; но честь мою ты ни отнять, ни дать не можешь: она моя. Безчестенъ былъ бы я конечно, когда бы подлость принудила меня безчестнымъ себя признать; но скорѣе увидишь ты меня испускающимъ послѣднее дыханіе. Вели приготовить мнѣ медленную, жестокую, позорную смерть; нѣтъ смерти, которая бы могла преклонить меня къ содѣланію подлости. Не о себѣ; но о тебѣ, родитель мой, о тебѣ одномъ я сожалѣю.

Филиппъ.

Злой, наглый человѣкъ, такимъ ли образомъ предъ Государемъ твоимъ объявляешь ты причину своихъ злодѣяній?

Карлъ.

Причину? — Ты ненавидишь меня: вотъ все мое злодѣяніе. Ты жаждешь крови: вотъ

все мое оправданіе. Ты самовластный Царь: какое надобно тебѣ больше право?

Филиппъ.

Стражи! вступите, возмите его.

Карлъ.

Обыкновенный отвѣтъ мучителей. Вотъ мои руки, налагай на нихъ оковы. Вотъ обнаженная грудь моя, пронзай: почто медлить? Уже не отъ сего часа начинаешь ты быть жестокимъ: царствованіе твое ежедневными потоками крови ознаменовано.

Филиппъ.

Возмите его отъ глазъ моихъ. Отведите въ одну изъ примыкающихъ къ чертогамъ симъ башенъ. Тамо да ввергнется въ самую мрачную темницу. Горе тому, кто хотя малѣйшую окажетъ ему жалость.

Карлъ.

Не опасайся, исполнители воли твоей жестокостію тебѣ подобны.

Филиппъ.

Прочь, прочь отъ меня! силою повлеките.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Изабелла, Филиппъ.

Изабелла.

О небо! что вижу?

Филиппъ.

За чѣмъ ты здѣсь, жена? чего хочешь?

Изабелла.

Въ чертогахъ сихъ, слышилось мнѣ, раздается нѣкій смушный вопль страдающаго человѣка. . . .

Филиппъ.

Да, ты слышала жалобный стонъ.

Изабелла.

Мнѣ показалось. . . . отъ лица твоего. . . влекли. . . . Князя?

Филиппъ.

Такъ точно; это былъ онъ, онъ самый; ты его видѣла.

Изабелла.

Твоего сына? . . . .

Филиппъ.

Ты, супруга моя, блѣднѣешь, трепещешь, отъ одного зрѣнія? . . . .

Изабелла.

Я трепещу?

Филиппъ.

И есть отъ чего.—Твое трепетаніе свидѣтельствуетъ ясно любовь твою. . . . . ты. . . . о супругѣ своемъ трепещешь; но успокойся, опасность прошла.

Изабелла.

Опасность! . . . . какая?

Филиппъ.

Я въ великой опасности былъ; но теперь жизнь моя спасена.

Изабелла.

Твоя жизнь?

Филиппъ.

Да, моя жизнь, столь для тебя нужная и драгоцѣнная.

Изабелла.

Но измѣнникъ?

Филиппъ.

Должное за измѣну получитъ наказаніе. Не опасайся, безумная жалость уже не проникаетъ болѣе въ сердце мое. Прошло то время; одному теперь грозному гласу правосудія внимать буду.

Изабелла.

Но какой, какой умыслъ? . . . . .

Филиппъ.

Умыслъ самый пагубный. Кто крови отца ищетъ, и столько же какъ отца ненавидитъ мачиху, тотъ мачихиной крови пролить не пожалѣетъ. . . .

Изабелла.

Моей? . . . . Что слышу? . . . Ахъ нещастная! . . . . Князь. . . .

Филиппъ.

Неблагодарный, всѣ твои благодѣянія, также какъ и мои, забылъ. — Но ты не смущайся. . . . Приди въ себя . . . . и возложи на меня попеченіе устроить мое и твое спокойствіе. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изабелла *одна*.

Какія слова! . . . . Какіе взгляды! . . . . Едва могу опомниться. Что онъ мнѣ говорилъ? Не ужъ ли любовь мою? . . . Но нѣтъ; она сокрыта во глубинѣ души моей.... Чтожъ значили сіи съ яростію устремленные на меня взоры? . . . . О нещастная! . . . Онъ упоминалъ нѣчто о мачихѣ . . . . . Говорилъ о какомъ-то моемъ спокойствіи. . . . О небо! что я отвѣчала ему? Не произнесла ли имя Князя? Какой ужасъ объемлетъ меня! Куда . . . . куда онъ пошелъ? что предпріемлетъ? а я, что дѣлаю здѣсь? — Пойду за нимъ. . . . . Но силъ лишаюсь, ноги мои не служатъ мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гомесъ и Изабелла.

Гомесъ.

Прости дерзновенію моему; я мнилъ найти съ тобою Царя.

Изабелла.

Онъ теперь лишь меня оставилъ.

Гомесъ.

Я спѣшу къ нему: онъ безсомнѣнія ожидаетъ съ нетерпѣливостію услышать о концѣ происшествія. . . .

Изабелла.

Происшествія? . . . Постой; скажи мнѣ. . . .

Гомесъ.

Ежели ты разговаривала съ нимъ, то онъ конечно извѣстилъ тебя о послѣднемъ ожидаемомъ имъ рѣшеніи. . . .

Изабелла.

Нѣтъ: онъ сказалъ мнѣ въ темныхъ и околичныхъ словахъ нѣчто о измѣнѣ; но. . . .

Гомесъ.

Развѣ имени измѣнника онъ не объявилъ тебѣ?

Изабелла.

Князя. . . .

Гомесъ.

Стало быть ты все знаешь. Я несу къ нему отъ совѣта. . . .

Изабелла.

Отъ какого совѣта? Увы! что несешь?

Гомесъ.

Долго разсуждаемо было о семъ важномъ дѣлѣ, и наконецъ рѣшено. . . .

Изабелла.

Чѣмъ? говори.

Гомесъ.

Въ этой грамотѣ написанъ приговоръ: остается только Царю утвердить оный.

Изабелла.

Что сказано въ немъ?

Гомесъ.

Опредѣлена смерть.

Изабелла.

Смерть? Злодѣи! смерть? Но за какое преступленіе?

Гомесъ.

Развѣ Царь не объявилъ тебѣ того?

Изабелла.

Нѣтъ, не объявилъ.

Гомесъ.

Онъ покушался убить отца.

Изабелла.

О небо! Карлъ?

Гомесъ.

Самъ отецъ обвиняетъ его; и доказательства. . . .

Изабелла.

Отецъ! Какія доказательства.... Ложныя. . . . можетъ быть есть тому другія какія скрываемыя отъ меня причины? прошу тебя, заклинаю: открой мнѣ подлинную его вину.

Гомесъ.

Подлинную вину? — Когда ты о томъ не знаешь, то какимъ образомъ могу я сказать? . . . Мнѣ это жизни будетъ стоить.

Изабелла.

Не опасайся. Какъ? не ужъ ли думаешь, что я измѣнить тебѣ могу?

Гомесъ.

Предъ Царемъ провинюсь, ежели скажу хоть слово. Царь. . . . Но откуду въ тебѣ такое пламенное желаніе узнать истинну?

Изабелла.

Меня . . . . побуждаетъ къ тому одно любопытство.

Гомесъ.

Въ самомъ дѣлѣ что иное можетъ тебя побуждать? — Князю предстоитъ великая опасность, и можетъ быть онъ не избѣгнетъ отъ своей участи. Но ты ему не больше, какъ мачиха: чтожъ имѣешь ты съ нимъ общаго? . . . Смерть его не только не принесетъ тебѣ никакого вреда, но можетъ еще дѣтямъ твоимъ, которые отъ тебя произойдутъ, очиститъ путь къ престолу. Повѣрь мнѣ, подлинная причина злодѣйствъ Карловыхъ, есть отчасти любовь. . . .

Изабелла.

Какъ? что?

Гомесъ.

Любовь къ тебѣ Царева. Онъ желалъ бы гораздо лучше видѣть наслѣдникомъ своимъ твоего сына, нежели Карла.

Изабелла.

Я отдохнула. — Какъ смѣешь ты полагать во мнѣ такое злочестивое желаніе?

Гомесъ.

Я осмѣлился изъявить тебѣ мысли Царя; мои не таковы, совсѣмъ не таковы; но.....

Изабелла.

Итакъ правда то, чему я никогда прежде не вѣрила; правда, что отецъ, самъ отецъ, собственнаго сына своего ненавидитъ.

Гомесъ.

Я сожалѣю о тебѣ, Царица, сожалѣю весьма, что по сіе время такъ мало знаешь ты Царя.

Изабелла.

Какъ? и ты самъ. . .

Гомесъ.

Да, я самъ, находя въ тебѣ непритворную жалость, мрачное молчаніе, обременяющее сердце мое, прерываю. Правда, совершенная правда: нещастный Карлъ только тѣмъ однимъ преступникъ, что онъ Филипповъ сынъ.

Изабелла.

Ты меня ужасаешь.

Гомесъ.

Я самъ не меньше тебя ужасаюсь. Знаешь ли отколѣ раждается чудовищная нена-

висть отцовская? отъ подлой зависти: притворная добродѣтель злобнаго отца раздражается находя толикую въ сынѣ истинную добродѣтель. Онъ, чувствуя свое совершенное съ нимъ несходство, хочетъ, жестокосердый, лучше погубить сына, нежели видѣть его надъ собою преимущество.

Изабелла.

О неслыханный никогда отецъ! Но почто же злой совѣтъ, и самого Царя еще злѣйшій, почто невиннаго сына осуждаетъ на смерть?

Гомесъ.

Какой совѣтъ можетъ воспротивиться такому Царю? Онъ самъ его осудилъ; всякъ знаетъ ложное осужденіе; но каждый, трепеща за себя, подтверждаетъ. Стыдъ опредѣленія падаетъ на насъ; мы, подлые исполнители ярости его, содрогаемся, но безполезно: естьли бы кто изъ насъ дерзнулъ противустать, тотчасъ бы содѣлался гнѣва его жертвою.

Изабелла.

Своими ли слышу я то ушами? я цѣпенѣю отъ удивленія! . . . . О день! такъ нѣтъ надежды? Онъ неправосудно долженъ погибнуть?

Гомесъ.

Филиппъ исполненъ хитрости и лукавства. Сперва притворится колеблющимся; покажетъ великую печаль и соболѣзнованіе; можетъ быть не скоро рѣшится; но тотъ весьма обманется, кто повѣритъ печали его и соболѣзнованію, или подумаетъ, что отъ продленія времени пылкость гнѣва въ лютомъ сердцѣ его можетъ хотя на едину искру уменшиться.

Изабелла.

Ахъ! ежели душа твоя не столько окаменѣла въ порокахъ, какъ его; молю тебя, Гомесъ, почувствуй жалость.

Гомесъ.

Но что я могу сдѣлать?

Изабелла.

Ты можешь....

Гомесъ.

Безполезными слезами, и то въ тайнѣ, могу оплакивать память праведника: ничего другаго не могу.

Изабелла.

О неслыханное, ужасное дѣло!

Гомесъ.

Я готовъ самъ погибнуть, лишь бы спасти Князя; свидѣтельствуюсь небесами. Ужѐ и такъ раскаяніе, быть постыднымъ другомъ толь жестокосердаго мучителя, терзаетъ, разрываетъ сердце мое на части; но....

Изабелла.

Ежели раскаяніе твое чистосердечно, ты можешь ему быть полезенъ; конечно можешь, не погубляя самого себя. Царь не имѣетъ къ тебѣ подозрѣнія; ты можешь тайнымъ образомъ доставить Князю способъ уйти: кто на тебя донесетъ? — И почему знать? Можетъ быть и самъ Филиппъ, опомнясь нѣкогда, наградитъ великодушную смѣлость человѣка, спасшаго ему сына и славу.

Гомесъ.

Естьли бы и покусился я на то, но пожелаетъ ли Карлъ? Ты знаешь гордость его: я уже предвижу, что при единомъ имени приговора и побѣга онъ воспалится гнѣвомъ. Ахъ! безстрашная душа его не поколеблется никакимъ объявленіемъ смерти; онъ еще болѣе въ томъ утвердится. Присовокупи къ тому, что всякая помощь моя, или совѣтъ, ему ненавистны и подозрительны. Онъ почитаетъ меня подобнымъ Царю.

Изабелла.

Другихъ препятствій нѣтъ? Доставь же мнѣ средство съ нимъ увидѣться; препроводи меня къ нему въ темницу; безсомнѣнія входъ туда тебѣ невозбраненъ; я надѣюсь преклонить его къ побѣгу. Умоляю тебя! не отрекись оказать толь важную услугу. Ужѐ наступаютъ часы глубокой ночи. Помедли отдавать жестокой приговоръ, котораго Царь не ожидаетъ такъ скоро, и между тѣмъ приготовь средство къ побѣгу его. Ты видишь .... прошу тебя, пойдемъ; милость Божія всегда будетъ съ тобою; заклинаю тебя, пойдемъ....

Гомесъ.

Кто можетъ отказаться отъ дѣла толь человѣколюбиваго? Исполню, чего бы то ни стоило: послѣдуй за мною. — Небо да не допуститъ умереть невинному.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАРЛЪ.

Чего могу я бояться, чего другаго надѣяться, кромѣ смерти? Единаго желалъ бы, чтобъ не безчестно умереть; но отъ жестокаго Филиппа иной смерти, кромѣ самой поноснѣйшей, ожидать не могу.—Одно только сомнѣніе, лютѣйшее всякой казни, лежитъ у меня въ сердцѣ. Можетъ быть онъ знаетъ любовь мою: въ грозныхъ, сверькающихъ очахъ его видѣлъ я нѣкій новый, противъ воли его вырывающійся пламень ярости.... Разговоръ его съ Царицею.... Призваніе потомъ меня, и пристально устремляемые взоры — что будетъ, о Небо! что будетъ, естьли въ тоже время возродится въ немъ и къ супругѣ своей подозрѣніе? Увы! можетъ быть онъ уже наказуетъ ее за сомнительную вину: мучители обыкновенно мщеніемъ предупреждаютъ оскорбленіе. . . . Но откуду могъ онъ узнать о любви, которая никому, и даже намъ самимъ едва извѣстна? Неужъ ли измѣнили мнѣ мои воздыханія? Что я говорю? Какая чуждая милосердія душа знаетъ воздыханія любви? Можетъ быть

толь безчеловѣчный отецъ старался всѣми образами проникнуть страсть мою для воспаленія въ себѣ лютости и свирѣпства? Ненависть его до послѣдней степени достигла и не можетъ долѣе медлить. Приходитъ день, приходитъ, въ который должно ей низверженіемъ съ меня главы моей насытиться.— О ложные въ благополучной только жизни друзья, гдѣ вы теперь? Ничего не пожелалъ бы отъ васъ, кромѣ единаго меча; но никто для избавленія меня отъ срама не подастъ мнѣ онаго. . . . Какой слышу стукъ! дверь темничная скрыпнула; отворяется! что скажутъ мнѣ? Послушаемъ. Кто такой?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Изабелла и Карлъ.

Карлъ.

Что вижу? Царица, ты? Зачемъ ты пришла? Что привело тебя сюда? Любовь, должность, или человѣколюбіе? Какимъ образомъ ты здѣсь?

Изабелла.

Ахъ! ты еще не знаешь всего ужаса злощастной судьбы твоей! тебя порицаютъ отцеубійцею; самъ отецъ тебя обвиняетъ:

злой совѣтъ осудилъ тебя на смерть, и остается только Царю подписать.

Карлъ.

Дѣло за нимъ не станетъ, онъ скоро подпишетъ.

Изабелла.

Какъ? И ты не содрогаешься?

Карлъ.

Я уже давно желаю смерти. Ты знаешь это, и вѣдаешь, что я ничего отъ тебя не требовалъ, какъ только позволенія умереть тамъ, гдѣ ты. Горько мнѣ чашу сію испить, горько; но я всегда ожидалъ того: смерть моя неизбѣжна; ты возвѣщаешь мнѣ ее; могу ли трепетать?

Изабелла.

Ради самихъ Небесъ! Ежели ты любишь меня, престань помышлять о смерти. Покорись на время лютости....

Карлъ.

Чтобъ я покорился? Теперь вижу; ты приняла на себя жестокую обязанность уничижить меня; свирѣпый родитель поручилъ тебѣ....

Изабелла.

Какъ можешь ты подумать, Князь, чтобъ Филипповой лютости могла я быть исполнительницею?

Карлъ.

Онъ могъ принудить тебя къ тому, или обмануть. Какимъ же инымъ образомъ послалъ онъ тебя въ сію темницу?

Изабелла.

Но вѣдаетъ ли то Филиппъ? о Небо! горе намъ, естьли бы онъ узналъ....

Карлъ.

О! что ты говоришь? Филиппъ все знаетъ здѣсь: кто страшныя повелѣнія его преступить могъ?

Изабелла.

Гомецъ.

Карлъ.

Что слышу? Какое, какое пагубное, гнусное, богомерзкое имя произнесла ты предо мною?

Изабелла.

Онъ тебѣ не такой врагъ, какъ ты думаешь.

Карлъ.

О Небо! Естьлибъ я могъ когда нибудь счесть его другомъ моимъ, я бы сгорѣлъ больше отъ стыда, нежели отъ гнѣва.

Изабелла.

Однакожъ онъ одинъ сжалился надъ тобою. Онъ открылъ мнѣ злосердаго отца твоего ухищреніе.

Карлъ.

Неосторожная! что ты сдѣлала? Легковѣрность твоя погубила тебя. Ахъ! почто повѣрила ты лукавому соболѣзнованію? Естьли онъ и правду тебѣ сказалъ, злаго Царя злѣйшій служитель, онъ и правдою тебя обманулъ.

Изабелла.

Что пользы въ словахъ? Несомнительное дѣйствіе сострраданія его ты тотчасъ увидишь, какъ скоро согласишься на мою прозьбу. Онъ тайно провелъ меня сюда, и уже средства къ твоему побѣгу приготовилъ: я преклонила его къ тому. Заклинаю тебя! бѣги; не медли; бѣги отъ отца своего, отъ смерти, отъ меня.

Карлъ.

Сама ты, ахъ! покуда есть время, удались отъ меня. Гомецъ безъ намѣренія не

сталъ бы притворяться жалостливымъ. Въ какія обманчивыя сѣти уловилъ онъ тебя! теперь-то я вподлинну трепещу: какое остается сомнѣніе? Филиппъ конечно уже проникъ, проникъ совершенно таинство нашей любви. . . .

Изабелла.

Ахъ! Нѣтъ. Я видѣлась съ нимъ въ то самое время, какъ тебя силою отъ лица его повлекли: онъ пылалъ страшнымъ гнѣвомъ; я съ трепетомъ внимала ему, и тожъ самое сомнѣніе терзало меня; но потомъ, когда я сама въ себя пришла, помню его слова, и увѣрена, что онъ скорѣе все другое думаетъ, нежели подозрѣваетъ, что ты. . . даже помню, что онъ обвинялъ тебя, будто ты не только на его жизнь, но также и на мою, покушался.

Карлъ.

Я бы столько же, какъ онъ, низокъ былъ, естьли бы подобно ему сталъ проницать всѣ тайные пути сего запутаннаго, адскаго Лабиринта. Но въ томъ не сомнѣваюсь, что сіе препровожденіе тебя ко мнѣ сокрываетъ въ себѣ ужасный обманъ: въ чемъ онъ доселѣ одно только имѣлъ подозрѣніе, въ томъ теперь ясно хочетъ увѣриться. Но какъ бы то ни было, удались скорѣе отъ сего пагубнаго мѣста. Напрасно думаешь ты, или упо-

ваешь, что Гомецъ хочетъ меня спасти, и еще напраснѣе надѣешься, чтобъ я, естьлибъ онъ и захотѣлъ того; на то согласился.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ правда, что я между такими звѣрскими сердцами нещастную жизнь мою провождаю?

КАРЛЪ.

Правда, ахъ! несомнѣнная правда. — Не медли долѣе: оставь меня; избавь душу мою отъ лютаго страха. . . . . жалость твоя оскорбляетъ меня, когда ты нечувствуешь ее къ себѣ самой. . . . Поди, ежели жизнь твоя тебѣ дорога. . . .

ИЗАБЕЛЛА.

Мнѣ жизнь моя дорога? . . . .

КАРЛЪ.

Такъ сохрани мою честь, и свою славу.

ИЗАБЕЛЛА.

Чтобъ я оставила тебя въ такой опасности?

КАРЛЪ.

Ты хочешь сей опасности подвергнуться? Начто? Меня ты не спасешь, себя только

погубишь. Добродѣтель даже и отъ подозрѣнія одного страждетъ. Молю тебя! не будь предъ мучителемъ ниже мысліею виновна; не дай ему сею злою радостію насладиться. Поди; отри свои слезы; стѣсни воздыханія въ груди твоей: тебѣ должно съ безтрепетнымъ челомъ и сухими очами услышать о моей смерти. Посвяти добродѣтели печальные послѣ меня дни твои; и ежели станешь искать въ горести какой отрады, между столькими злочестивыми людьми есть здѣсь одинъ праводушный человѣкъ; Пересъ добродѣтеленъ: онъ можетъ тайно съ тобою плакать. . . . воспоминай съ нимъ иногда обо мнѣ. . . . . Но между тѣмъ удались; поди отселѣ. . . дай мнѣ слезы мои унять. . . . Перестань отъ сердца моего часть за частію отрывать! прости въ послѣдній разъ. . . . и оставь меня. . . . поди: нужно мнѣ призвать къ себѣ всю мою твердость и добродѣтель, теперь, когда лютый часъ смерти приближается.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филиппъ, Изабелла, Карлъ.

Филиппъ.

Часъ смерти насталъ, измѣнникъ! насталъ: я возвѣщаю тебѣ его.

Изабелла.

О зрѣлище! о вѣроломство!

Карлъ.

Я готовъ умереть: убей меня.

Филиппъ.

Умрешь, бездѣльникъ! но прежде грозныя слова мои, ненавистная чета, услышите. Преступники! все, все знаю: тотъ гнусный пламень, который васъ любовію, а меня гнѣвомъ пожираетъ, давно мнѣ извѣстенъ. О сколько яростныхъ движеній преодолѣлъ я въ себѣ! о какъ долго надлежало мнѣ притворяться и молчать! . . . . . Но напослѣдокъ оба вы попались мнѣ въ руки. Жаловаться? Начто? Упрекать? Зачемъ? Мстить должно; и отомщу; полное, неслыханное мщеніе совершу надъ вами. — Между тѣмъ любо мнѣ видѣть здѣсь ваше смятеніе.—Безчестная жена! не думай, чтобъ я когда нибудь любилъ тебя: не думай, чтобъ я отъ ревности мучился; нѣтъ, Филиппъ высокою любовію своею не удостоивалъ никогда толь низкаго сердца, каково твое; женщина, достойная меня, не можетъ мнѣ измѣнить. Ты не любовника во мнѣ, но Царя оскорбила. Имя супруги моей, священное имя, ты посрамила. Никогда въ любви твоей не было мнѣ надобности; но

въ тебѣ надлежало бы обитать такому къ Государю твоему страху, которой бы даже и мысленную дерзость твою о любви къ другому остановить долженствовалъ. — Ты соблазнитель, ты подлый . . . . съ тобою не говорю; отъ тебя всего могъ я ожидать; ты къ одному злодѣйству способенъ. Увѣрить меня въ томъ могли, хотя и скрытые, но явные знаки: ваши вздохи, ваше молчаніе, ваши движенія и скорби, которыя въ вѣроломныхъ сердцахъ вашихъ я видѣлъ и вижу. — Но почто плодить слова? Вы равно мнѣ измѣнили, равная и казнь постигнетъ васъ.

Карлъ.

Что слышу? Она чѣмъ виновата? Но что я говорю чѣмъ виновата? въ ней ниже тѣни вины не было. Чистая душа ея никогда симъ порочнымъ пламенемъ не горѣла, я клянусь въ томъ. Она едва выслушала меня, какъ тотъ же часъ любовь мою осудила.

Филиппъ.

До какой степени доходила дерзость ваша, я знаю; знаю, что и ты не простиралъ наглыхъ помысловъ своихъ на отцовское ложе, и ежели бы то было, могъ ли бы ты по сіе время оставаться живъ?.... Но изъ нечистыхъ устъ своихъ произнесъ

ты слово о любви; она тебя выслушала; сего довольно.

Карлъ.

Я одинъ оскорбилъ тебя, не запираюсь: слабый лучь надежды блисталъ въ очахъ моихъ, но добродѣтель ея мгновенно погашала оный: она выслушала слова мои, но единственно для пристыженія меня, единственно для изгнанія изъ груди моей непозволенной, преступной страсти .... преступной нынѣ; такъ, конечно; нынѣ она преступная, но была нѣкогда законная. Ты знаешь, мы обручены были другъ другу; она была моя невѣста; ты далъ мнѣ ее, и дать ее справедливѣе могъ, нежели отнять. .... Я со всѣхъ сторонъ преступникъ: такъ, я люблю ее; ты отнялъ ее у меня. .... Что болѣе можешь отнять? Насыться моею кровію; утоли надо мною ярость твоей ревнивой гордости: но пощади ее, она совершенно невинна. ....

Филиппъ.

Она въ дерзости только, а не въ преступленіи, уступаетъ тебѣ. — Безмолвствуй какъ хочешь, лукавая жена! Самое молчаніе тебя уличаетъ: ты въ сердцѣ своемъ (безполезно отрицаться) горѣла такимъ же нечестивымъ огнемъ: ты призналась мнѣ въ томъ, ясно призналась, когда я

недавно предъ симъ нарочно говорилъ о семъ съ тобою: къ чему старалась ты воспоминать мнѣ, что онъ сынъ мой? Подъ сими словами, вѣроломная, не смѣя сказать разумѣла ты, что онъ твой любовникъ. Въ душѣ своей меньше ли его нарушила ты долгъ, честь, законъ?

Изабелла.

Молчаніе мое не отъ страха происходитъ: языкъ мой сковало удивленіе видѣть въ тебѣ такую невѣроятно лукавую, звѣрскую, яростную душу. — Наконецъ я прихожу въ себя и престаю дивиться.... Тяжкую вину, быть твоею женою, напослѣдокъ должна я изгладить. По сіе время не оскорбила я тебя ни чѣмъ: предъ лицемъ неба, и предъ лицемъ Князя, я не преступница; хотя въ груди моей....

Карлъ.

Сожалѣніе обо мнѣ побуждаетъ ее къ словамъ симъ: ахъ! не вѣрь....

Изабелла.

Тщетно покушаешься ты меня спасти: каждое слово твое раздражаетъ еще болѣе горделивую душу его. Не время теперь, не время извиняться: пора избавиться отъ лютѣйшаго всякихъ мукъ страданія, стоять

предъ лицемъ его. — Ежели бы мучители могли знать непобѣдимую силу любви, Царь, я сказала бы тебѣ, что ты соединилъ насъ узами любви; сказала бы, что ты отъ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ обратилъ мысль мою къ нему; что возвергнувъ на него всю мою надежду, съ нимъ помышляла я провождать щастливые дни мои. Добродѣтель и твоя воля повелѣли мнѣ его любить: кто потóмъ обратилъ оное въ преступленіе? Ты содѣлалъ сіе, разорваніемъ священныхъ узъ. Не трудно было самовластію разорвать ихъ; но сердце такъ ли удобно премѣняется? Онъ пребывалъ внутри сердца моего; но какъ скоро я супругою твоею стала, пламень сей обузданный умолкъ во мнѣ: надлежало потóмъ времени, добродѣтели моей, и можетъ быть тебѣ самому погасить его. . . .

Филиппъ.

Чего не сдѣлали въ тебѣ ни добродѣтель твоя, ни время, то сдѣлаю я: такъ, въ невѣрной крови твоей потушу сей нечистый пламень. . .

Изабелла.

Всегда лишь кровь, и всегда больше и больше утопать въ крови, одно твое достоинство; но сіе достоинство не то, которое бы могло похи-

шить у него сердце мое и отдать оное тебѣ; тебѣ, толико отъ сына своего различному, колико различенъ порокъ отъ добродѣтели.— Ты видѣлъ меня дрожащую предъ тобою; но теперь я не дрожу больше, нѣтъ; доселѣ злочестивая страсть моя молчала во мнѣ для того, что я почитала ее таковою: теперь обнажаю ее, теперь, когда вижу тебя болѣе злочестивымъ.

Филиппъ.

Онъ достоинъ тебя; ты его достойна.— Чего жъ больше? Послѣ сего остается только посмотрѣть, такъ ли твердо вы умирать умѣете, какъ говорить?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гомецъ, Филиппъ, Изабелла и Карлъ.

Филиппъ.

Гомецъ, исполнилъ ли ты мои повелѣнія? Съ тѣмъ ли сюда пришелъ, чтобъ извѣстить меня о томъ?

Гомецъ.

Пересъ пронзенный умираетъ: вотъ мечь теплою его кровію еще дымящійся.

Карлъ.

О зрѣлище!

Филиппъ.

Въ немъ не весь еще скопъ измѣнниковъ умираетъ; но ты между тѣмъ зри, какая достойная награда воздается твоимъ друзьямъ.

Карлъ.

Сколько, увы! сколько смертсй, прежде разлученія моего съ жизнію, долженъ я здѣсь претерпѣть? . . . . Пересъ, и ты? . . . . Но я слѣдую за тобою. Гдѣ, гдѣ тотъ мечь, которому поразить меня опредѣлено? подайте его скорѣе. О! когда бы кровь моя могла погасить пламенную жажду сего тигра!

Изабелла.

О! естьли бы я одна, одна я могла насытить неистовую злобу его!

Филиппъ.

Споръ вашъ наглый я окончу. Избирайте любое: или мечь сей, или сію чашу. Ты, презритель смерти, приступи первый къ сему выбору.

Карлъ.

О мечь! тебя, не простывшаго еще отъ неповинной крови, избираю я моимъ избави-

шелемъ. — А шы, нещасшная Изабелла! шы много сказала: шебѣ шаже, какъ и мнѣ, смершь предсшоишъ; но избери ядъ, онъ менше мучишеленъ. Злополучной любви послѣдній совѣшъ! послѣдній даръ любви! собери все свое мужесшво:—смошри; послѣдуй моему примѣру.—Я умираю. . . . . возми скорѣй пагубную чашу. . . .

Изабелла.

Иду за шобою. О смершь! шы мнѣ радосшь; въ шебѣ. . . .

Филиппъ.

Ты будешь жишь; прошивъ воли швоей жишь будешь.

Изабелла.

Осшавь меня. . . . о люшая казнь! онъ умираешъ, а я? . . . .

Филиппъ.

Разлученная съ нимъ шы будешь жишь, жишь и пишашься слезами: долговременная горесшь шво͏я меня будешъ услаждашь. Когда же пошомъ, освободясь ошъ недосшойной любви своей, шы пожелаешь жишь, шогда я умершвишь шебя повелю.

Изабелла.

Жишь съ шобою? . . . . . сносишь швое присушсшвіе? . . . . нѣшъ, сего невозможно. . .

я умру. . . . ты отнялъ у меня ядъ. . . . мечемъ твоимъ я сама. . . .

Филиппъ.

Постой. . . .

Изабелла.

Я умираю. . . .

Филиппъ.

О! что я вижу?

Изабелла.

Ты видишь. . . . сына и жену умирающихъ. . . . оба невинны. . . . оба отъ руки твоей. . . . Карлъ! . . . . я соединяюсь съ тобою. . . .

Филиппъ.

Течетъ крови (и какой крови!) потокъ. . . . . Филиппъ, ты отмстилъ; ты въ полной мѣрѣ совершилъ ужасное свое мщеніе; но щастливъ ли ты? — Не сказывай, о Гомецъ, никому о семъ страшномъ приключеніи. — Мою славу и свою жизнь сохранишь ты, ежели молчать будешь.

Конецъ Трагедіи.

СРАВНЕНІЕ

СУМАРОКОВА СЪ ЛАФОНТЕНЕМЪ,

ВЪ ТѢХЪ ПРИТЧАХЪ, КОТОРЫЯ ОНИ ЗАИМСТВОВАЛИ У ДРЕВНИХЪ И ПЕРЕСКАЗАЛИ ОНЫЯ КАЖДЫЙ СВОИМЪ ОБРАЗОМЪ.

Ни что можетъ быть не полезно столько для словесности, какъ сравненіе двухъ писателей, сочинившихъ или переводившихъ одно и тоже. Слогъ ихъ, выраженія, выборъ словъ, хотя бы они и равное имѣли искуство, не могутъ всегда быть одинакого достоинства. Таковое сличеніе изощряетъ умъ читателя и пріучаетъ его распознавать истинныя красоты отъ ложныхъ. Оное не токмо полезно между стихотворцами, писавшими на одномъ и томъ же языкѣ, но даже и на разныхъ. Для сего избираемъ мы *Лафонтеня* и *Сумарокова*. Оба они содержаніе нѣкоторыхъ басенъ своихъ почерпнули изъ древнихъ источниковъ, и каждый изъ

нихъ взятый имъ подлинникъ передѣлалъ по своему. Не съ тѣмъ приступаемъ мы къ сему сравненію, чтобъ отдать изъ сихъ знаменитыхъ писателей кому нибудь преимущество; такъ много мы на себя не беремъ; но только, чтобъ о тѣхъ мѣстахъ, которыя подходятъ подъ сличеніе, сказать чистосердечно наше мнѣніе. Весьма далеки мы отъ того, чтобъ по пристрастію къ своему писателю уничижать чужестраннаго; но еще далѣе отъ того, чтобъ по пристрастію къ чужестранному уничижать своего. *Лафонтень* между своими единоземцами и между нами безсмертенъ. *Сумароковъ* часъ отъ часу становится неизвѣстнѣе. Можетъ быть, хотя весьма не много, но во Франціи лучше знаютъ его, нежели у насъ. Хорошее ободреніе трудиться для потомства! Скажутъ: сіе отъ того, что достоинства ихъ весьма различны. Сказать можно, мы это отъ многихъ умницъ слышимъ, но не видимъ доказательствъ. Въ словесности нуженъ разборъ: тому, кто просто кричитъ, не надобно вѣрить; а того, кто доказываетъ, должно выслушивать безъ всякаго о самомъ себѣ и о немъ предубѣжденія. Тогда школьникъ, едва умѣющій грамотѣ, не станетъ съ гордостію уничижать Ломоносова и величать Пустозвякова, для того что всѣми презрѣнъ будетъ; а судья, разбирающій съ доказательствами, найдетъ вниманіе въ чи-

тателѣ, и если не всѣми своими мнѣніями, такъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыми, принесетъ ему пользу. Но приступимъ къ дѣлу.

Phoebus et Borée. Livre VI, fable III.
Фебъ и Борей. Книга I, притча I.

Лафонтень начинаетъ сію басню слѣдующимъ образомъ:

„Borée et le Soleil virent un voyageur,
Qui s'étoit muni par bonheur
Contre le mauvais tems. On entroit dans l'automne,
Quand la précaution aux voyageurs est bonne."

Сумароковъ приступаетъ скорѣе къ дѣлу:

„Съ Бореемъ былъ у Феба разговоръ,
Иль паче споръ,
Кто больше силъ изъ нихъ имѣетъ,
И лучше властвовать умѣетъ.

Лафонтень продолжаетъ:

„Il pleut; le soleil luit; et l'écharpe d'Iris
Rend ceux qui sortent avertis
Qu'en ces mots le manteau leur est fort nécessaire.
Les Latins les nommoient douteux pour cette affaire.
Notre homme s'étoit donc à la pluie attendu:
Bon manteau bien doublé, bonne étoffe bien forte."

Сумароковъ говоритъ нѣсколько простѣе, но почти подобное же тому:

„Проѣзжій на конѣ: холодноватъ былъ часъ;
Накинулъ епанчу проѣзжій; крышка грѣетъ,

И есть у насъ
Указъ,
Во время холода теплѣй прикрыться,
И никогда предъ стужей не бодриться,
Ее не побѣдишь,
Себя лишь только повредишь:
Противу холода не можно умудриться."

Мы не станемъ входить въ подробное разсматриваніе тамъ, гдѣ достоинство обоихъ писателей почти одинаково; но только тамъ, гдѣ одинъ изъ нихъ весьма превосходитъ другаго. Лафонтенъ продолжаетъ:

„Celui-ci, dit le vent, prétend avoir pourvu
A tous les accidens; mais il n'a pas prévu
Que je saurai souffler de sorte,
Qu'il n'est bouton qui tienne: il faudra, si je veux,
Que le manteau s'en aille au diable.
L'ébattement pourroit nous en être agréable:
Vous plait-il de l'avoir? Eh bien! gageons nous deux,
(Dit Phoebus) sans tant de paroles,
A qui plutôt aura dégarni les épaules
Du cavalier que nous voyons.
Commencez: je vous laisse obscurcir mes rayons."

Сумароковъ говоритъ почти все тоже, только гораздо короче:

„Сказалъ Борей: смотри, съ проѣзжева хочу
Я сдернуть эпанчу,
И лишекъ на сѣдлѣ я въ когти ухвачу.
А солнце говоритъ: во тщетной ты надеждѣ,
А естьли я хочу,
Такъ эту епанчу
Сниму я прежде;

Однако потрудися ты,
И сдѣлай истинну изъ бреда и мечты.

Въ стихахъ сихъ нѣтъ великой разности. Сумарокова стихъ, что Борей *лишекъ епанчи на сѣдлѣ ухватитъ въ когти*, конечно не хорошъ; но сіе отъ того что онъ въ Борее хотѣлъ изобразить низкое лице, какъ мы то послѣ увидимъ. Лафонтень продолжаетъ:

„Il n'en fallut pas plus. Notre souffleur à gage
Se gorge de vapeurs, s'enfle comme un ballon,
Fait un vacarme de démon,
Siffle, souffle, tempête et brise en son passage
Maint toit qui n'en peut, mais fait périr maint bateau:
Le tout au sujet d'un manteau."

Сумароковъ говоритъ:

„Борей мой дуетъ,
Борей мой плюетъ,
И сильно подъ бока проѣзжаго онъ суетъ,
Борей оретъ,
И въ когти епанчу беретъ,
И съ плечь ее деретъ."

Сравнивая въ семъ мѣстѣ Французскія стихи съ Русскими, тотчасъ можно почувствовать великую между оными разность. Лафонтень представляетъ Борея въ видѣ текущаго и силою своею все низвергающаго исполина: *siffle, souffle, tempête, brise.* и оканчиваетъ симъ нравоучительнымъ стихомъ: *le tout au sujet d'un manteau.* Сумароковъ изображаетъ Борея, какъ нѣкоего наглеца, буяна

или звѣря съ когтями: *дуетъ, плюетъ, суетъ, оретъ, деретъ.* Первое изображеніе величаво и благородно, второе простонародно и низко. Между тѣмъ однакожъ не худо можетъ быть замѣтить, что сіе второе изображеніе, при всемъ своемъ недостаткѣ меньше удаляется отъ своего предмета, и потому естественнѣе. Въ самой вещи, здѣсь Борей дѣлаетъ только свое дѣло, то есть старается снять епанчу съ проѣзжаго; а тамъ онъ для достиженія намѣренія своего творитъ весьма отдаленныя отъ спора ихъ и почти посторонніх дѣла, а именно, *кровли срываетъ* и *корабли потопляетъ.* Лафонтень продолжаетъ:

„Le cavalier eut soin d'empêcher que l'orage
Ne se pût engouffrer dedans.
Cela le préserva.“

Сихъ стиховъ нѣтъ у Сумарокова, да и тужить объ нихъ не для чего.

„Le vent perdit son tems;
Plus il se tourmentoit, plus l'autre tenoit ferme:
Il eut beau faire agir le colet et les plis.“

У Сумарокова сказано сіе гораздо игривѣе и лучше:

„Толчки проѣзжій чуетъ,
И въ носъ, и въ рыло и въ бока,
Однако епанча гораздо жестока:
Хлопочетъ,
И съ плечь идти не хочетъ.

Усталъ Борей,
И поклонился ей."

Примѣтимъ сперва вообще, что въ такомъ стихотворенiи, какимъ пишутся притчи, басни и сказки, требующемъ простаго, свободнаго и забавнаго слога, одинакой мѣры стихи не такъ удобны для игры и шутокъ, какъ стихи разной мѣры, то есть длинные перемѣшанные съ короткими, часто изъ одного слова состоящими. Напримѣръ глаголъ *хлопочетъ*, заступающiй мѣсто цѣлаго стиха, не могъ бы имѣть той силы, когда бы вмѣстѣ съ другими словами, а не одинъ особенно стоялъ. Онъ здѣсь по двумъ причинамъ хорошъ: первое, что стоя одинъ лучше показываетъ силу свою; второе, что соединяетъ въ себѣ два понятiя; ибо *хлопочетъ*, говоря о человѣкѣ, значитъ *суетится, заботится;* говоря же о мертвой или бездушной вещи, значитъ *безпрестанно хлопаетъ, трепещетъ.* Сiе послѣднее знаменованiе онаго можемъ мы почувствовать изъ того, что глаголовъ *топаетъ, хлопаетъ*, въ учащательномъ иначе сказать не можемъ, какъ *топочетъ, хлопочетъ.* Епанча представляетъ здѣсь и то и другое: въ одномъ случаѣ глаголъ *хлопочетъ*, точно также какъ и *не хочетъ*, изображаетъ въ ней нѣкое одаренное чувствами существо; въ другомъ случаѣ тотъ же глаголъ *хлопочетъ* изображаетъ ее какъ вещь безчувственную, пре-

пещущую отъ вѣтра. Сіе соединеніе понятій въ одномъ и томъ же словѣ дѣлаетъ красоту изображенія; ибо краткимъ изреченіемъ многія мысли въ умѣ раждаетъ. Сверхъ сего общаго примѣчанія, разсматривая Французскіе и Рускіе стихи, находимъ мы, что въ первыхъ порядокъ мыслей перемѣшенъ. Послѣ словъ *le vent perdit son tems*, сочинитель снова начинаетъ говорить о дѣйствіи тогожъ вѣтра: *plus il se tourmentoit* и проч. Сумароковъ напротивъ не прежде, какъ уже по описаніи усилій вѣтра окончеваетъ словами, соотвѣтствующими Французскимъ: *le vent perdit son tems*, но несравненно лучшими ихъ:

Усталъ Борей
И поклонился ей.

Глаголъ *усталъ*, послѣ всѣхъ усилій Борея, весьма здѣсь хорошъ. Сей порядокъ въ расположеніи Французскихъ стиховъ сдѣлалъ, что Лафонтеню надлежало опять обратиться къ повѣствованію и сказать сіи лишніе и Сумарокову не надобные стихи:

„Sitôt qu'il fût au bout du terme
Qu'à la gageure on avoit mis."

Послѣ которыхъ продолжаетъ онъ:

„Le soleil dissipe la nue,
Récrée, et puis pénetre enfin le cavalier,
Sous son balandras fait qu'il sue,"

Какъ далеко стихи сіи отстоятъ отъ силы и красоты Рускихъ стиховъ:

„Вдругъ солнце возсіяло
И естество другой порядокъ воспріяло;
Нигдѣ не видно тучь,
Вездѣ златой играетъ лучь,
Куда ни возведешь ты взоры,
Ликуютъ рѣки, лѣсъ, луга, поля и горы!"

Какое прекрасное изображеніе благотворной природы послѣ ярыхъ порывовъ угрюмаго Борея! При томъ какое сладкозвучіе въ стихахъ и какой выборъ словъ! Послѣдній стихъ, въ которомъ части земли вмѣсто самой ее исчислены, пріятенъ, плавенъ и гораздо больше говоритъ воображенію, нежели *faire suer sous son balandras*. Лафонтенъ оканчеваетъ:

„Le contraint de s'en dépouiller:
Encore n'usa-t-il pas de toute sa puissance,
Plus fait douceur, que violence."

Французскій стихотворецъ говоритъ: солнце *принудило* проѣзжаго снять съ себя епанчу. Глаголъ *принудить* приличенъ больше лютости Борея, нежели благости солнца. Послѣдній стихъ: *plus fait douceur, que violence* (больше дѣлаетъ кротость, нежели насиліе), прекрасенъ; но глаголъ *contraindre* портитъ разумъ онаго; ибо что дѣлаетъ здѣсь кротость? тоже что и насиліе: принуждаетъ. Для того Сумароковъ весьма благоразумно не употребилъ сего глагола. Онъ напротивъ сказалъ:

„Проѣзжій епанчу долой съ себя сложилъ,
И снявъ о епанчѣ проѣзжій не тужилъ."

Напослѣдокъ, Русскій стихотворецъ оканчеваетъ притчу свою похвалою Императрицѣ:

„Репейникъ хуже райска крина.
О чемъ я въ притчѣ сей, читатель, говорю?
Щедрота лютости потребнѣе Царю:
Борей Калигула, а Фебъ Екатерина.

Le Loup et l'Agneau. Liv. I, Fab. X.

Волкъ и ягненокъ. Кн. I, притча II.

Лафонтенъ начинаетъ нравоученіемъ:

„La raison du plus fort est toujours la meilleure.
Nous l'allons montrer tout à l'heure."

У Сумарокова нѣтъ сихъ стиховъ, и хорошо что ихъ нѣтъ. Я не спорю, что слово *meilleure* не значитъ здѣсь похвалы; но я знаю это по собственному моему понятію о гнусности права насилія, а не по знаменованію сего слова: и такъ, отъ меня зависитъ принять оное за похвалу. Вотъ для чего въ первомъ изъ сихъ двухъ стиховъ не люблю я слова *meilleure*. Лафонтенъ продолжаетъ:

„Un agneau se désaltéroit
Dans le courant d'une onde pure.
Un loup survient à jeun, qui cherchoit aventure,
Et que la faim en ces lieux attiroit."

Сумароковъ говоритъ о томъже съ нѣкоторыми, можетъ быть, излишними околичностями:

„Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ;
Однако внизъ рѣки гораздо отступилъ;
Такъ пилъ онъ ниже,
И слѣдственно что волкъ къ тому былъ мѣсту ближе,
Отколѣ токи водъ стремленіе влечетъ:
Извѣстно что вода всегда на низъ течетъ."

Послѣдніе четыре стиха составляютъ доказательство для разума не нужное, для шутки же и смѣха недовольно забавное. Лафонтеневъ волкъ начинаетъ тотчасъ говорить:

Qui te rend si hardi de troubler mon breuvage?
Dit cet animal plein de rage:
Tu seras châtié de ta témérité."

Сумароковъ не такъ скоро приступаетъ къ дѣлу. Первое явленіе начинается у него безмолвнымъ, естественнымъ и прекраснѣйшимъ объясненіемъ;

„Голодный волкъ ягненка озираетъ:
Отъ ужаса ягненокъ обмираетъ.

Въ сихъ двухъ стихахъ глаголъ *озираетъ*, которому во Французскомъ языкѣ конечно не сыщется равносильнаго, въ такой же страхъ и сожалѣніе приводитъ читателя, въ какой трепетъ и ужасъ повергаетъ сего ожидающаго смерти слабаго животнаго. Лафонтеневъ ягненокъ отвѣчаетъ волку такимъ

учтивымъ языкомъ, какимъ говорятъ придворные, и выводитъ изъ доказательствъ заключенія не хуже никакого стряпчаго:

„Sire, répond l'agneau, qué votre majesté
Ne se mette pas en colère;
Mais plutôt qu'elle considere
Que je me vas désaltérant
Dans le courant
Plus de vingt pas audessous d'elle;
Et que, par conséquent, en aucune façon,
Je ne puis troubler sa boisson.“

Сумарокова ягненокъ не такъ учтивъ, не такъ уменъ: онъ не знаетъ, что волка надобно называть *ваше величество*, и что при заключеніи всякаго умствованія надлежитъ сказать: *et que par conséquent*. Онъ просто жалокъ, и чувствительными выраженіями своими приводитъ сердце мое въ великое умиленіе, говоря:

„Не буду больше я съ ягнятками играть,
Не станетъ на руки меня пастушка брать,
Не буду голоса я слышати свирѣли,
И птички для меня въ послѣдніе пропѣли,
Не на зеленомъ я скончаюся лугу,
Умру на семъ песчаномъ берегу.“

Можетъ быть, что сія жалоба нѣсколько длинна; однакожъ она состоитъ въ естественныхъ страху при разлукѣ съ жизнію чувствованіяхъ, и при томъ такъ хорошо напоминаетъ о всѣхъ тѣхъ благахъ, съ которыми ягненокъ разстается, что я при

чтеніи оной ни малѣйшей скуки не чувствую. Лафонтень продолжаетъ:

„Tu la troubles, reprit cette bête cruelle;
Et je sais que de moi tu médis l'an passé.
Comment l'aurois-je fait si je n'étois pas né?
Reprit l'agneau; je tette encore ma mère. —
Si ce n'est toi, c'est donc ton frère. —
Je n'en ai point. — C'est donc quelqu'un des tiens;
Car vous ne m'épargnés guère;
Vous, vos bergers et vos chiens.
On me l'a dit: il faut que je me venge.
La-dessus, au fond des forêts
Le loup l'emporte, et puis le mange,
Sans autre forme de procès."

Сумароковъ расказываетъ тожъ самое нѣсколько пространнѣе, но за то лучше и пріятнѣе:

„Волкъ началъ говорить: бездѣльникъ! какъ ты смѣешь
Питье мое мутить,
И въ воду чистую мнѣ сору напустить?
Да ты жъ такую мать имѣешь,
Которая ко мнѣ учтивства не храня,
Вчера блеяла на меня.

Стихъ сей отмѣнно хорошъ. Почему? По тому, что обыкновенно о собакѣ говорится: *она лаетъ на меня*. Собака дѣйствительно испускаетъ голосъ сей въ сердцахъ, въ злобѣ. Овца напротивъ того есть самая незлобивая и слабѣйшая тварь: слѣдственно и голосъ ея, называемый *блеяніемъ*, не показываетъ никогда оскорбленія или зложеланія. Но какъ волкъ всѣми неправдами хочетъ

обвинить ягненка, то и старается самому невинному дѣйствію дать видъ преступленія, словно какъ бы *блеять* и *лаять* было равно оскорбительно.

„Ягненокъ отвѣчаетъ,
Что мать его дней съ тритцать умерла,
Такъ волка не она ко гнѣву привела;
А токъ воды бѣжитъ на низъ, онъ чаетъ,
Такъ волкъ его опивокъ не встрѣчаетъ.
Волкъ третьею виной ягненка уличаетъ:
Не мни, что ты себя, бездѣльникъ, извинилъ;
Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.
Ягненокъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣ недѣли;
Что псы его заѣли.
Такъ дядя твой иль братъ,
Иль можетъ быть и сватъ,
Бранилъ меня вчера, я это знаю точно,
И говорю тебѣ я это не нарочно.
Ягненковъ былъ отвѣтъ:
Всея моей родни на свѣтѣ больше нѣтъ,
Лелѣитъ лишь меня прекрасная пастушка."

Сіи два послѣдніе стиха весьма хороши: оба они возбуждаютъ жалость къ ягненку; одинъ изображеніемъ, что онъ' сущій сиротинка; другой напоминаніемъ, что лелѣемый прекрасною пастушкою онъ благополученъ; а въ благополучіи разставаться съ жизнію гораздо горестнѣе, чѣмъ въ злополучіи. Здѣсь волкъ, при имени пастушки, какъ придирающійся къ каждому слову, чтобъ обвинить невиннаго, тотчасъ подхватываетъ ягненка:

„А! а! вертушка,
Не отвертишься ты! Вчера твоя пастушка

Влеяла на меня: комолые рога,
И длинный хвостъ у этова врага,
Густая шерсть, копыты не велики."

Стиховъ сихъ нѣтъ у Лафонтена, но они прекрасны; ибо показываютъ съ какимъ безстыдствомъ самое грубѣйшее невѣжество, когда оно въ силѣ, дерзаетъ укорять безсильную правду, и торжествуя надъ нею съ гордостію вопрошать:

„Довольно ли тебѣ, плутишка, сей улики?
Пастушкѣ я твоей покорнѣйшій слуга,
За то что на меня блеять она дерзаетъ,
А ты за то умри. Ягненка волкъ терзаетъ."

Les Femmes et le Secret. Liv. VIII, fab. VI.
Яицо. Кн. I, притча X.

Оба сочинители, Французскій и Русскій, начинаютъ сію притчу совсѣмъ различнымъ образомъ. Лафонтенъ говоритъ:

„Rien ne pése tant qu'un secret:
Le porter loin est difficile aux dames,
Et je sais même sur ce ſait
Bon nombre d'hommes qui sont ſemmes.

Прекрасное сатирическое начало. Сумароковъ говоритъ:

„Когда снѣга не таютъ,
Ребята изъ него шары катаютъ,
Сертятъ
И шаръ вертятъ,

Шаръ больше становится;
Шарочикъ ихъ шарищемъ появится.
Да ктожъ
На шаръ похожъ?
Ложь.
Что больше бродитъ,
То больше въ цѣну входитъ:
Снѣжной шаришка будетъ шаръ,
А изо лжи товаришка товаръ."

Въ стихахъ сихъ, выключая глагола *сертять*, слишкомъ простонароднагó, означающаго *стоять нагнувшись*, все остальное весьма хорошо. Уподобленіе возрастанія лжи съ возрастаніемъ снѣжнаго шара есть самое лучшее, какое придумать можно, и притомъ настоящее Руское, напоминающее намъ о зимнихъ забавахъ ребятишекъ въ такое время, когда отъ теплоты погоды снѣгъ дѣлается липкимъ. Нѣкоторыя красоты собственно языку нашему свойственны: *шарочикъ становится шарищемъ*, не скажешь ни на какомъ языкѣ, не имѣющемъ умалительныхъ и увеличительныхъ именъ.

Да ктожъ
На шаръ похожъ?
Ложь,"

Прекрасное въ толь короткихъ стихахъ, и съ такими богатыми рифмами, выраженіе.

Что больше бродитъ,
То больше въ цѣну входитъ.

Глаголъ *бродитъ* весьма хорошо изображаетъ здѣсь скитаніе лжи изъ дома въ домъ, изъ устъ въ уста. Лафонтенъ продолжаетъ:

„Pour éprouver la sienne un mari s'écria,
La nuit étant près d'elle: o Dieux! qu'est-ce cela?
Je n'en puis plus! on me déchire!
Quoi j'accouche d'un oeuf! — D'un oeuf? — Oui, le voilà;
Frais et nouveau pondu: gardez bien de le dire,
On m'appelleroit Poule. Enfin n'en parlez pas."

Сіи стихи Лафонтеневы далеко уступаютъ стихамъ Сумарокова:

„Ахъ! ахъ! жена, меня околдовали,
Кричитъ мужъ лежачи женѣ,
Я снесъ яйцо?—Никакъ ты видѣлъ то во снѣ?
Такія чудеса на свѣтѣ не бывали. —
Я снесъ яйцо: ахъ жонушка моя!
Ужъ я
Не мужъ твой, курица твоя.
Не молви этого съ сосѣдкой,
Ты знаешь назовутъ меня еще насѣдкой."

Одно простое выраженіе: *меня околдовали*, уже гораздо лучше сихъ ничего незначущихъ восклицаній: *qu'est-ce cela, je ne puis plus! on me déchire!* Также и въ сихъ словахъ: *gardez bien de le dire, on m'appelleroit poule*, хотя мысль одинакая, однакожъ у Сумарокова выражена несравненно лучше:

Ахъ жонушка моя!
Ужъ я
Не мужъ твой, курица твоя.

Сіе уменьшительное *жонушка*, и сіе противоположеніе *мужа* съ *курицею*, котораго въ Лафонтеневыхъ стихахъ нѣтъ, дѣлаетъ слогъ веселымъ и забавнымъ. Лафонтенъ продолжаетъ:

„La femme neuve sur ce cas,
Ainsi que sur mainte autre affaire,
Crut la chose, et promit ses grands Dieux de se taire:
Mais ce serment s'évanouit
Avec les ombres de la nuit."

Прекрасные два стиха.

„L'épouse indiscrette et peu fine,
Sort du lit quand le jour fut à peine levé;
Et de courir chez sa voisine:
Ma commère, dit-elle, un cas est arrivé:
N'en dites rien sur tout, car vous me feriez battre.
Mon mari-vient pondre un oeuf gros comme quatre.
Au nom de Dieu, gardez vous bien
D'aller publier ce mystére.
Vous moquez vous? dit l'autre. Ah! vous ne savez guère
Quelle je suis. Allez ne craignez rien.
La femme du Pondeur s'en retourne chez elle."

Сей стихъ забавенъ по причинѣ необыкновенности слова *pondeur*.

„L'autre grille déja de conter la nouvelle:
Elle va la répandre en plus de dix endroits;
Au lieu d'un oeuf elle en dit trois.
Ce n'est pas encore tout, car une autre commère
En dit quatre, et raconte à l'oreille le fait:
Précaution peu nécessaire,
Car ce n'étoit plus un secret.
Comme le nombre d'oeufs, grace à la Renommée,

De bouche en bouche alloit croissant,
Avant la fin de la journée,
Ils se montoient à plus d'un cent."

Сравнимъ сіе окончаніе Французской басни, состоящее въ 27 стихахъ, съ окончаніемъ Руской притчи, состоящимъ въ 13 стихахъ, мы увидимъ, что сіе послѣднее окончаніе, не взирая на краткость свою, содержитъ въ себѣ, безъ упущенія и безъ излишества, все то, что сказать надлежало:

„Противно то уму,
Чтобъ я сказала то кому;
Однако скажетъ;
Болтливой бабѣ чортъ языка не привяжетъ.
Сказала ей,
А та сосѣдушкѣ своей."

Вотъ настоящее существо басни, у Лафонтена многими излишностями растянутое. Конецъ Руской притчи таковъ, что стихъ стиха лучше, и послѣдній изъ нихъ сильнѣе всѣхъ:

„Ложь ходитъ завсегда съ прибавкой въ мірѣ:
Яицо, два, три, четыре,
И стало подъ вечеръ пять сотъ яицъ.
На завтра множество къ уроду
Сбирается народу,
И незнакомыхъ лицъ.
За чѣмъ валитъ народъ? Валитъ купитъ яицъ.

Какая вмѣстѣ и смѣшная и огромная картина! Это Гогартовъ вымыселъ, изображенный кистію Рафаила.

La cour du Lion. Liv. VII. fab. VII.

Пиръ у льва. Кн. I, Притча XVII.

Лафонтень такъ начинаетъ сію басню:

„Sa majesté Lionne un jour voulut connoitre
De quelles nations le ciel l'avoit ſait maitre.
Il manda donc par députés
Ses vassaux de toute nature,
Envoyant de tous les côtés
Une circulaire écriture
Avec son sceau. L'écrit portoit
Qu'un mois durant, le Roi tiendroit
Cour plénière, dont l'ouverture
Devoit être un fort grand festin,
Suivi des tours de Fagotin.
Par ce trait de magnificence,
Le Prince à ses sujets étaloit sa puissance.
En son Louvre il les invita."

Приступъ весьма пространный. Сумароковъ начинаетъ притчу свою нравоученіемъ, подобнымъ тому, какое у Лафонтеня находится въ концѣ басни:

„Коль истинной не можно отвѣчать,
Всего полезнѣе молчать.
Съ боярами какъ жить, потребно это вѣдать."

Приступъ же Сумароковой притчи со всѣмъ противенъ Лафонтеневой. Сколько того пространенъ, столько его кратокъ:

„У льва былъ пиръ,
Пришелъ весь міръ
Обѣдать."

Лафонтенъ продолжаетъ:

Quel Louvre! Un vrai charnier, dont l'odeur se porta
D'abord au nez des gens. L'ours boucha sa narine;
Il se fut bien passé de faire cette mine.
Sa grimace déplut. Le monarque irrité,
L'envoya chez Pluton faire
Le dégouté."

Въ семъ мѣстѣ Французскій писатель превосходитъ Рускаго, который говоритъ:

„Въ покояхъ вонь у льва:
Квартира такова;
А львы живутъ не скудно,
Такъ это чудно.
Подобны въ чистотѣ жилищь они Чухнамъ,
Или посадскимъ мужикамъ,
Которые въ торги умѣренно вступили,
И откупами насъ еще не облупили,
И вмѣсто портупей имѣютъ кушаки,
А краше такъ: торговы мужики.
Пришла вонь волку къ носу.
Волкъ это объявилъ бесѣдѣ безъ допросу,
Что запахъ худъ.
Услышавъ левъ кричитъ: бездѣльникъ ты и плутъ,
Худова запаху и не бывало тутъ:
И смѣютъ ли въ такіе толки
Входить о львовомъ домѣ волки?"

(Два прекрасные стиха).

„А чтобы бредить волкъ на предки не дерзалъ
Немножечко онъ волка потазалъ,
И для поправки наказалъ,
А именно на части растерзалъ.

Замѣтимъ, что во Французскихъ стихахъ нѣтъ ничего такого, которое бы не принадлежало къ существу басни. Въ Рускихъ же во первыхъ *квартира такова* есть низкое выраженіе. Во вторыхъ шесть стиховъ, содержащихъ въ себѣ сравненіе львинаго жилища съ жилищемъ торговыхъ мужиковъ, есть нѣкое не хорошее сатирическое отступленіе отъ содержанія притчи. Въ третьихъ игра словъ или шутка, заключающаяся въ четырехъ послѣднихъ стихахъ, есть самая простая, безъ остроты, безъ соли. Лафонтень продолжаетъ:

„Le singe approuva fort cette sévérité;
Et, flatteur excessif, il loua la colère,
Et la griffe du Prince, et l'antre, et cette odeur:
Il n'étoit ambre, il n'étoit fleur,
Qui ne fut ail au prix. Sa sotte flatterie
Eut un mauvais succès, et fut encor punie.
Ce monseigneur du Lion-là,
Fut parent de Caligula."

Хорошіе стихи. Сумарокова также не худы:

„Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: здѣсь нарцисы, розы
Цвѣтутъ!
Левъ ей отвѣтствовалъ: и ты такой же плутъ!
Нарцисовъ, розъ и не бывало тутъ.
Напредки не сплетай ты лести,
А за такія вѣсти,
И за пріязнь
Прими достойну казнь.
Преставился волчишка,
Преставилась мартышка."

Въ сихъ стихахъ замѣтить только должно, что слово *за пріязнь*; и уменьшительное *волчишка*, сказаны больше для рифмы, нежели для разума. Лафонтень продолжаетъ:

„Le Renard étant proche: or ça, lui dit le Sire,
Que sens tu? Dis le moi: parle sans déguiser.
L'autre aussitôt de s'excuser,
Alleguant un grand rhume: il ne pouvoit que dire
Sans odorat: bref il s'en tire."

Нѣтъ никакого подобія между вялостію сихъ стиховъ и остротою тѣхъ, какими Сумароковъ оканчаваетъ сію притчу:

„Скажи лисица ты, хозяинъ вопрошалъ,
Какой бы запахъ намъ дышалъ?
Я знаю, что твое гораздо чувство нѣжно,
Понюхай ты прилѣжно.
Лисица на этотъ вопросъ
Сказала: у меня залегъ сего дня носъ."

Наконецъ, Лафонтень окончаваетъ басню свою нравоученіемъ, подобнымъ тому, какое видѣли мы въ началѣ Сумарокова притчи:

„Ceci vous sert d'enseignement.
Ne soyez à la cour, si vous voulez y plaire,
Ni fade adulateur, ni parleur trop sincère;
Et tâchez quelquefois de répondre en Normand."

Les oreilles du lièvre. Liv. V, fab. IV.

Заяцъ. Кн. II, притча XXVIII.

Лафонтенъ начинаетъ:

„Un animal cornu blessa de quelques coups
Le Lion, qui, plein de courroux,
Pour ne plus tomber en la peine,
Bannit des lieux de son domaine,
Toute bête portant des cornes à son front.
Chèvres, Bélliers, Taureaux, aussitôt délogèrent,
Daims et cerfs de climat changèrent:
Chacun à s'en aller fut prompt.“

Сумароковъ говоритъ тоже короче и лучше.

„Толкнулъ какой-то льва рогами звѣрь:
За то скотинѣ всей рогатой,
Нещастіе теперь,
И ссылка платой.
Въ приказъ
Пришелъ о томъ указъ.
Готовъ осмотръ и высылка готова.
Ступай, не говори ни слова,
И понесите вонъ отсель тѣла,
Рога и души.“

Лафонтенъ продолжаетъ:

„Un liévre appercevant l'ombre de ses oreilles,
Craignit que quelque inquisiteur
N'allât interprêter à cornes leur longueur,
Ne les soutint en tout à des cornes pareilles.“

Сумароковъ сказалъ подобное же тому, но лучше:

„Великой зайцу страхъ та ссылка навела;
Рогами мнитъ сочтутъ въ приказѣ зайчьи уши.
До зайца тотъ указъ ни въ чемъ не надлежитъ;
Однако онъ какъ тѣ подобно прочь бѣжитъ.“

Лафонтень оканчиваетъ:

„Adieu, voisin Grillon, dit-il, je pars d'ici:
Mes oreilles enfin seroient cornes aussi;
Et quand je les aurois plus courtes qu'une Autruche,
Je craindrois même encore. Le Grillon répartit!
Cornes, cela! Vous me prenez pour cruche:
Ce sont oreilles que Dieu fit.
On les fera passer pour cornes,
Dit l'animal craintif, et cornes de Licornes.
J'aurai beau protester: mon dire et mes raisons
Iront aux Petites-Maisons.“

Сіе окончаніе забавно, прекрасно, и конечно не почитается недостойнымъ пера Лафонтенева. Однакожъ Сумарокова перо и въ семъ мѣстѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, не токмо не уступило ему, но мнѣ кажется весьма превзошло:

„Страхъ зайца побѣждаетъ,
И заяцъ разсуждаетъ:
Подьячій лютъ,
Подьячій плутъ,
Подьяческія души
Легко пожалуютъ въ рога большіе уши;
А ежели судьи и судъ
Меня оправятъ,
Такъ справки, выписки одни меня задавятъ.“

Мы бы могли еще и болѣе отъискать басенъ для сличенія; но довольно уже и сихъ пяти, дабы усмотрѣть, что Сумароковъ, хотя бы онъ ничего другаго не написалъ кромѣ притчей, можетъ по однимъ онымъ, ежели не на ряду, то по крайней мѣрѣ весьма близко стоять съ Лафонтенемъ. Между тѣмъ Французскій писатель въ одномъ токмо родѣ стихотворенія успѣлъ, въ притчахъ; Руской, напротивъ, во многихъ родахъ. Откуду же такая разность въ ихъ славѣ? Пускай другіе рѣшатъ сію задачу, а я, хотя и знаю, но не скажу.

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ.

Посмотримъ еще нѣкоторые переводы Сумарокова съ знаменитѣйшихъ Французскихъ писателей и сличимъ переводъ съ подлинникомъ.

Изъ Поліевкта, Корнеліевой Трагедіи. Дѣйствіе IV, явленіе II.

Поліевктъ.

Source delicieuse en misere féconde,
Que voulez-vous de moi, flateuses voluptés?
Honteux atachemens de la chair et du monde,
Que ne me quités-vous, quand je vous ai quités?

Стремишься роскошь ты, источникъ лютой части, Прельщеньемъ пагубнымъ мои воздвигнуть страсти:
О притяженія плотскихъ мірскихъ заразъ!
Оставте вы меня, коль я оставилъ васъ.

Въ семъ переводѣ нѣтъ ничего уступающаго смыслу и силѣ подлинника. Далѣе:

Allez, honneurs, plaisirs, qui me livrez la guerre,
Toute votre félicité
Sujette à l'instabilité
En moins de rien tombe par terre,
Et comme elle a l'éclat du verre,
Elle en a la fragilité.

Ступайте нынѣ прочь играніе и смѣхи,
И честь и щастіе и всѣ мои утѣхи;
Искати васъ мое желанье протекло,
Вы свѣтлы таковы и ломки какъ стекло.

Сей переводъ гораздо лучше подлинника. Переводчикъ, избѣгнувъ погрѣшностей, сохранилъ красоты сочинителя. Волтеръ дѣлаетъ на сіи Корнеліевы стихи слѣдующія замѣчанія: „первое (говоритъ онъ), *tombe par terre*, есть всегда худое выраженіе; причина тому, что *par terre* не нужно и низко: *il est tombé par terre*, говорится только въ простορѣчіи. Второе, *et comme elle a l'éclat du verre, elle en a la fragilité:* мысль сія есть одна изъ

тѣхъ мнимыхъ хитростей ума (concetti), за которыми писатели такъ часто гонялись. Не блескъ дѣлаетъ ломкость: драгоцѣнные каменья гораздо болѣе блещутъ, но весьма крѣпки."—Оба сіи Волтеровы замѣчанія нейдутъ къ нашему переводчику. Онъ не имѣетъ сихъ погрѣшностей. У него нѣтъ выраженія подобнаго выраженію *par terre*, и въ стихѣ его: *вы свѣтлы таковы и ломки какъ стекло*, нѣтъ того ложнаго уподобленія, какое заключается во Французскихъ стихахъ:

et comme elle a l'éclat du verre,
Elle en a la fragilité.

Стихи сіи говорятъ: *поелику оно* (щастіе) *такъ свѣтло, какъ стекло, то столько же и ломко:* слѣдовательно свѣтлости приписываютъ ломкость. Руской стихъ напротивъ и ломкость и свѣтлость приписываетъ стеклу, которое оба сіи свойства въ себѣ имѣетъ. Далѣе:

Ainsi n'espérez pas qu' aprés vous je soupire.
Vous étalez en vain vos charmes impuissans;
Vous me montrez en vain par tout ce vaste empire,
Les ennemis de Dieu pompeux et florissans.
Il étale à son tour de revers équitable,
  Par qui les grands sont confondus;
  Et les glaives qu'il tient pendus
  Sur les plus fortunés coupables,
  Sont d'autant plus inévitables
  Que leurs coups sont moins atendus.

Не буду воздыхать о васъ на свѣтѣ болѣ:
Не подвергаюся я больше вашей волѣ.
Вы тщетно силитесь принудить сердце пасть,
Являя Божіихъ враговъ и честь и власть;
На нихъ Богъ яростно десницу простираетъ,
И беззаконниковъ ногами попираетъ.
Хотя не мнятъ они, что правда имъ грозитъ,
Незапный ихъ ударъ повержетъ и сразитъ.

Сей переводъ, не взирая на уменшеніе свое двумя стихами, сохраняетъ въ себѣ весь смыслъ и силу подлинника. Далѣе:

Tigre altéré de sang, Décie impitoyable,
Ce dieu t'a trop longtems abandonné les siens;
De ton heureux destin vois la suite éfroyable:
Le Scythe va venger la Perse et les chrétiens.
Encor un peu plus outre, et ton heure est venue,
Rien ne t'en saurait garantir;
Et la foudre qui va partir,
Toute prête à crever la nue,
Ne peut plus être retenue
Par l'atente du repentir.

Ненасытимый Тигръ, Монархъ немилосердый!
Противу Божіихъ рабовъ въ гоненьи твердый;
Ты скоро щастливой судьбы узришь конецъ:
Престолъ твой зыблется отъ Скифовъ и вѣнецъ.
Пріимешь скоро мзду, которой ждутъ тираны,
Отмстится Христіянъ невинна кровь и раны.
Дрожи и трепещи отъ страшнаго часа:
Готова молнія оставить небеса,
И громъ отъ горнихъ мѣстъ въ тебя ударитъ грозно!
Раскаешься тогда, но то ужъ будетъ поздно.

Въ семъ переводѣ, при точномъ сохраненіи смысла, больше жару, силы и звучности, нежели въ подлинникѣ. Переводчикъ не увлекался ни рабскимъ подражаніемъ, ни далекимъ отступленіемъ отъ подлинника. Онъ чувствовалъ, что дополнительные стихи, таковые напримѣръ, какъ: *prête à crever la nue*, можно выпускать; но заключающихъ въ себѣ главную силу, таковыхъ, какъ: *la foudre va partir*, не выпускалъ, и старался на своемъ языкѣ, пріисканіемъ приличныхъ словъ, выразиться равносильнымъ образомъ:

Готова молнія оставить небеса,
И громъ отъ горнихъ мѣстъ въ тебя ударить грозно. (*)

Вотъ что при переводахъ наблюдать должно, и что рѣдко наблюдается.

Я для того привелъ сіи сравненія нашего

(*) Я не говорю о Трагедіяхъ Сумарокова, потому, что сіе могло бы меня далеко завести; но скажу мимоходомъ, что въ свое время были онѣ украшеніемъ Театра, составляли любимыя всѣми зрѣлища, и многіе изъ нихъ стихи твердились устами прекраснѣйшаго пола, не стыдившагося знать ихъ наизусть. Самохвальство скажетъ, что публика тогдашняя не умѣла цѣнить достоинства сочиненій; но самохвальству не льзя вѣрить: оно никого кромѣ себя и сообщниковъ своихъ не хвалитъ. Языкъ и слогъ чистятся здравою критикою, а не тѣмъ, чтобъ старыхъ на немъ писателей безъ пощады унижать, а но-

писателя съ Французскими писателями, уважаемыми и понынѣ въ своемъ отечествѣ, дабы симъ малымъ образчикомъ, не говоря уже о прочихъ его въ разныхъ родахъ сочи-

---

выхъ безъ всякаго разсмотрѣнія превозносить. Можно смѣло сказать, что Сумарокова Трагедіи отнюдь не заслуживаютъ быть презираемы, и едва ли по сіе время не сохраняютъ преимущества своего надъ всѣми другими. Новое, конечно, всегда больше нравится, потому что старое, какъ бы ни было хорошо, наскучиваетъ; но здравый разсудокъ не по новости долженъ оцѣнивать сочиненія, а по достоинству. Я не то утверждаю, чтобы въ Трагедіяхъ его не было никакихъ погрѣшностей; ибо и самыя превосходнѣйшія творенія не могутъ быть столь совершенны, чтобъ строгій судъ не нашелъ въ нихъ чего либо слабаго или осужденія достойнаго; но справедливость должна взвѣшивать худое съ хорошимъ и не предавать за нѣкоторыя малыя неисправности весь знаменитый трудъ забвенію. Расинъ безсомнѣнія превосходилъ Корнелія чистотою слога и мыслей, но Корнелій не забытъ, и Французской Театръ, не смотря на многіе его недостатки, не престаетъ имъ славиться. Ихъ Расины и Корнеліи въ богатыхъ изданіяхъ со множествомъ сдѣланныхъ на оные замѣчаній останутся вѣчно въ ихъ и нашихъ книгохранилищахъ; а нашихъ Сумароковыхъ, и даже Ломоносовыхъ, валяющихся въ пыли, едва ужé въ книжныхъ лавкахъ находить можно.

Какимъ образомъ тамъ процвѣтать будутъ языкъ и словесность, гдѣ подвергаются они такому неблагодарному и несправедливому суду? Сумароковъ укоряется отъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ писателей устарѣлостію слога, нечистотою язы-

неніяхъ, показать, что онъ имѣлъ, также какъ и они, познаніе, остроту и даръ стихотворства. Послѣ чего можемъ спросить, почему Французскіе писатели, не только въ

ка и проч; но кто изъ судей сихъ, и другихъ вѣрющихъ имъ, читалъ его? Никто. Онъ, можно сказать, не существуетъ болѣе, по слѣдующимъ обстоятельствамъ: изданіе Трагедій его такъ рѣдко, что уже трудно достать оное, да и то, которое находить еще можно такъ противъ прежнихъ изданій испорчено, что никакаго сравненія съ ними не потерпитъ. Причиною сему первое, что онъ самъ при концѣ жизни своей, впавъ какъ бы въ нѣкое младенчество ума, и гоняясь за богатыми рифмами, стихи свои перепортилъ. Второе, послѣ него новые переписчики и актеры, во время хотя и не частаго представленія ихъ, каждый не зная, какъ говорится, ни силы ни писанія, поправлялъ ихъ по своему, и такъ изуродывалъ, что едва нѣсколько стиховъ остались въ нихъ цѣлы. Приведемъ, не посравненію новыхъ изданій съ старыми (ибо сихъ послѣднихъ я нигдѣ найти не могъ), но по одной памяти нѣсколько изъ сихъ стиховъ. Вѣстникъ въ Синавѣ, извѣщая Ильмену о послѣднемъ за очномъ съ нею прощаніи Трувора, говоритъ, что онъ, обращаясь къ озеру Ильменю, сказалъ:

А ты, гдѣ озеро ни будешь глашено,
Что именемъ моей драгой наречено,
Повсюду возвѣщай, и проч.

Въ новомъ изданіи второй изъ сихъ стиховъ перемѣненъ въ слѣдующій:

Которо именемъ драгимъ украшено.

восемъ отечествѣ, но и въ другихъ, сохраняютъ славу свою, тогда, какъ наши, между нами, соотечественниками своими, не только забыты, но даже презираются. Многіе

(Здѣсь 1-е *которо* вмѣсто *что*, хуже; и 2-е вмѣсто *укра́шено*, говорить *украшено́*, есть не простительная погрѣшность). Тотъ же Вѣстникъ (какъ мнѣ помнится говоритъ, что Труворъ, пронзивъ грудь свою мечемъ, и обращаясь мыслію къ Ильменѣ, произнесъ послѣднія свои слова:

Прости! по смерть мою тебѣ я вѣренъ былъ...
И испуская духъ симъ словомъ заключилъ.

Въ новомъ изданіи изъ сихъ двухъ стиховъ сдѣланы четыре слѣдующіе:

Прости, Ильмена, рекъ, по смерть я вѣренъ былъ
И испуская духъ тебя не позабылъ;
Прости. . . при словѣ семъ не стало больше мочи,
Оставилъ тѣло духъ и затворились очи.

Ильмена, узнавъ о смерти Трувора, хочетъ убить себя, и размышляя предъ концемъ жизни, говоритъ:

Отверста вѣчность мнѣ. . . иду. . . куда? . . . не знаю.
На что мнѣ знать? богамъ я душу поручаю.

Послѣдній изъ сихъ стиховъ перемѣненъ въ слѣдующій:

Страшусь...дрожу...на что дорогу препинаю?

Такимъ образомъ многія худыя перемѣны, сокращенія, прибавки, сдѣлали лучшія изъ его Трагедій не похожими, на себя, или покрайней мѣрѣ весьма отличными отъ прежнихъ, и тѣ, которые толкуютъ объ нихъ, вѣроятно тѣхъ старыхъ и нечитывали.

нынѣшніе оцѣнщики писателей, не зная и не читая никогда сочиненій ихъ, или читая съ предубѣжденіемъ и самолюбіемъ, или же по одной наслышкѣ отъ другихъ, говорятъ объ нихъ съ такимъ неуваженіемъ, какъ будто бы они къ стыду нашему нѣкогда существовали. Сей кривой судъ ихъ сообщается иностранцамъ, и тѣ, по собственнымъ нашимъ свидѣтельствамъ, увѣряютъ всѣхъ и насъ самихъ, что мы были дикари, невѣжды, и что съ тѣхъ только поръ начали немного просвѣщаться и обработывать языкъ нашъ, когда стали образовать его по свойствамъ Французскаго языка. Отселѣ въ краснорѣчіи священныхъ нашихъ книгъ, писанныхъ за долго до сего просвѣщенія, таковыхъ, какъ Псалтирь, Молитвенники, Четиминеи, Камень вѣры, и многихъ другихъ, не находимъ уже мы ни силы языка, ни краснорѣчія. Отселѣ Феофановъ своихъ, не уступающихъ Демосѳенамъ, не знаемъ и не читаемъ. Отселѣ раздѣляемъ языкъ свой на Славенской и Руской, изъ коихъ первымъ пренебрегаемъ, а второй называемъ только тотъ хорошимъ, которой, по причинѣ искаженія своего чужими словами и оборотами, самъ на себя не похожъ. Отселѣ славившіеся нѣкогда писатели наши, Ломоносовы, Кантемиры, Сумароковы, Петровы, Херасковы, и проч., выключены изъ списка, такъ называемыхъ нынѣ, *геніевъ*, которые, влюбясь въ какую-то

романтическую безсмысленность, не терпять въ сочиненіяхъ ни здраваго разсудка, ни ясности мыслей, называя ихъ устарѣлыми, вялыми, обыкновенными. Прежніе писатели наши не пренебрегали, такъ называемымъ нынѣ, Славенскимъ языкомъ; не уничижали ни его, ни предшественниковъ своихъ; не говорили, что на немъ не было никакихъ произведеній, которыя могли бы намъ служить образцами; напротивъ, они почерпали изъ него силу и красоту: прочитавъ, напримѣръ, въ Притчахъ Соломоновыхъ вѣщаніе премудрости: *мною Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду*, они тѣми же словами и выраженіями украшали свои стихи:

Цвѣтутъ во славѣ мною Царства,
И пишутъ правый судъ Цари.

Или прочтя въ Исаіи: *Раскую мечи своя на орала и копія своя на серпы*, оттуда брали:

Мечи твои и копья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую.

Они, когда читали: *Егда творяше Небо, съ нимъ бѣхъ, и егда полагаше морю предѣлъ, и крѣпка творяше основанія земли, бѣхъ при немъ устроя* — то не пугались словами *Егда, бѣхъ, творяше*, и проч.; не кричали: мы такъ не говоримъ; но прельщаясь красотою мыслей, старались выражать ихъ, хотя своимъ, употребительнѣйшимъ, однакожъ при-

ближеннымъ къ тому слогомъ и возвышенностію словъ:

Господь творенія начало
Премудростію положилъ;
При мнѣ впервые возсіяло
На тверди множество свѣтилъ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
Со мною солнце онъ возжегъ,
Въ стихіяхъ прекратилъ раздоры,
Унизилъ долъ, возвысилъ горы,
И предписалъ пучинѣ брегъ.

Заимствованіе изъ древнихъ писаній возвышало нашъ языкъ, придавало ему важность слога и силу выраженій, часто заключавшуюся въ одномъ словѣ, хорошо избранномъ и у мѣста поставленномъ. Когда я читаю слѣдующее въ стихахъ воззваніе къ Богу:

Тобой твои всѣ твари полны,
И жизнь ихъ всѣхъ въ твоихъ рукахъ;
Пескомъ ты держишь яры волны,
Связуешь воду въ облакахъ,
И море обращаешь въ сушу,
И видишь тайная сердецъ.

То нахожу, что взятое изъ сказанной въ Іовѣ рѣчи: *Связуяй воду на облацѣхъ своихъ*, весьма хорошо заимствовано; ибо когда говорится о дѣлахъ Божіихъ, тогда чѣмъ больше въ выраженіи представляется невозможности, тѣмъ живѣе и сильнѣе изображаетъ оно власть Бога, которому нѣтъ ничего невозможнаго.

Чѣмъ слабѣе въ словѣ *песокъ* кажется намъ преграда, поставляемая противу *ярости волнъ*, тѣмъ больше поражается воображеніе наше симъ изреченіемъ, впрочемъ весьма естественнымъ; ибо въ самомъ дѣлѣ видимъ, что песчаные берега полагаютъ морямъ предѣлъ, *его же не прейдутъ*. Равнымъ образомъ ничего кажется нѣтъ невозможнѣе, какъ *связать воду*, вещь по природѣ своей не удобную къ *связанію*; но между тѣмъ она, подлинно какъ бы связанная въ тучахъ, носится надъ нами, доколѣ, превращенная въ дождь, не польется на землю.

Сіи стихи, изображающіе могущество Божіе:

Тебя дѣла твои достойны!
Однимъ любви своей лучемъ
Изъ тмы извлекъ ты солнцы стройны,
Повѣсилъ землю на ничемъ,

почерпнуты также изъ Іова: *повѣшаяй землю на ничемъ же*. Не льзя не замѣтить въ нихъ отличной мысли, заключающейся въ послѣднемъ стихѣ: человѣкъ вѣшаетъ что нибудь на чемъ нибудь; но тотъ, кто могъ *однимъ любви своей лучемъ извлечь изъ тьмы солнцы стройны*, тотъ одинъ могъ *повѣсить землю на ничемъ*. Онъ повелѣлъ громадѣ сей стать въ пространствѣ свѣта, и она стала.

Подобное же можемъ сказать и о слѣдующихъ стихахъ, въ которыхъ Петръ Великій

молитъ Бога о побораніи по немъ при начатіи войны.

Прими оружіе, востани,
Востань за Росса своего,
Разсыпь народъ хотящій брани
Дхновеньемъ духа твоего.
Навергни бурю грозну съ тьмами,
И одожди на нихъ огни,
И вихремъ въ слѣдъ ихъ пожени,
И съ выспреннихъ ударь громами,
И молніями возблистай,
И землю ополчи и воды,
И двигни на враговъ природы,
И дерзость силы ихъ растай.

Всѣ сіи отличныя выраженія: *разсыпь дхновеньемъ духа твоего, навергни бурю грозну и одожди на нихъ огни, ударь громами, возблистай молніями*, изъявляющія, какъ сами собою, такъ и частымъ повтореніемъ союза *и*, великое движеніе духа и пылкость молитвы, почерпнуты изъ книгъ Священнаго писанія, неизсякаемаго источника краснорѣчія, равно какъ и глаголъ, окончевающій послѣдній стихъ: и дерзость силы ихъ — *растай*. Ни какое другое слово не можетъ въ семъ мѣстѣ столько быть сильно. Скажемъ *разрушь, истреби, низложи, уничтожь*; всѣ сіи глаголы обезсилятъ стихъ, потому что воображенію нашему не будетъ представляться того въ Божіемъ гнѣвѣ огня, отъ котораго всякая твердость и крѣпость превращается въ образъ слабости, тлѣнія, исчезанія. (*Горы*

таютъ, говоритъ Священное писаніе). Причиною тому, что всякой изъ вышеупомянутыхъ глаголовъ *разруши*, *истреби*, и проч., совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о нѣкоемъ трудѣ или напряженіи къ произведенію преднамѣреваемаго дѣйствія; напротивъ того въ глаголѣ *растай* ничего инаго не представляется, кромѣ прикосновенія или единаго приближенія зноя, отъ коего перемѣна состоянія страждущей вещи немедленно совершается. Богу довольно прогнѣваться, дабы отъ огня гнѣва его, безъ всякаго другаго дѣйствія, всякая сила и крѣпость мгновенно *тала*, исчезала.

Мнѣніе, что Славенскія книги не могутъ нынѣшнимъ нашимъ сочиненіямъ служить образцами, есть мнѣніе весьма неосновательное, отводящее насъ отъ силы языка и краснорѣчія. Могутъ ли весьма немногія вышедшія изъ употребленія слова и нѣкоторыя малыя въ слогѣ перемѣны затмѣвать всѣ прочія красоты мыслей и выраженій? Броситъ ли кто кусокъ золота для нѣсколькихъ смѣшенныхъ съ нимъ не столь цѣнныхъ частицъ? Я не хочу предлагать здѣсь многихъ весьма сильныхъ примѣровъ, тысячами встрѣчающихся въ больше и меньше древнихъ нашихъ писаніяхъ, но приведу нѣкоторые только отрывки изъ забытыхъ и совсѣмъ истребившихся проповѣдей Архимандрита Димитрія Сѣченаго, которыхъ малые остатки

случайно попались мнѣ въ изорванныхъ безъ конца и начала листкахъ. Онъ въ одной изъ нихъ, славословя Матерь Божію, говоритъ: „о „той ли молчати, которую всѣ племена про„славляютъ? гдѣ токмо вѣра православная „проповѣдуется, тамо и имя Маріино сла„вится: прославляетъ помощь ея Греція, ве„личаетъ силу Ея Аравія, простираетъ къ „ней руку свою Еѳіопія, хвалятъ Болгары, „возносятъ Сербы, Молдавія благодаритъ, „Иверія ублажаетъ, и всякая вѣрная душа въ „особенности милость ея дознавши благо„хвалитъ. Россія ли умолчитъ, идѣ же паче, „яко въ православіи, величія и чудеса ея до„знаются? да не будетъ!"—Въ какую Риторику не годится сей примѣръ краснорѣчія? а особливо въ Рускую, гдѣ не только смыслъ и сила всякаго выраженія, но даже и благопріятное размѣщеніе словъ составляетъ нѣкоторое украшеніе для заключающагося въ нихъ разума, безъ чего теряетъ онъ нѣчто отъ своего достоинства. Перемѣнимъ только расположеніе словъ: *хвалятъ Болгары, возносятъ Сербы, Молдавія благодаритъ, Иверія ублажаетъ*, въ слѣдующее: *хвалятъ Болгары, возносятъ Сербы, благодаритъ Молдавія, ублажаетъ Иверія*, сія единообразность въ размѣщеніи глаголовъ передъ собственными именами, хотя ни мало не перемѣнитъ смысла рѣчи, однакожъ отниметъ у ней много пріятности, или, хотя бы и можно было, упо-

требя одинъ глаголъ, сказать: *хвалятъ Болгары*, *Сербы*, *Молдавія*, *Иверія*; смыслъ былъ бы тотъ же; но куда дѣвалась бы плавность и красота слога, прельщающая разнообразіемъ глаголовъ: *хвалятъ*, *возносятъ*, *благодаритъ*, *ублажаетъ?* или какимъ образомъ безъ Славенской, или лучше сказать принадлежащей возвышенному слогу частицы *да*, можно бы было сдѣлать сіе прекрасное окончаніе: *да не будетъ!*—Но приведемъ еще не большой примѣръ изъ его же и также изорваннаго слова, по видимому говореннаго въ какой нибудь торжественный день: „Какъ „намъ за толикое благодѣяніе на торжество „сіе не стекатися? какъ ко благодаренію и „молитвѣ не спѣшитися? сей то нынѣ ра„достный день, день преславный, день присно„памятный, умолчимъ ли? каменіе возопіютъ! „оставимъ ли? древеса не человѣцы будемъ!“ На какомъ разсудкѣ и знаніи основываясь можемъ мы для того только, что въ простыхъ разговорахъ не говоримъ нѣкоторыхъ словъ, всѣ изобрѣтенныя прежде высокому слогу необходимо нужныя слова и выраженія оставлять, почитать ихъ вышедшими изъ употребленія, и никакой силы и красоты языка сего не чувствовать? Какими умствованіями докажемъ, что поелику мы не употребляемъ нынѣ словъ *присно*, *лѣпота*, *воня*, то уже не должны употреблять и *присно-памятный*, *великолѣпный*, *благовонный?* но та-

кимъ образомъ лишимся мы всего богатства и важности своего языка. Не странно ли для нѣкоторыхъ малыхъ измѣненій, таковыхъ, какъ *идѣже* вмѣсто *гдѣ же*, *человѣцы* вмѣсто *человѣки*, и проч,. раздѣлять языкъ отъ языка; называть одинъ Славенскимъ, а другой Рускимъ; кричать, что на первомъ изъ нихъ ничего не было писано; смѣяться надъ тѣми, кои почерпаемою изъ него силою украшали свои сочиненія, и хотѣть подъ именемъ Рускаго языка произвесть новый, которой бы состоялъ изъ одного просторѣчія, располагаемаго по складу Французскаго языка, совершенно свойствами своими съ нашимъ различнаго? Не ужъ ли вподлинну принять намъ за правило сіе премудрое наставленіе: *мы хотимъ писать какъ говоримъ?* да что писать? шуточки, сказочки, пѣсенки? не спорю. Но развѣ нѣтъ у насъ средняго и высокаго слога? Не уже ли распространить сіе правило и на всѣ важныя сочиненія? Тогда мы ничего путнаго имѣть не будемъ, не различимъ простонародной сказки отъ поэмы, и можетъ быть, простирая далѣе презрѣніе наше къ Славенскому языку, дойдемъ до того, что прочитавъ, напримѣръ, въ Трагедіи стихи:

Ужъ къ браку олтари цвѣтами украшенны,
И брачныя свѣщи въ свѣтильники вонзенны.

Станемъ разсуждать: *бракъ, свѣщи, вонзенны,* въ разговорахъ не говорится; такъ писали стариннаго вѣка люди, а по нашему просвѣщенному вкусу должно писать: *и свадебныя свѣчки воткнуты въ шандалы.* Я надѣюсь, что мы до сего не дойдемъ; однакожъ читая многія нынѣшнія сочиненія и переводы не могу на искаженіе величаваго и сильнаго языка нашего смотрѣть безъ сожалѣнія.

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Я хотѣлъ кончить, опасаясь наскучить читателю долгимъ сужденіемъ объ одномъ и томъ же предметѣ; но повстрѣчавшійся со мною случай принуждаетъ меня еще о томъ распространиться. Ко мнѣ приносятъ вновь изданную (сего 1827 года) книгопродавцемъ Заикинымъ книгу подъ названіемъ: сочиненія Озерова. Въ ней напечатаны двѣ слѣдующія статьи:

I.

„Творенія Озерова составили новую эпоху „въ Исторіи Руской Драмматической поэзіи. „Читатели и зрители обыкновенные могутъ „находить въ его трагедіяхъ одно механическое превосходство (?) стиховъ и слога „предъ его предшественниками; но прилѣжный наблюдатель поэзіи отечественной „долженъ видѣть въ нихъ достоинство гораздо важнѣйшее. До Озерова трагедіи наши

„были не иное что, какъ рабскія, одноцвѣтныя копіи образцовъ иностранныхъ. Озеровъ „далъ имъ краски! Онъ оживилъ ихъ истинною поэзіею, которая, не довольствуясь „вымысломъ и расположеніемъ происшествій „и отдѣлкою слога, находитъ существо и „превосходство свое въ красотахъ высшаго „рода. Эдипъ, Фингалъ, Димитрій и Поликсена, „единственны въ своемъ родѣ, и донынѣ сочинитель ихъ не имѣетъ даже соперниковъ; „сіи трагедіи останутся украшеніемъ Руска„го театра. Умъ человѣческій усовершенствуется, познанія людей распространяются — возникнетъ, можетъ быть, какъ у „всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, собственная національная Руская трагедія; но геній, „водившій кистію Озерова, будетъ сіять „въ потомствѣ, и поздніе питомцы трагической музы съ восторгомъ и удивленіемъ „будутъ взирать на всякій образецъ свой.“

„(Обозрѣніе Руской Литературы за 1815 и 1816 годы, написанное по препорученію начальства Публичной Библіотеки Г. Гречемъ, стр. 32 и 33).“

Остановимся на минутку здѣсь для сдѣланія небольшихъ примѣчаній:

1-е, Увѣрять въ составленіи новой эпохи должно не словами, а доказательствами; 2-е, почитать однихъ обыкновенными, а другихъ (то есть самого себя) необыкновеннымъ наблюдателемъ и знатокомъ, слиш-

комъ самолюбиво. Это не говоришь о себѣ, но на дѣлѣ показать должно. 3-е, Въ стихахъ механическое превосходство есть пустозвучное, ничего не значущее выраженіе: въ нихъ долженъ господствовать разумъ, а не механизмъ (*); 4-е, что до Озерова трагедіи наши были не иное что, какъ рабскія, одноцвѣтныя копіи образцовъ иностранныхъ. (Объ этомъ мы поговоримъ послѣ). 5-е, Что

(*) Любитель механизма, слѣдующій стихъ:

Вѣтвями голыми махая древній дубъ,

или стихъ, въ которомъ говорится, что конь:

Топоча хрупкій снѣгъ насъ по полю помчитъ,

предпочтетъ стиху:

Урча и клокоча со щоглой поглащаетъ;

Но разумъ скажетъ: нѣтъ! Въ первомъ изъ сихъ стиховъ примѣчаются три погрѣшности: 1-я *вѣтвями* вмѣсто *вѣтвями* есть худое словоудареніе; 2-я *голыя* вмѣсто *обнаженныя* есть слово низкое, или по крайней мѣрѣ не весьма въ семъ слогѣ приличное; 3-я вѣтьви древняго дуба, смотря по дѣйствующей на нихъ силѣ, могутъ помавать, качаться, но *махать* есть слишкомъ преувеличенное и не естественное выраженіе. Во второмъ стихѣ конь могъ *топотать* ногами бѣгучи по твердой землѣ, отъ которой звуки *топъ*, *топъ*, отдаются; но *топотать снѣгъ*, вмѣсто *топтать*, есть совсѣмъ не по Руски. Напротивъ того въ третьемъ стихѣ хотя слоги *ча-ча-що-що*, стеченіемъ своимъ и не ласкаютъ слуха, но они живо изображаютъ природу; ибо звуки сіи въ разъяренной водѣ при погруженіи въ нее какой либо громады точно слышатся.

Эдипъ, Фингалъ, и проч., единственны въ своемъ родѣ, это также требуетъ не словъ, а доказательствъ; 6-е, что и донынѣ сочинитель ихъ не имѣетъ даже соперниковъ: это отнюдь не чудно; ибо сіе *и донынѣ* содержитъ въ себѣ не полъ-вѣка или вѣкъ, но не болѣе пяти или шести лѣтъ. Чему жъ тутъ дивиться? Наконецъ 7-е, похвалы и хулы надлежитъ писать по собственному своему убѣжденію, а не по препорученію Начальства. Какъ тѣ, такъ и другія должно дѣлать не по расчету обстоятельствъ, не въ угодность своимъ пріятелямъ и знакомымъ, но по сущей правдѣ, основанной на любви къ пользамъ словесности, безъ униченія старыхъ, и безъ возвышенія новыхъ писателей подобными сему гиперболами: „сіи трагедіи останутся украшеніемъ „Рускаго театра. — Геній, водившій кистію „Озерова, будетъ сіять въ потомствѣ, и „поздніе питомцы трагической музы съ во„сторгомъ и удивленіемъ будутъ взирать „на великій образецъ свой.“ Сказать это легко, но доказать трудно.

II.

Изъ сей длинной выписки приведемъ только нѣкоторыя мѣста. Довольно изъ однихъ отрывокъ ея увидѣть можно, какой произносится въ нихъ надъ нашими Писателями судъ, и потомъ посмотримъ, какую къ

суду сему должно имѣть довѣренность. Сочинитель ея возвѣщаетъ намъ, что мы до Озерова не видали трагедій; что заслуги сего преобразителя трагедіи можно сравнить съ заслугами Карамзина образователя прозаическаго языка. (Мы послѣ потолкуемъ объ Озеровѣ. Чтожъ касается до Карамзина, то онъ въ Исторіи своей не образовалъ языкъ, но возвратился къ нему, и умно́ сдѣлалъ). Далѣе Сочинитель сей выписки говоритъ въ ней о Сумароковѣ, что онъ принимался за многіе роды Стихотвореній, но ни въ одномъ не успѣлъ. „Ослѣпленные современники (продолжаетъ онъ) вѣнчали сего неутомимаго „писателя похвалами; добродушное потомство довольствуется быть отголоскомъ старины, не налагая на себя тяжелаго труда „быть дѣйствующимъ судіею славы Сумарокова, и такимъ образомъ творецъ Рускаго „Театра, хотя и не лишенный сего имени, „уже почти не имѣетъ мѣста наономъ. Можетъ быть и совсѣмъ поглотила бы его бездна забвенія, если бы не приходило на мысль „благочестивымъ и суевѣрнымъ поклонникамъ „старины, предпочитающимъ всегда славу „усопшихъ славѣ живыхъ, ставить намъ безъ „зазрѣнія совѣсти въ образецъ басенъ на Руcкомъ языкѣ басни Сумарокова (*), и въ обра-

(*) Виноватъ! это дѣлалъ я, и хотя не выдавалъ ихъ за образецъ Рускихъ басенъ, одна-

„зецъ Трагическаго слога напыщенные и хо-
„лодные порывы притворнаго изступленія
„Димитрія Самозванца."—Далѣе говоритъ онъ:
„пороки въ составленіи трагедій Сумарокова
„и Княжнина не могутъ быть оправданы
„временемъ. — Рѣшительно можно сказать,
„что у насъ не было трагедій, и величество
„Мелпомены не царствовало на Трагической
„сценѣ. Актеры съ пышными именами выхо-
„дили передъ зрителей, говорили стихи, иног-
„да хорошіе, чаще дурные; зрители рукопле-
„скали, чаще зѣвали.—Тайна Трагедіи не была
„еще постигнута. Явился Озеровъ и Мелпо-
„мена приняла владычество свое надъ душа-
„ми. Мы услышали голосъ ея, повелѣвающій
„сердцу, играющій чувствами, сей голосъ
„столь краснорѣчивый въ Расинѣ и Волтерѣ."
—Далѣе сочинитель сей выписки, продолжая
все старое порочить, и все новое превозно-

кожъ, признаюсь, имѣлъ дерзость безъ вся-
каго *зазрѣнія совѣсти* сличать ихъ съ ба-
снями Лафонтена, и потому легко бы могъ
подозрѣвать, что это обо мнѣ говорится,
что во мнѣ предполагаются соединенными
два не могущія никогда соединиться качест-
ва *благочестія* и *суевѣрія*; но съ другой сто-
роны удерживаюсь отъ сей мысли тѣмъ,
что для меня было бы слишкомъ самолюби-
во думать, будто могу я слабымъ голосомъ
моимъ останавливать *поглащающую труды
Сумарокова бездну забвенія.*

сить, говоритъ, что прежніе писатели не оставили намъ (кому намъ? Я первый прошу исключить меня изъ сего числа) никакихъ твореній; что новые напротивъ, сдѣлали въ преобразованіи языка и Словесности Геркулесовскій подвигъ (!!!); что тѣ, которые иначе о семъ думаютъ, суть люди постоянно коснѣющіе при мнѣніяхъ прошедшаго вѣка, и что сіе новое просвѣщеніе, обогатившее казну человѣческихъ понятій (!), пройдя мимо ихъ, до нихъ не коснулось, и проч. и проч.

Вотъ судъ нынѣшнихъ Писателей, распространяющихъ свое новое просвѣщеніе, и утверждающихъ съ свойственною имъ кротостію и смиреніемъ; что до нихъ не было у насъ ни ума, ни языка. Они присвояютъ себѣ право судить и рядить обо всемъ, жаловать кого и какъ хотятъ въ первые или послѣдніе Писатели, требуя, чтобъ безъ всякихъ существенныхъ доказательствъ одному великому слову ихъ несомнѣнно вѣрили; а ежели кто не такъ видитъ вещи, какъ они, и осмѣлится находить достоинства въ томъ, кого они хулятъ, или погрѣшности въ томъ, кого они хвалятъ, тотъ по ихъ мнѣнію закоснѣлый невѣжа, и дѣлаетъ это по зависти и злобѣ. Однакожъ не смотря на гнѣвъ ихъ, и отнюдь не по желанію вредить чьей либо славѣ, но единственно для пользы Словесности, намѣренъ я разсмотрѣть спра-

ведливы ли увѣренія ихъ о ничтожности прежнихъ нашихъ Писателей, и о Геркулесовскомъ подвигѣ новыхъ, преобразившихъ языкъ нашъ и обогатившихъ казну человѣческихъ понятій. Писатели умираютъ, но сочиненія ихъ живутъ и служатъ пищею учащимся; а потому и должно разсуждать объ нихъ со всякимъ безпристрастіемъ, не отнимая у однихъ всякое ихъ достоинство, а у другихъ даже и самыя погрѣшности ихъ превращая въ превосходство; ибо имъ, когда уже ихъ нѣтъ на свѣтѣ, ни хулы ни похвалы наши не нужны; они не требуютъ ихъ ниже для земной, не только для Небесной славы, гдѣ безсомнѣнія прославятся или обезславятся они по дѣламъ и намѣреніямъ своимъ, а не по тому, кто изъ нихъ лучше или хуже написалъ стихи. Слѣдовательно всякіе несправедливые объ нихъ крики не имъ вредятъ, а тѣмъ, которые вводятъ ими юные и неопытные умы въ заблужденіе, внушая имъ ложныя понятія, и отвлекая ихъ отъ истинныхъ въ языкѣ и Словесности познаній. О семъ единственно размышляя, а отнюдь не о томъ, чтобъ одного Писателя уничижить передъ другимъ (ибо каждый изъ нихъ можетъ имѣть свое достоинство и свои погрѣшности) почитаю я за нужное побесѣдовать нѣсколько съ благосклоннымъ и благоразумнымъ читателемъ, не предубѣж-

деннымъ ни въ пользу старыхъ, ни въ пользу новыхъ Писателей.

Сличимъ трагедію Синавъ и Труворъ съ трагедіею Фингалъ; обѣ онѣ въ окончаніи своемъ имѣютъ нѣкоторое сходство, и потому лучше подходятъ подъ сравненіе. Синавъ (дѣйствующее лице) находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ Старнъ и Фингалъ. Съ первымъ можно его сравнить потому, что оба они, хотя и разными средствами, становятся причиною смерти, одинъ дочери своей, другой брата и жены; со вторымъ по тому, что каждый изъ нихъ пораженъ лишеніемъ той, которую любилъ. Взглянемъ сперва на Синава и Старна: положенія ихъ одинаковы, но дѣйствія, какими они привели себя въ оное, весьма между собою различны. Синавъ, Князь, въ блескѣ владычества и славы своей, влюбляется въ дочь Гостомыслову, получаетъ отъ отца ея согласіе на бракосочетаніе съ нею, и когда все уже готово было къ браку, Ильмена, терзаемая скрытою къ Трувору страстію, проситъ объ отсроченіи сего торжества. Синавъ исполняетъ ея желаніе; но примѣчая въ ней смущеніе и грусть, приходитъ въ подозрѣніе, что она, отдавъ сердце свое кому нибудь другому, не можетъ его любить. Мучимый симъ подозрѣніемъ открывается онъ брату своему Трувору и спрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кто лишаетъ его

спокойствія и чью грудь долженъ онъ пронзить мечемъ своимъ. Труворъ, побуждаемый благороднымъ чувствомъ, почитая за непозволенное оставлять его въ семъ невѣдѣніи, отвѣтствуетъ ему съ приличною смѣлостію:

Лишенный вольности, надежды и покою,
Пролей, о Государь! кровь винну предъ тобою;
Свирѣпствуй, варварствуй и устремляйся въ месть,
Коль можешь острый мечъ на друга ты вознесть;
Вонзай оружіе, сражай его безсловна:
Вотъ грудь, которая передъ тобой виновна!

Какое искусно приведенное въ трагедіи мѣсто, поражающее столько же зрителя, сколько и самого Синава, слушающаго съ возрастающимъ постепенно удивленіемъ до послѣдняго стиха, которымъ повергается онъ въ ужасъ и печаль! По открытіи сего жестокаго таинства, Синавъ, воспалившійся еще болѣе непреодолимою страстію, удаляетъ отъ себя брата своего, сочетавается съ Ильменою, въ надеждѣ, что со временемъ взаимная любовь ихъ простынетъ, и тогда они не помѣшаютъ ему быть щастливымъ; но судьба обманываетъ его надежду: Труворъ, не перенеся разлуки, убиваетъ себя; Ильмена ему послѣдуетъ. Вопросимъ теперь, кто, испытавъ сердце свое, назоветъ сей поступокъ Синавовъ непростительнымъ? И кто, видя его, по узнаніи всѣхъ своихъ

нещастій, предающагося лютѣйшему отчаянію, не пожалѣетъ о немъ, и не приметъ въ немъ участія? Вотъ истинно трагическое лице, исторгающее слезы умиленія и состраданія. Возвратимся теперь къ Старну.

Фингалъ, во время войны, убилъ сына его, не по измѣнѣ какой или злобѣ, но сражаясь съ нимъ и подвергаясь самъ такому же отъ него жребію. Онъ въ память соперника своего воздвигъ ему гробницу. По окончаніи войны, плѣненный дочерью Старна и любимый ею, онъ искалъ ея руки. Старнъ, Локлинскій Царь, дыша безразсудною къ нему за сына злобою, притворяется соглашающимся на то, но, обманывая вмѣстѣ и его и дочь свою, предпріемлетъ измѣннически его убить. Фингалъ переплываетъ море, пріѣзжаетъ въ царство его, и въ тотъ же день назначается бракосочетаніе ихъ. Старнъ разными обманами заманиваетъ его въ Одиновъ храмъ, нападаетъ на него, и не могши надъ нимъ совершить своего злодѣянія, убиваетъ дочь свою и себя. Достойно ли сіе лице быть трагическимъ? Соединяя въ себѣ подлость съ неистовствомъ можетъ ли оно что либо въ чувствахъ зрителя производить, кромѣ совершеннаго отвращенія? Чрезвычайная злоба его на Фингала во первыхъ безумна, ибо не имѣетъ достаточной причины; во вторыхъ не вѣроятна; ибо какимъ образомъ не могъ онъ совершить злодѣйскаго

умысла своего надъ человѣкомъ, приплывшимъ къ нему безъ всякаго подозрѣнія изъ за-моря для вступленія съ нимъ въ семейственный союзъ, и гдѣ же не могъ исполнить сего? Въ собственномъ своемъ царствѣ! Буде же не могъ, то за чѣмъ предпринималъ? Не странно ли, даже не смѣшно ли слышать, что вельможа сего Локлинскаго царя на вопросъ его:

Благопріятну ли несетъ мнѣ, Колла, вѣсть?
Готовы ль воины мою исполнить месть?

Отвѣтствуетъ ему:

Осьмнатцать ратниковъ тебѣ, о Старнъ, послушны,
Страшатся прочіе. . . .

Какъ! въ цѣломъ царствѣ послушны ему только осьмнатцать воиновъ? На чтожъ при такихъ малыхъ силахъ прибѣгаетъ онъ къ подлымъ обманамъ, зная, что когда надобно будетъ приступить къ дѣйствію, то обманъ сей откроется, и чтожъ въ немъ будетъ пользы безъ приготовленія къ тому достаточныхъ силъ? Да и самые обманы его безъ всякой хитрости такъ явны, что дѣлаютъ Фингала, вдающагося въ оные, весьма недогадливымъ. Вотъ въ чемъ они состоятъ: Старнъ, условясь со жрецомъ своимъ, приводитъ Фингала и Моину, дочь свою, въ капище своихъ боговъ. Жрецъ отрицается сочетать ихъ, объявляя тому причиною,

что гнѣвная тѣнь Оскарова (убіеннаго сына Старнова) воспрещаетъ ему совершить сіе бракосочетаніе. Фингалъ воспламеняется гнѣвомъ на жреца, Старнъ за него вступается и говоритъ Фингалу:

Ты вѣрь ему, иль нѣтъ, но мы привыкли вѣрить,
И дочери моей не отдаю тебѣ.

Длинная распря сія оканчивается тѣмъ, что жрецъ предлагаетъ Фингалу идти въ Одиновъ храмъ, на гробъ Оскаровъ, дабы умилостивить жертвоприношеніемъ и воинскими играми тѣнь его, и что потомъ соединитъ онъ его съ Моиною. Фингалъ сперва не соглашается, не слушая ни Старна, ни жреца; но Моина просьбою своею на то его склоняетъ. Кажется Фингалъ могъ бы изъ сего примѣтить, что Старнъ (твердившій ему прежде о великой своей по сынѣ грусти) не весьма къ нему благорасположенъ, и что въ поступкахъ его кроется нѣкое нечистосердечіе. Но нѣтъ! онъ даже до того не примѣчаетъ разставляемыхъ ему сѣтей, что Старнъ, увидя идущихъ за ними воиновъ Фингаловыхъ, проситъ отослать ихъ прочь, и онъ отсылаетъ. Мало и сего: въ минуту, когда, по пришествіи въ Одиновъ храмъ, Старнъ хочетъ дать условный къ нападенію на Фингала знакъ, говорятъ ему, что храбрые воины его не посмѣютъ сего сдѣлать,

доколѣ будутъ видѣть у Фингала мечъ при бедрѣ. (Воины достойные предводителя своего!) Чтожъ въ такомъ случаѣ дѣлать? Старнъ берется и тутъ обмануть Фингала. Онъ говоритъ ему:

Отборны воины готовы здѣсь для боя;
Но чтобы большее въ нихъ мужество возжечь,
Наградой лестною имъ предложи свой мечъ.

Фингалъ отвѣтствуетъ:

Я побѣдителямъ не только мечъ одинъ,
Но и мой звучный рогъ наградой предлагаю.

Такимъ образомъ Фингалъ, не примѣчая ничего, заведенъ былъ обманами Старна въ отдаленный Одиновъ храмъ, отлучивъ отъ себя своихъ воиновъ, и напослѣдокъ, отдавъ и мечъ свой и звучный рогъ, остался одинъ безъ всякой помощи и обороны. Старнъ въ сіе время съ воинами своими нападаетъ на него; но никто изъ нихъ не догадался, что при гробѣ Оскаровомъ висѣлъ мечъ сего убіеннаго Царевича. Фингалъ, увидя только тутъ опасность свою, схватилъ сей мечъ; и какъ Старновы воины, устремляясь на него, ни вопіяли: *умри, Фингалъ!* и сколько Старнъ ни ободрялъ ихъ, приказывая *разите!* Однакожъ Фингалъ, закрича на нихъ: *кто смѣетъ приступить?* Остановилъ ихъ, и они отъ него отступили. Тутъ Старнъ изъ любви къ мертвому сыну, не могши отомстить Фингалу, вмѣсто его предпріем-

летъ по крайней мѣрѣ убить дочь свою и себя. Вотъ сплетеніе приключеній, могущихъ нравиться тому, кто охотникъ до чудесности сказокъ.

Обратимся теперь къ сравненію Фингала съ Синавомъ. Они, какъ мы уже сказали, сходствуютъ тѣмъ, что оба лишились любезнѣйшихъ своихъ супругъ. Горесть ихъ одинакова, слѣдовательно и чувства должны быть таковы же. Покажемъ сперва, какъ выражаетъ ихъ Синавъ и потомъ обратимся къ Фингалу. Синавъ, по выходѣ изъ храма, гдѣ сочетался онъ съ Ильменою, получаетъ извѣстіе, что Труворъ лишилъ себя жизни. Глубоко опечаленный сею неожидаемою имъ вѣстію, не зная еще о приключеніи съ Ильменою, увидѣлся онъ съ Гостомысломъ, и между ими начинается слѣдующій разговоръ:

Синавъ.

Извѣстенъ ли, мой другъ, о братѣ ты моемъ?

Гостомыслъ.

Извѣстенъ, Государь, извѣстенъ я о всемъ.

Синавъ.

Я страсть любовную, но вредну мнѣ и люту,
Конечно получилъ въ нещастнѣйшу минуту:
Я брата восхотѣлъ на время отдалить,
Чтобъ отдаленъ онъ могъ Ильмену позабыть,
И къ удержанію дражайшаго мнѣ братства,
Чтобъ радостямъ моимъ не сдѣлалъ онъ препятства:

Но рокъ сей вымыслъ мой совсѣмъ перемѣнилъ,
И съ Труворомъ меня на вѣки разлучилъ.
Прогнѣвалъ васъ Синавъ, прогнѣвалъ васъ о Боги!
И преступленія мои предъ вами многи.
Когдабъ меня любовь не такъ смертельно жгла,
Я бъ избѣжати могъ содѣланнаго зла,
Да страсть моя меня толико покорила,
Что весь разсудокъ мой въ безумство претворила;
А то безумство мнѣ пріятно и теперь;
Люблю какъ душу я твою прекрасну дщерь,
И въ сей тоскѣ она въ умѣ моемъ летаетъ,
Ни что отъ разума ее не отвращаетъ;
Но не тираномъ ли кажусь ея очамъ,
Ставъ тяжкимъ бременемъ любовничьимъ сердцамъ?
О какъ нещастливъ я!

Гостомыслъ.

Хоть горько ты стонаешь,
Но всѣхъ еще своихъ нещастій ты не знаешь.

Синавъ.

Скажи; что̀ есть еще? что̀ сдѣлалось со мной?

Гостомыслъ.

Ильмена навсегда расталася съ тобой.

Синавъ.

Расталась навсегда?

Гостомыслъ.

Возри на токъ сей кровной,
И сотвори конецъ ты мысли днесь любовной:
Се кровь Ильменина.

Синавъ.

Скончалась дочь твоя!

(Замѣтимъ сіи краткія изрѣченія Синавовы, а особливо послѣднее. Кажется послѣ ясныхъ словъ Гостомысловыхъ не для чего было бы съ удивленіемъ, какъ бы побуждая его къ подтвержденію словъ своихъ, сказать: скончалась дочь твоя! Но выраженіе сіе прекрасно, потому что естественно и живо изображаетъ чувствованіе пораженнаго глубокою горестію сердца, которое, при всей несомнительности возвѣщаемаго ему бѣдствія, сомнѣвается еще, не хочетъ вѣрить, и какъ бы льстится новыми о томъ вопросами отвратить, или хотя на одинъ мигъ отдалить отъ себя горькую минуту совершенной увѣренности).

Гостомыслъ.

Тутъ вышелъ предо мной изъ тѣла духъ ея,
На мѣстѣ семъ она кинжаломъ грудь пронзила..

(Здѣсь не осталось ужé ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію. Синавъ предается лютѣйшей горести, и укоряя, какъ и должно, самаго себя говоритъ):

Ужé ты все теперь судбина совершила!
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ, на мнѣ:
Представилъ ты меня тираномъ сей странѣ,
Иль злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада:
Я брату недругъ сталъ, изгналъ его изъ града,
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ,
И къ умноженію творимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаютъ звѣри,

Лишилъ при старости отца любезной дщери,
Героя, коимъ градъ сей цѣлость удержалъ,
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ.
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу сдѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей,
И отъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
На вѣки удалилъ свѣтъ солнечныхъ лучей. . .
Покоясь, учинивъ конецъ своей судбинѣ,
О какъ прещастливы любовники вы нынѣ!
Васъ весь жалѣетъ градъ, оплакивая васъ,
А я сталъ мерзостью народною въ сей часъ!
Злодѣйски жалобы съ раскаяньемъ безплоднымъ
Уже безъ жалости текутъ къ сердцамъ народнымъ;
О жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какова дождался, о Боги, я часа!

(Послѣ сихъ жестокихъ себѣ укоризнъ Синавовыхъ самъ Гостомыслъ, забывая печаль по своей дочери, тронутый горестными изліяніями души Синавовой—и какое чувствительное сердце не было бы ими тронуто—въ утѣшеніе ему говоритъ):

Тираномъ, Государь, назвать тебя не можно;
А что нещастливъ ты, нещастливъ ты не ложно.
Но пользуетъ ли ужъ стенаніе тебѣ?
Ищи ты крѣпости и мужества въ себѣ.
То время протекло, въ которо можно было
Нещастье удалить, что духъ твой тяготило.

(Синавъ, впадая, свойственно великой печали, отчасу больше въ уныніе, не слышитъ словъ Гостомысловыхъ, и мечтая предъ собою Ильмену, говоритъ ей):

Я пролилъ кровь твою, не ты ее лила.
На что, увы! на что ты стала мнѣ мила?
Не ты кинжаломъ грудь прекрасную пронзила,
Моя рука тебя, моя рука сразила.
Ильмена! отпусти ты мнѣ мою вину:
Кляну злодѣйствіе—но поздно ужъ кляну!
На что я принуждалъ тебя толико злобно?
Коль страсти истребить мнѣ было неудобно,
Не могъ ли своего пресѣчь я живота? (*)
Увяла молодость! увяла красота!
Закрылись очи тѣ, которы кровь палили!
Вы, Боги, взявъ ее всего меня лишили.
Чего жъ я жду? пойдемъ въ тьму вѣчную за ней.

(Извлекши мечъ свой хочетъ себя убить, но Гостомыслъ съ воинами вырываетъ оный изъ рукъ его, и Синавъ къ словамъ присовокупляетъ):

(*) Я знаю, что здѣсь въ нѣсколько голосовъ закричатъ: какъ можно въ трагедіи сказать: живота? — Почемужъ не можно, когда животъ то же значитъ что жизнь, и вездѣ въ самомъ высокомъ слогѣ въ семъ смыслѣ употребляется? *лишить живота* есть то же что *лишить жизни*.—Да это было прежде, а нынѣ и то одни только простолюдины говорятъ: *животъ болитъ*, разумѣя подъ этимъ словомъ брюхо.—Жаль, что мы оцѣняемъ слова по изустному употребленію ихъ въ простомъ народѣ, не справляясь съ книгами. Не читая книгъ мы можемъ отъ многихъ словъ отвыкнуть, но это не есть путь къ познанію языка и Словесности, а напротивъ къ паденію ихъ. Въ словахъ, отдѣльно отъ выраженій, не всегда должно полагаться на одинъ судъ навыка, не внимая совѣтамъ разсудка: впрочемъ хотя бы въ новѣйшія времена какое слово и унизилось или вышло изъ употребленія, за сіе не льзя обвинять Писателя, употребившаго оное въ то время, когда оно не досаждало ни слуху, ни разуму.

О продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой мечъ, въ немъ вся моя отрада,
Жить больше не хочу лишась любезна взгляда.

(Упадаетъ въ кресла и въ разстройствѣ ума продолжаетъ):

Претемный облакъ свѣтъ отъ глазъ моихъ закрылъ.
Прекрасно солнце, чѣмъ тебя я прогнѣвилъ,
Что пламень твой въ сей день меня не освѣщаетъ?
Или въ сей страшный часъ вселенна погибаетъ!
Проникли темноту лучи, преходитъ мгла,
Прешла, и небесамъ цвѣтъ прежній отдала.
Но что вы, воины, во кругъ смятенно зрите?
Куда вы отъ меня, куда вы всѣ бѣжите?
Печальный Новградъ, ты разсѣянъ нынѣ весь.
Скажи, Ильмена мнѣ, что приключилось здѣсь?
Кому ни говорю, ни кто не отвѣчаетъ.
Гдѣ скрылся Гостомыслъ? Что Труворъ тамъ стонаетъ?
Но что ты весь въ крови, возлюбленный мой братъ?
Ильмена на меня прегнѣвный мещетъ взглядъ!
Скажите мнѣ, гдѣ я?

(Вотъ чувства истинной горести, и вотъ искуство въ безуміи говорить умно и прекрасно. Гостомыслъ, желая вывесть его изъ сего мрачнаго состоянія, взываетъ къ нему):

Познай сіи чертоги;
И городъ, что тебѣ вручили править Боги;
Познай, и возврати свой помраченный смыслъ.

(Синавъ хотя и приходитъ въ себя, однакожъ, не преставая предаваться тѣмъ же горестнымъ чувствамъ, говоритъ):

На что ты возвратилъ мнѣ память Гостомыслъ?
О день! нещастный день! я мучусь нестерпимо.
О солнце! для чего еще ты мною зримо?
Разлей свои валы; о Волховъ! на брега,
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага,
И шумнымъ стономъ водъ вѣщай вину Синава,
Которой навсегда моя затмилась слава!
Чертоги, гдѣ лила свою Ильмена кровь,
Падите на меня, злодѣйску мстя любовь?
Карай мя небо, я погибель въ даръ пріемлю (*),
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!

Вотъ какъ въ Синавѣ изливаются чувства глубокой горести, по лишеніи любезнѣйшей ему особы. Кто, слыша и видя его въ семъ состояніи, не сжалится надъ нимъ? Чье сердце не раздѣлитъ съ нимъ его печали, и откажетъ ему въ своемъ состраданіи? Возбужденіе въ зрителяхъ чувствъ сихъ есть главная цѣль, до которой сочинитель трагедіи достигать долженъ.

Обратимся теперь къ Фингалу, находящемуся въ одинакомъ положеніи съ Синавомъ, и посмотримъ, та ли самая видна въ немъ горесть, и тѣ ли самыя чувства состраданія къ себѣ производитъ онъ въ сердцахъ зрителей. Старнъ, какъ мы уже видѣ-

(*) Здѣсь также сокращенное мѣстоименіе *мя*, вмѣсто *меня*, подастъ поводъ къ похуленію. Правда, нигдѣ въ свѣтскихъ сочиненіяхъ оно не употребляется, но должны ли для подобныхъ малостей отвергаться всѣ прочія красоты? Мнѣ кажется лучше въ хорошемъ стихѣ *мя*, нежели въ худомъ *меня*.

ли, кидается на него съ кинжаломъ, и дочь его, Моина, говоритъ ему:

Что дѣлаешь, отецъ (*)?

При семъ полуистишіи онъ тотчасъ убиваетъ ее и самаго себя. Моина пораженная въ грудь кинжаломъ, произноситъ слѣдующія слова:

(*) Остановимся на семъ выраженіи. Оно такъ странно, что не льзя пропустить его безъ замѣчанія. Никогда не можетъ языку нашему быть свойственно, чтобъ сынъ или дочь, говоря съ отцемъ своимъ или матерью, называли ихъ: *Отецъ*! *мать!* причиною тому, что мы для возвышеннаго слога имѣемъ и возвышенныя слова: *Родитель мой*, *Отче мой*. Ильмена въ одномъ мѣстѣ говоритъ отцу:

Противна ли была родительской я волѣ?

и въ другомъ:

Я скоро, отче мой, отъ нихъ свободна стану.

Весьма бы странно было естьлибъ она въ первомъ изъ сихъ стиховъ сказала:

Противна ли была твоей, отецъ, я волѣ?

И во второмъ:

Я скоро, мой отецъ, отъ нихъ свободна стану?

Подобныя выраженія въ нашемъ языкѣ (да я думаю и во всякомъ, на примѣръ во Французскомъ: que fais tu, pere? или въ Нѣмецкомъ: Was machst du Vater? Показываютъ неучтивость и неуваженіе къ родителямъ. У насъ, не только въ возвышенномъ слогѣ, но даже и въ простыхъ разговорахъ, сынъ вмѣсто: здравствуйте батюшка или матушка не скажетъ отцу: *здравствуй отецъ*! или матери: *здравствуй мать*! самые крестьянскіе дѣти не говорятъ иначе отцамъ, какъ *бачка* (испорченное батюшка). Итакъ таковыя выраженія не токмо въ трагедію, но и ни въ какія сочиненія вводить не должно; ибо онѣ дѣлаютъ языкъ неблагороднымъ и ненравственнымъ.

Постой Фингалъ! остановись народъ!

Во первыхъ отъ чего она останавливаетъ ихъ? развѣ отъ того, чтобъ они не воспрепятствовали отцу ея совершить убійство надъ нею и надъ собою? Но за чѣмъ отъ сего останавливать, и притомъ же убійство уже совершено. Во вторыхъ, какъ могла она послѣ нанесеннаго ей смертельнаго удара, вмѣсто обыкновеннаго въ такомъ случаѣ крика или тяжелаго вздоха, воззвать съ неестественною твердостію къ Фингалу и народу, что она хочетъ произнесть предъ ними рѣчь; и въ чемъ же рѣчь сія состояла? Въ томъ, чтобъ худымъ и неяснымъ стихомъ сказать народу то, что онъ и безъ нее знаетъ:

Мой горестный отецъ самъ нынѣ гнѣва жертва.

И другимъ стихомъ Фингалу о радостномъ восторгѣ, какой въ подобномъ случаѣ не сроденъ и невѣроятенъ:

О радость! за тебя я упадаю мертва.

Послѣ сихъ двухъ стиховъ она умираетъ. Фингалъ, лишась ее, изъявляетъ грусть свою слѣдующими стихами:

Моины нѣтъ! увы! я съ нею все теряю.
О злополучіе! о горестный ударъ!
И я живу еще?...И жизнь, Моины даръ!
Сей злополучный даръ виной ея кончины!

И я живу еще? Жить долженъ безъ Моины!
И всякій день въ мечтахъ ее я буду звать!
И будетъ всякій день мнѣ сердце отвѣчать,
Что я лишенъ ее остался на мученье.

Можетъ ли сія Элегія, сіи стихи, составленные изъ однихъ холодныхъ вопросовъ и восклицаній, равняться съ горестными и отчаянными рвеніями Синава? Гдѣ видны въ нихъ истинныя, прямыя чувства раздираемаго печалію сердца? И что еще? стихи сіи, къ дополненію вящей холодности, или лучше сказать странности своей, оканчиваются слѣдующимъ вопросомъ:

Мнѣ *жить ли*, чтобъ судьба прервала дней мученье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустны дни?
Прерву....(вынимаетъ мечъ и хочетъ заколоться).

Кому дѣлаетъ онъ сей вопросъ: себѣ или зрителямъ? то и другое худо; ибо похоже на то, какъ бы онъ съ равнодушіемъ спрашивалъ: какъ вы думаете, жить ли мнѣ, покуда умру, или умереть теперь? За симъ ни малѣйшей страсти, не только отчаянія не показывающимъ вопросомъ, слѣдуетъ такое же холодное слово: *прерву...*, которое, какъ само собою, такъ и при холодности предъидущихъ стиховъ, становится болѣе смѣшно, нежели жалко. Въ сіе время Улинъ вырываетъ у него мечъ и говоритъ ему:

(Фингалъ! тебѣ ль принадлежать они?
Ты Царь, съ народами священнымъ узломъ связанъ,
Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранить обязанъ.
Разсудка, должности днесь гласу ты внемли.

Чтожъ на это отвѣчаетъ ему Фингалъ? Вотъ что:

Увы! жестокій долгъ!

Такъ по этому онъ тотчасъ и соглашается? Не много же надобно было употребить словъ, чтобъ вывесть его изъ отчаянія. Но чтожъ далѣе говоритъ онъ Улину?

Мой другъ, изъ сей земли
Ты извлеки меня, изъ сей земли плачевной;

Такъ ли говоритъ отчаяніе? Не похоже ли это на то, какъ бы онъ сказалъ: *ты только увези меня отселѣ, а тамъ ужъ я утѣшусь.* Далѣе продолжаетъ онъ:

Но въ облегченіе моей тоски душевной,

Возьми ты сей предметъ. *(Указывая на тѣло Моины).*

Можетъ ли что, говоря о тѣлѣ своей любезной, быть хуже сего выраженія: *возми ты сей предметъ?* У мѣста ли здѣсь слово *предметъ?* послѣ сего остается только сказать: *возми ты эту вещь.* Но посмотримъ еще, за чѣмъ онъ велитъ его взять? За тѣмъ, продолжаетъ онъ:

Что бы я каждый день
Изъ гроба вызывалъ Моины легку тѣнь.

Симъ вызывающимъ *легкую тѣнь*, не Фингалу приличнымъ, но можетъ быть въ какую нибудь Идилію годнымъ стихомъ, оканчевается трагедія. Нѣтъ! прямо печальная душа не сочиняетъ, не выдумываетъ такихъ несообразныхъ съ природою тонкостей. Синавовъ простой крикъ: *жить больше не хочу*, гораздо свойственнѣе горести, и больше приводитъ въ сожалѣніе о немъ, нежели сіе притворное *вызываніе изъ гроба легкой тѣни.*

Синавъ при размышленіяхъ своихъ, чѣмъ можетъ онъ воздать брату, ежели онъ изъ дружбы къ нему перестанетъ любить Ильмену, прерывая самого себя восклицаетъ:

Ахъ нѣтъ! кто привлеченъ къ драгимъ ея очамъ,
Того ужѐ ничто не возвратитъ къ свободѣ:
Нѣтъ краше ничего ея во всей природѣ!

Въ другомъ мѣстѣ Труворъ, прощаяся съ Ильменою, говоритъ ей:

Оставшіе часы ужъ скоро пролетятъ:
Съ какою жалостью покину я сей градъ!
Тотъ градъ, гдѣ вся моя утѣха остается!...
Увы! изъ глазъ твоихъ источникъ слезъ ліется!
Ты плачешь обо мнѣ!—*Жалѣй* меня! жалѣй!

Вотъ это языкъ сердца, языкъ любви; но когда Фингалъ говоритъ Моинѣ:

Не столько звуки арфъ въ вечерній, тихій часъ,
Пріятны при зарѣ, сколь твой пріятенъ гласъ;

или:

Дыханіе твое, и легкій шумъ шаговъ
Какъ вешній вѣтерокъ, журчащій межъ листовъ;

(Пропустимъ, что вѣтерокъ не ручей, онъ никогда не журчитъ).

Или когда Моина говоритъ ему, что страсть къ такому, какъ онъ, герою, есть *души высокія отрада*; что она *гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему, призналась въ томъ отцу, всему народу, и всему тому, что въ отеческой странѣ имѣетъ чувствительность, и праху матери, которой въ гробѣ тлѣетъ, и словомъ всей природѣ*: то признаюсь, что въ сихъ Фингаловыхъ уподобленіяхъ голоса ея *арфамъ*, и шаговъ ея *журчащимъ вѣтеркамъ*, и въ сихъ Моининыхъ о страсти своей расказахъ всякому и всѣмъ, даже *тлѣющему праху* (то есть тлѣющему тлѣну), вижу я сочиняющаго Автора, но не вижу чувствъ любящаго сердца.

Въ разныхъ мѣстахъ сей трагедіи примѣчаются и другія многія небрежности, какъ на примѣръ: *была бы я безъ тревогъ*, *бѣгу на холмъ*, *сонмъ воевъ у чертогъ*, и тому подобныя; но я не исчисляю ихъ, и не для того сличилъ сіи двѣ трагедіи, чтобъ одного изъ сочинителей ихъ возвысить, а другаго уни-

чижитъ. Оба они имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Оба трудами своими заслуживаютъ нашу благодарность и уваженіе. Я готовъ столько же, сколько Сумарокова, хвалить Озерова тамъ, гдѣ онъ его превосходитъ, или съ нимъ равенъ; но не могу безъ всякой правды кричать, что до него трагедіи наши были *не иное что, какъ рабскія копіи*; что *Фингалъ, Димитрій, и проч., единственны въ своемъ родѣ*; что *поздніе питомцы трагической музы съ восторгомъ и удивленіемъ будутъ взирать на великіе сіи образцы*; что *до нихъ тайна трагедіи не была еще постигнута*; что *въ нихъ только услышали мы голосъ Мельпомены*; что *трагедія Фингалъ торжество Рускаго языка*, и пр., и пр. Жаль, естьли ко вреду словесности подобные безъ всякихъ доказательствъ крики находить будутъ много легковѣрныхъ читателей. Не могу также, имѣя Руское сердце, безъ крайняго сожалѣнія слышать, что будто новѣйшіе писатели наши *не найдя ничего путнаго прежде себя, сдѣлали въ преобразованіи языка Геркулесовскій подвигъ*. Оставимъ необдуманность сравненія Геркулесовой въ бранях палицы съ пишущимъ въ словесности перомъ, и спросимъ: что̀ значитъ здѣсь *преобразованіе языка?* Ибо у нынѣшнихъ господъ судей, называющихъ себя *просвѣщенными любителями словесности*, а другихъ *закоснѣлыми невѣждами*, часто приходится спра-

шивать: что такое разумѣютъ они подъ своими словами? Писатели отличные, ученые, знаменитые, обогащающіе произведеніями своими словесность, не иначе достигаютъ сего, какъ трудолюбивыми въ языкѣ своемъ упражненіями, научаясь изъ него узнавать и взвѣшивать значеніе и силу каждаго слова, каждаго выраженія его, дабы объясняться на немъ правильно, кратко, понятно, сильно, краснорѣчиво. Это не есть преобразовывать языкъ; Виргилій на Латинскомъ, Тассъ на Италіянскомъ языкахъ, написали превосходныя поэмы, но никто не называетъ ихъ преобразователями языковъ своихъ. Тожъ можемъ сказать и о нашихъ писателяхъ, Ломоносовѣ, Державинѣ, Херасковѣ и многихъ другихъ: они писали разныя сочиненія, въ которыхъ иной могъ индѣ преимуществовать, индѣ недостаточествовать передъ другимъ; но языкъ у нихъ одинъ и тотъже самый; даже не рѣдко случается, что сильнѣйшій изъ нихъ воображеніемъ уступаетъ въ чистотѣ и правильности языка слабѣйшему. Какъ же назвать ихъ *преобразователями* языка, и какая вышла бы смѣсь изъ того, ежели бъ сегоднишніе писатели стали преобразовывать языкъ вчерашнихъ, а завтрешніе сегоднишнихъ? Получили ль бы отъ того пользу науки и словесность? Въ чемъ же состоятъ *Геркулесовскіе подвиги* новѣйшихъ писателей? Еже-

ли сіе увѣреніе принять за такую же правду, съ какою трагедія Фингалъ названа *торжествомъ Рускаго языка и великимъ образцомъ* для всѣхъ писателей трагедій, то похвала сія далеко отъ того, чтобъ быть похвалою, скорѣе можетъ имѣть видъ насмѣшки. Я весьма уважаю таланты многихъ нынѣшнихъ писателей, и самое сіе уваженіе воспрещаетъ мнѣ называть ихъ *преобразователями языка*; ибо естьли сіе преобразованіе состоитъ въ томъ, какъ нѣкоторые думаютъ, и какъ во многихъ нынѣшнихъ сочиненіяхъ примѣчать можно, чтобъ слѣдуя такъ называемой *Романтической* поэзіи возноситься мечтательнымъ воображеніемъ выше разума и здраваго разсудка; или чтобъ по какой-то такъ называемой *сентиментальности* удаляться отъ чувствъ природы; или чтобъ для мнимой краткости, выкидывая изъ выраженій необходимо нужные глаголы, дѣлаться невразумительнымъ; или чтобъ въ размѣщеніи словъ слѣдовать не свойству своего, но свойству чуждаго не сроднаго съ нимъ языка; или чтобъ въ угожденіе слуху всякую легкость и гладкость состава словъ, какъ бы оный ни былъ безсмысленъ, предпочитать долженствующему господствовать въ немъ разуму; или чтобъ смѣшивать высокой слогъ съ простымъ и не наблюдать свойственнаго каждому изъ нихъ приличія; или чтобъ выводить изъ употребленія слож-

ныя, возвышенныя, увеличительныя и уменьшительныя слова, составляющія богатство нашего языка, и замѣнять ихъ, иногда чужеязычными, иногда переводными съ нихъ, иногда нововыдуманными безъ всякаго думанья словами; или означаемымъ существительными именами вещамъ давать не свойственныя имъ прилагательныя, и проч., и проч.; естьли, говорю, въ этомъ состоитъ преобразованіе языка, то названіе сіе справедливо; оно подлинно даетъ ему иной образъ, иной видъ, и въ семъ смыслѣ *Геркулесовскимъ подвигамъ* едва ли не скорѣе можно повѣрить, по тому что при чтеніи многихъ нынѣшнихъ книгъ сіи *подвиги* весьма не рѣдко встрѣчаются. Приведемъ изъ великаго числа ихъ хотя нѣсколько. На примѣръ, старые Писатели сказали бы: *въ этомъ городѣ, или странѣ, повсюду наблюдаются порядокъ и спокойствіе*, а нынѣшніе говорятъ: *все, что вы въ этомъ городѣ видите, носитъ на себѣ* (какъ будто какое платье) *отпечатокъ порядка и спокойствія*. Выраженіе сіе переведено съ Французскаго *Porter l'empreinte*. Обогатится ли языкъ нашъ, когда мы станемъ говорить на немъ, то по Французски, то по Нѣмецки, то по Английски? И что же перенимаемъ мы у нихъ? то, что̀ переведенное опять на ихъ языкъ (какъ на примѣръ: *porter l'empreinte d'un bon ordre*) было бы худо, а на нашемъ еще хуже, по причинѣ своей необыкновенности. Красо-

та языка не въ томъ состоитъ, чтобъ тамъ объясняться на немъ хитро придуманными уподобленіями, гдѣ простое выраженіе лучше и яснѣе. Послѣ словъ: *я вижу вездѣ порядокъ*, нѣтъ надобности толковать ихъ; онѣ сами по себѣ ясны; но послѣ словъ: *я вижу вездѣ отпечатокъ порядка*, или еще *отпечатокъ спокойствія*, надобно ломать голову, чтобъ добраться до смысла сей рѣчи. Первое, надобно *порядокъ* или *спокойствіе*, представить себѣ *печатью* (какое неестественное превращеніе одной вещи въ другую: *порядка* и даже *спокойствія* въ *печать!*), и второе, надлежитъ сдѣлать уподобленіе не меньше странное, что, какъ отъ печати, послѣ тисненія, остается на сургучѣ или воскѣ изображеніе, такъ, когда мы *порядокъ* или *спокойствіе* возмемъ за печать, и имъ, какъ бы печатью, тиснемъ, то отъ сего останется такое же изображеніе или отпечатокъ. Какое трудное и ни мало ненужное усиліе мыслей, дабы хитросплетеннымъ образомъ выразить самое простое понятіе о существованіи порядка!

Прежніе Писатели (*) никогда не употребляли слова *несчастливецъ*, а нынѣшніе весьма

(*) Подъ именемъ *прежнихъ Писателей* разумѣю я тѣхъ, которые изъ самаго языка учились, какъ лучше на немъ писать, и отнюдь не думали, чтобъ, не зная его, можно было преобразовать оный вмѣшиваніемъ въ него чуждыхъ и несвойственныхъ ему новизнъ.

многіе употребляютъ оное. Посмотримъ, кто изъ нихъ правъ. Въ прилагательныхъ именахъ окончаніе *ый* перемѣняется на *ецъ*, когда хотимъ кого либо похулить или похвалить больше обыкновеннаго. На примѣръ, когда къ именамъ, означающимъ пороки, таковымъ, какъ *скупый*, *лукавый*, *наглый*, *гордый*, и проч., хотимъ присовокупить еще болѣе хулы или презрѣнія, тогда, превращая ихъ въ усѣченныя, говоримъ: *скупецъ! лукавецъ! наглецъ! гордецъ!* и проч., (подразумѣвая всегда подъ симъ слово *какой*). Тожъ и въ именахъ, означающихъ добрыя качества, увеличивая похвалу, вмѣсто *умный*, *красивый*, *дѣловый*, *молодый*, говоримъ: *умница! красавецъ! дѣлецъ! молодецъ!* и проч., Языкъ нашъ, богатый сими отличіями, выражаетъ сіе и другими окончаніями, увеличивающими, или уменшающими одно и тоже понятіе, какъ на примѣръ: *весельчакъ*, *смѣльчакъ* (вмѣсто *веселый*, *смѣлый;*), *гуляка* (вмѣсто любящій гулять), *зѣвака* (вмѣсто отъ частаго зѣванія ничего не примѣчающій), и проч. и проч.; или *плутишко*, *воришко* (вмѣсто весьма бранчивыхъ *плутъ*, *воръ*). Потомужъ самому свойству языка, когда я прилагательное *щастливый*, или усѣченное *щастливъ*, превращаю въ *щастливецъ*, то говорю о семъ человѣкѣ, какъ бы завидуя ему, или почитая судьбу его излишно къ нему благосклонною; но могу ли я тужъ самую мысль имѣть о нещастномъ? а естьли не

могу, то какимъ же образомъ называю его *нещастливцемъ?* Что будетъ съ языкомъ и разумомъ нашимъ, когда мы, вмѣсто: какой молодецъ! какой смѣльчакъ! какой плутишко! станемъ говорить: какой немолодецъ! какой не смѣльчакъ! какой неплутишко! Признаться должно, что старые Писатели отъ того не выдумывали такихъ новостей, что больше упражнялись и лучше насъ знали языкъ свой.

Прежніе Писатели не знали слова *Геній*, но за то никого и не жа́ловали въ сей знаменитый Парнасскій чинъ. Нынѣ принято оно въ смыслѣ природной остроты превосходнаго ума; но по злоупотребленію дается иногда весьма посредственнымъ и даже худымъ Писателямъ. Въ раздаваніи сего почетнаго названія участвуютъ больше или дружескія связи, или неопытная легковѣрность. Кто воспретитъ одному называть симъ именемъ другаго, подобнаго себѣ? Лагарпъ, исчисляя многихъ, названныхъ *Геніями*, проситъ увольненія стоять съ ними въ одномъ спискѣ. У насъ вошло оно въ такое употребленіе, что скоро и между четвероногими будутъ *Геніи.* Мы даже спрягаемъ сіе слово: *я имѣю Генія, ты имѣешь Генія*, и проч. кто не умѣетъ слова сего употреблять Грамматически, кого тотъ не пожалуетъ въ *Геніи?* а пожаловавъ и разсердясь на него для чего послѣ не разжаловать?

Прежніе писатели, не отступая отъ здраваго разсудка, тамъ возвышались, гдѣ возвышенность мысли того требовала; никогда не искали они простую рѣчь или выраженіе облекать въ недосязаемую разумомъ хитросплетенность. Ежели на примѣръ, надобно было сказать: *она улыбнулась*, то не говорили:

Съ устенъ ея, какъ лучь, улыбка сорвалась,
Ибо разсуждали, что уподоблять *улыбку*, какъ бы прикованному къ губамъ *лучу*, которой какъ будто съ цѣпи, покушается съ нихъ *сорваться*, есть нѣкая странная, противная здравому смыслу, игра воображенія.

Или, ища кудрявыхъ выраженій, не писали они: „Исторія сего народа всегда одинакова и какъ бы соединена въ одну *точку*, „*которая простирается* на нѣсколько столѣтій;“ ибо справедливо думали, что *точка простираться* не можетъ.

Или: (*)

Красивый выходецъ кипящихъ табуновъ.

(*) Я чувствую, что эти *или* возбудятъ на меня негодованіе тѣхъ, которые въ выпискахъ моихъ узнаютъ свои стихи или прозу; но гнѣвъ ихъ будетъ несправедливъ, первое потому, что я, оговаривая нѣкоторыя ихъ выраженія, отнюдь не отрицаю чрезъ то всѣхъ ихъ достоинствъ; и второе потому, что всякой, кто разсудителенъ и любитъ

Ибо знали 1-е что слово *кипящіе* есть нѣкое натянутое прилагательное къ слову *табуны*; и 2-е, что слово *выходецъ* требуетъ вопроса *откуду* или *изъ чего?* и потому языку нашему несвойственно вмѣсто *выходецъ изъ табуновъ* говорить *выходецъ табуновъ*, точно также какъ вмѣсто выходецъ изъ Москвы, или выродокъ изъ людей, или выписка изъ книги, несвойственно говорить: *выходецъ Москвы, выродокъ людей, выписка книги.* Стихи не одного благозвучнаго сборища словъ, но вмѣстѣ и разума требуютъ.

Или:

И воды тусклыя, подъ пеленой тумановъ,
Дремали мертвымъ сномъ въ безмолвныхъ берегахъ,

Прежніе писатели и читатели похвалили бы первый изъ сихъ стиховъ, но о второмъ стали бы такимъ образомъ разсуждать: 1-е *дремота* есть самый легкій сонъ, или лучше сказать, только позывъ на оный, и потому несродно *дремать мертвымъ сномъ*;

языкъ свой, тотъ презираетъ брани, но не огорчается доказательствами; ибо ежели они справедливы, то безразсудно, предпочитая самолюбіе свое общей пользѣ, на нихъ сердиться, а ежели несправедливы, то больше, нежели намъ, служатъ хулою тому, кто ихъ пишетъ.

2-е, берега по различному составу своему могутъ быть пологіе, крутые, песчаные, каменистые и проч., но кажется называть ихъ *безмолвными* или *длинными* нѣтъ большой красоты, потому что имъ несродно быть *говорящими* или *короткими*. Не помню гдѣ-то сказано о ручейкѣ:

Журчалъ и нѣжился въ пологихъ берегахъ;

Вотъ здѣсь прилагательное въ *пологихъ* и глаголъ *нѣжился* весьма приличны и нужны, не только для плавности стиха, но и для красоты мыслей; ибо ручей въ крутыхъ берегахъ былъ бы стѣсненъ и не могъ *нѣжиться*. Подобное предусмотрѣніе приличія словъ нравится уму; но ставить ихъ какъ нибудь для одного наполненія стиха и подобранія льстящихъ слуху звуковъ, или выискивать несвязныя непосредственно съ вещію, самыя отдаленнѣйшія подобія, не можетъ никогда быть достоинствомъ и красотою стихотворства.

Прежніе писатели прочитавъ стихи:

И думу первую и первый вздохъ зажёгъ,
Въ побѣдѣ чистыя любви пріявъ залогъ,

Сказали бы: мы употребляли глаголъ *зажечь*, говоря о вещахъ, имѣющихъ тѣло: *зажечь свѣчку, зажечь дрова*, и проч. Но когда надлежало говорить о предметахъ умственныхъ, о страстяхъ, въ которыхъ предполагается

нѣкоторый огонь или пылкость, тогда находили приличнѣе, вмѣсто *зажечь*, говорить: *воспламенить* гнѣвъ, любовь, ярость, и проч. О вещахъ же, таковыхъ какъ *дума* или *вздохъ* (ибо и сей послѣдній не всегда любовію, но иногда печалію или болѣзнію изъ души нашей исторгается), не говорили мы ни *зажечь*, ни *воспламенить*. Чтожъ принадлежитъ до слова (не *зажегъ* и не *зажогъ*), но *зажёгъ*, то они, вѣрно, спросили бы: что такое значитъ у васъ, что вы надъ буквою *е* ставите двѣ точки? Кто васъ такой премудрости научилъ? и ежели бы увѣдомить ихъ, что это дѣлается для того, дабы произносить букву сію какъ *іо*; то они сказали бы: да этова отъ начала языка никогда въ книгахъ нашихъ не бывало. У насъ одни только безграмотные мужики вмѣсто *онъ* и *она* произносили *іонъ*, *іона*; да и тѣ, хотя и портили слово *жена* въ *жона*, однакожъ никогда, ломая языкъ, не говорили *жіона*. Не ужъ ли вы сіе низкое и не свойственное благородному слогу произношеніе вводите въ ваши книги? И когда бы имъ сказать еще, что оно вводится не только въ пишущіяся простымъ слогомъ книги, но даже въ поэмы; что и въ нихъ, для подобранія рифмы къ слову *онъ*, пишутъ: извлекъ мечь изъ *ножіонъ*, и тому подобное; то иные изъ нихъ захохотали бы громко, а другіе, покачавъ головою, съ сожалѣніемъ сказали бы: бѣдной

Русской языкъ, до какой степени тебя искажаютъ! Не ужъ ли дойдетъ до того, что къ словамъ, напримѣръ, *полъ* или *звонъ*, станутъ прибирать въ рифму не *щелъ*, но *шолъ*; не *тленъ*, но *тлонъ*; или вмѣсто *веселъ*, *силенъ*, *знатенъ*, станутъ писать: *весёлъ*, *силёнъ*, *знатёнъ*, и проч.?

Прежніе Писатели, по прочтеніи, напримѣръ, стиховъ, изображающихъ радостныя чувства пастуха, которому пастушка назначила часъ свиданія.

Пошелъ: душа его давно того желала.
Какая мысль его къ Клименѣ провожала?
Играло все тогда въ Дамоновыхъ глазахъ,
Прекраснѣе цвѣты казались на лугахъ,
Журчащія струи быстрѣе протекали,
Въ свирѣли пастухи согласнѣе играли,
Казалося сочнѣй и зеленѣй трава,
Прямѣе древеса и мягче мурава.

сказали бы: чтожъ? тутъ ничего нѣтъ перехитреннаго, неестественнаго, невразумительнаго; конечно, въ глазахъ человѣка, чувствующаго великую радость, вся природа кажется пріятнѣе, красивѣе. Но естьли бы они прочитали подобное же двухъ любящихся увеселеніе во время катанья на саняхъ:

Кто можетъ выразить щастливцевъ упоенье?
Какъ вьюга легкая ихъ окриленный бѣгъ,
Браздами ровными разрѣзываетъ снѣгъ,
И яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвая,
Сребристой пылію окидываетъ ихъ.
Стѣснилось время имъ въ одинъ крылатый мигъ,
По жизни такъ скользитъ горячность молодая.

то сказали бы: нѣтъ! мы не могли такъ писать: это для простыхъ умовъ нашихъ было бы чрезмѣру кудревато, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, слишкомъ разборчивый изъ насъ усумнился бы сказать *бѣгъ щастливцовъ*, опасаясь, чтобъ строгіе наблюдатели Грамматическихъ правилъ не сказали: слово *бѣгъ* относится къ лошадямъ, стало быть они названы щастливцами; 2-е, слово *вьюга*, равно какъ и подобное же ему *вихрь*, происходятъ отъ глагола *вью*, и слѣдовательно означаетъ силу вѣтра *вьющуюся*, вертящуюся кругами. По сей причинѣ конскій бѣгъ не можетъ быть уподобляемъ ей ни движеніемъ своимъ (прямымъ), ни разрѣзываніемъ снѣга; ибо она никогда его не *разрѣзываетъ*, но напротивъ всякіе на немъ слѣды заметаетъ, и потому иначе называется *мятелицею*. Притомъ же прилагательное *легкая* ни къ ней, ни къ вихрю, нейдетъ; ибо дѣйствіе сего верченія не можетъ быть малою силою производимо. 3-е мы не смѣли вводить въ сочиненія наши такихъ *перецтонченныхъ* мыслей, каковы суть: *стѣснить время въ одинъ крылатый мигъ*, или: *молодая горячность скользитъ по жизни*, и тому подобныхъ. Намъ никогда не пришло бы въ голову катанье на саняхъ уподобить катанью *молодой горячности по жизни*.

Прежніе Писатели прочитавъ стихи:

Природа блѣдная, съ унылостью въ чертахъ,
Поражена была томленіемъ кончины,

сказали бы: сіи выраженія также не довольно обдуманы. Мы бы лучше природу назвали просто унылою, нежели *съ унылостью въ чертахъ*. Мы глаголъ *поразить* употребляли къ изъявленію такихъ только бѣдственныхъ приключеній, которыя вдругъ и незапно къ намъ приходятъ: пораженъ напастію, горестію, злополучіемъ; но о болѣзняхъ, а особливо о *томленіи*, которое есть уже послѣдствіе болѣзни или труда, никогда не говорили; *пораженъ горячкою, пораженъ томленіемъ кончины*.

Прежніе Писатели не выпускали изъ рѣчи нужныхъ словъ, безъ которыхъ она становится неимѣющею никакаго смысла. Они прочитавъ стихи:

Перводержавную
Русь православную
Боже храни!
Царство ей стройное
Въ силѣ спокойное!
Всежъ недостойное
Прочь отжени!

Сказали бы: прекрасные стихи! но для чего вмѣсто:

Царство ей стройное
Въ силѣ спокойное!

Не сказать:

Царство ей стройное
Даруй спокойное?

Тогда бы смыслъ былъ ясенъ. Изъ какихъ Грамматикъ и Риторикъ или классическихъ нашихъ и чужеземныхъ Писателей, почерпнуто сіе никакому языку несродное, многими нынѣ перенимаемое правило, чтобъ выпуская изъ рѣчи необходимо нужные глаголы предпочитать ясности невразумительность? Плутархъ справедливо сказалъ: „рѣчь безъ глагола не есть рѣчь, но мычаніе." Есть ли сіи нововведенія основываются на томъ, что нѣкоторыя въ языкѣ нашемъ вводныя въ рѣчь сокращенія сохраняютъ иногда и съ выпускомъ глагола ясность свою; такъ, на примѣръ, вмѣсто: *покойникъ, дай Богъ ему царство небесное, былъ доброй человѣкъ*, можемъ выпустя слова *дай Богъ*, безъ всякой темноты смысла сказать: *покойникъ, царство ему небесное, былъ доброй человѣкъ;* то однакожъ не льзя принять сего за общее во всякомъ случаѣ правило. Въ слѣдующей рѣчи: *сохрани Боже Россію, царство ей стройное, всякое же злополучіе отними*, совсѣмъ не будетъ той ясности. Выпуски сіи не затмѣваютъ смысла, когда вторая часть рѣчи относится къ тому же глаголу, какой употребленъ въ первой, на примѣръ: *то ходитъ онъ по горамъ, то по долинамъ.* Здѣсь нѣтъ нужды повторять глагола *ходитъ;* но дѣлать сіи выпуски тогда, когда для второй половины рѣчи потребенъ иной глаголъ, какъ на примѣръ вмѣсто стиховъ:

То взводитъ онъ его на гору
То ходитъ съ нимъ среди долинъ.

Говоритъ:

То взводитъ онъ его на гору
То съ нимъ среди долинъ —

Не можетъ ни на какомъ языкѣ быть согласно съ разумомъ; ибо къ концу сей рѣчи: *то съ нимъ среди долинъ*, не льзя приставить глагола первой рѣчи *взводитъ*, и можно множество прибрать разныхъ другихъ: бродитъ, играетъ, рѣзвится, скачетъ, пляшетъ, и проч. Чтожъ за удовольствіе читателю угадывать, какое изъ сихъ словъ сочинитель сказать хотѣлъ и не сказалъ? хотя во всякомъ языкѣ бываютъ сокращенія или поговорки, не подвергающіяся строгости Грамматическихъ правилъ, но онѣ навыкомъ такъ утверждены, что, имѣя свою особенную и постоянную опредѣленность, для всѣхъ вразумительны и ясны. Мы, на примѣръ, можемъ полную рѣчь: *Богъ да поможетъ тебѣ*, сказать и трудящемуся въ полѣ земледѣльцу и лежащему на одрѣ больному; но сокращая тужъ самую рѣчь въ выраженіе *Богъ помочь!* можемъ это сказать только земледѣльцу, а не больному. Дѣлать изъ сихъ частныхъ свойствъ общія правила, ставя вмѣсто словъ такъ называемыя *тире* (черточки) есть не исправлять но портить языкъ.

Прежніе Писатели не знали сихъ *тире*, или такъ мало ихъ употребляли, что про-

читавъ нѣсколько томовъ Гомера, Виргилія, Тасса, Аріоста, Мильтона, Клопштока, Расина, Ломоносова и проч. мы почти не находимъ ихъ нигдѣ. Нынѣ вошли онѣ въ такое употребленіе, что на каждой страницѣ видимъ ихъ по нѣскольку. Сіе, не льзя сказать новѣйшее, но только нынѣ до безконечности расплодившееся изобрѣтеніе строчныхъ знаковъ или препинаній, можетъ иногда быть нужно, но надобно умѣть, гдѣ ихъ ставить; а безъ того могутъ они больше запутывать и ослаблять, нежели пояснять и усиливать смыслъ. Я читаю стихи написанные слѣдующимъ образомъ:

Люби гласъ истинны свободной,
Для пользы общества люби,
И рабства духъ неблагородной —
Неправосудье истреби.

Безъ черточки я бы прочиталъ:

И рабства духъ неблагородной
Неправосудье истреби;

А съ черточкою, означающею препинаніе или прерывъ смысла, по неволѣ прочитаю:

Для пользы общества люби
И рабства духъ неблагородной,

Отъ чего и выйдутъ двѣ совершенно противныя одна другой мысли. Также въ нѣкоторой книгѣ нахожу написанную слѣдующимъ образомъ прозу: „Итакъ вотъ причина, почему люди, неспособные къ сему убѣжденію, почитающіе мечтою—привязанности

душевныя и буйствомъ—прекраснѣйшіе подвиги, взирающіе съ соболѣзнованіемъ на вображеніе и нѣжность чувствованій, и проч." Естьли строки сіи читать, какъ должно, по разстановкѣ строчныхъ знаковъ, то выходитъ такая нескладица мыслей, въ которой не льзя ничего разобрать что къ чему относится. Тутъ прочитаешь, что *подвиги взираютъ съ соболѣзнованіемъ*, и тому подобное. Но выкинемъ черточки и разставимъ тѣжъ самыя слова иначе, тогда, худъ ли хорошъ ли, будетъ въ нихъ смыслъ довольно ясный, а именно:

„И такъ вотъ причина, почему люди, не способные къ сему убѣжденію, почитающіе душевныя привязанности мечтою, прекраснѣйшіе подвиги буйствомъ, и взирающіе съ соболѣзнованіемъ на воображеніе и нѣжность чувствованій, и проч."

Прежніе Писатели, сообразжаясь съ свойствомъ вещей, старались существительнымъ именамъ ихъ давать, приличныя прилагательныя. Они рѣку, напримѣръ, называли быстрою, глубокою, мѣлкою, и проч., но никогда *краснорѣчивою*; ибо она не ораторка. Садъ называли они или цвѣтущимъ или увядающимъ, но никогда *онѣмѣвшимъ*, ибо когда ему несвойственно говорить, то и нѣму быть тоже. Могилу называли они мрачною, хладною, но никогда *пыльною*, и разсмѣялись

бы такому странному для ней прилагательному.

Прежде называли нѣкоторыхъ птицъ *перелетными*, потому что онѣ весною и осенью перелетаютъ изъ южныхъ странъ въ сѣверныя и обратно; а нынѣ даютъ сіе прилагательное *вѣтркамъ*, словно какъ бы и они тожъ самое дѣлали. Мы не находимъ въ прежнихъ сочиненіяхъ ни *скромныхъ каменьевъ*, ни *душистой тѣни*, потому что каменья никогда не бываютъ болтливыми, а тѣнь не имѣетъ никакаго *духа* или запаха. Не находимъ также и *всемертвящаго льда*, потому что онъ никого не мертвитъ, и скорѣе самъ въ иносказательномъ смыслѣ можетъ названъ быть умерщвленною водою. Ежели бы спросить у прежнихъ Писателей! называли ль вы лѣсъ, гору, или тому подобное, *родными?* Нѣтъ, сказали бы они, мы называли симъ именемъ отца, мать, братьевъ, и проч., или что нибудь важное, напримѣръ, страну (вмѣсто отечество), какъ нѣкто сказалъ,

Въ странѣ моей родной,
Журналовъ тысячи, а книги ни одной.

Ежели бы спросить у нихъ: а говорили ль вы: *святой полдень*, *святыя травы*, и тому подобное? Нѣтъ, отвѣчали бы они, мы при употребленіи сего имени наблюдали приличіе вещей.

Ежели бы спросить у нихъ: а писали ль вы такія выраженія, какъ напримѣръ: *дозваться отвѣта бытія*, или *воздвигся въ силѣ крѣпости своей*, или *Барды пѣнія*, и пр. и пр.? Нѣтъ сказали бы они, мы не располагали языка своего по чужимъ языкамъ, не залетали разумомъ выше ума, не почитали за прекрасную выдумку земледѣльцевъ называть: *мужики пахáнія*, пономарей: *люди звоненія*. Нѣтъ! мы подобныхъ новостей въ языкъ свой не вводили.

Ежели бы спросить у нихъ: а гонялись ли вы, перенимая другъ у друга, за нѣкоторыми словечками, таковыми, напримѣръ, какъ: *этотъ*, *вотъ*, *порой*, *баловень*, и проч., подхватывая ихъ наперерывъ и употребляя кстатѣ и не кстатѣ во всякихъ стихахъ? Нѣтъ, сказали бы они, мы не думали, чтобъ правила краснорѣчія и стихотворства заключались въ подобныхъ переимчивостяхъ, и не только въ словесности, но даже и въ простыхъ разговорахъ ихъ оговаривали. Въ Москвѣ вошло нѣкогда въ великой обычай называть другъ друга *голубчикомъ*; нѣкто написалъ оттуда своему пріятелю: *здѣсь нѣтъ людей, все голуби*.

Ежели бы у нихъ спросить: а говорили ль вы по вашей грамматикѣ: *я видѣлъ его играть*, или *сынъ мой дѣлаетъ зубы* (вмѣсто они у него растутъ), или актрисы ваши вмѣсто: *я* вчера играла или представляла

лице Дидонино, говорили ль: *я вчера дѣлала Дидону?* они бы съ нетерпѣливостію отвѣчали: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! любя языкъ свой мы не хотимъ болѣе слушать такихъ вопросовъ.

Я бы не кончилъ, и можетъ быть составилъ бы нѣсколько томовъ, естьлибъ далъ себѣ трудъ выписывать изъ книгъ всѣ тѣ нововведенія, которыми преобразователи языка наполняютъ свои сочиненія, и хотя опять повторю, что я отнюдь не отрицаю природнаго дарованія, блистающаго во многихъ нынѣшнихъ Писателяхъ и Стихотворцахъ; но между тѣмъ не льзя и того отрицать, чтобъ прекрасный и богатый языкъ нашъ отчасу болѣе не искажался безпрестанно вносимыми въ него чуждыми и несвойственными ему рѣченіями и оборотами. Издатель Италіянскихъ классическихъ Писателей, Г. Рубби, говоритъ въ одномъ изъ своихъ предисловій: „gli autori che sono stimati maestri nel secolo non peccano nè in *neologismo straniero*, nè in *filosofismo enciclopedico*, nè in *confusione de generi*. Gli altri non sono che insetti litterarj.“ т. е. „Писатели сего вѣка, достойно прославляемые, не впадали ни въ *чужеземное новословіе*, ни въ *Философство Энциклопедическое*, ни въ *смѣшеніе родовъ*. Прочіе не иное что суть, какъ насѣкомые въ Словесности.“ Можетъ быть издавая нашихъ классиковъ сказалъ бы онъ нѣчто подобное же о тѣхъ преобразователяхъ нашей Словесности,

которые, презирая всѣ вѣковые труды своихъ предшественниковъ и учась Рускому языку у Шлегелей, Шиллеровъ, Радклифовъ, Валтеръ-Скотовъ, и проч. и проч., хотятъ, по высокому уваженію своему къ *Романтизму*, *Неологизму*, *Галлицизму*, и прочимъ *Измамъ*, передѣлывать его каждый по своему. Но правда сильна. Я думаю, когда мы возвратимся къ истинному познанію языка своего и къ разсудку болѣе здравому, то сіе наше отвращеніе отъ старобытнаго здравоумія, и сія зараза воспарятъ новымъ языкомъ выше разума, улетитъ отъ насъ *на мягкоперыхъ крыльяхъ перелетныхъ вѣтерковъ* туда, откуда незваная къ намъ прилетѣла. Я не поклонникъ старинѣ, но еще менше поклонникъ безразсуднымъ новизнамъ, и признаюсь, что не смотря на разность древнихъ писаній съ нынѣшними, люблю учиться у старыхъ людей, естьли не для заимствованія слога ихъ, то по крайней мѣрѣ для того, чтобъ не восхищаться новоязычнымъ пустомысліемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ НА ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ Рускомъ Вѣстникѣ (Часть I, стр. 94) читаемъ мы: *Замѣчанія на Лирическую Поэму Пожарской, Mининъ, Гермогенъ, сочиненную Княземъ Сергіемъ Шихматовымъ.*

Сіи замѣчанія имѣютъ то, не частое нынѣ достоинство, что писаны съ добрымъ намѣреніемъ, безъ всякаго пристрастія или желанія повредить сочинителю и сочиненію. Но сего недовольно; надлежитъ, чтобъ въ нихъ о красотахъ и погрѣшностяхъ сказано было основательно, ясно и соотвѣтственно правиламъ языка, краснорѣчія и стихотворства. Безъ того не могутъ онѣ быть полезны ни для сочинителя, ни для читателей. Отъ судіи не только требуется неумытность, но и здравое сужденіе. Въ семъ послѣднемъ случаѣ примѣчанія сіи кажутся не столь удовлетворительны, какъ бы того желалось. Для лучшаго въ томъ удостовѣренія приступимъ къ разбору оныхъ. Разсматриватель выписываетъ изъ вышесказанной Поэмы слѣдующіе стихи:

„. . . . . Гдѣ вои дерзновенны,
„Тебѣ послушны, Трубецкой?
„Враждой завистной вдохновенны
„Хранятъ постыднѣйшій покой.
„Стоятъ со *спящими* мечами,

„Хуленій изрыгаютъ ядъ;
„Паденіе Россіи чадъ,
„Увы! *сухими* зрятъ очами."

Въ сихъ стихахъ слова̀: *спящими*, *сухими*, напечатаны косыми буквами, вѣроятно по тому, что разсматриватель не находитъ ихъ прилично помѣщенными; ибо хотя онъ не сказалъ о семъ, однакожъ изъ послѣдующихъ его примѣчаній видно, что онъ всѣ напечатанныя косыми буквами выраженія оговариваетъ: слѣдовательно и здѣсь въ томъ же самомъ разумѣ отличилъ ихъ. Но сіе мнѣніе его не справедливо. Почему въ стихѣ: *стоятъ со спящими мечами*, выраженіе: *спящіе мечи*, кажется ему худо? Иносказаніе тогда не хорошо, когда заключающееся въ немъ уподобленіе или лживо, или такъ отдаленно отъ догадки, что умъ не скоро можетъ постигнуть оное. Но здѣсь ни котораго изъ сихъ двухъ обстоятельствъ не встрѣчается. *Мечь* не можетъ естественнымъ образомъ *спать*. Итакъ ясно, что здѣсь выраженіе *спящій*, имѣетъ иносказательный смыслъ. Въ иносказательномъ же смыслѣ прилагательное *спящій*, что иное значитъ можетъ, какъ не *праздный*, *бездѣйственный*, *въ покоѣ пребывающій?* Слѣдовательно, сіе иносказаніе для всякаго ясно, даже и для того, кто не знаетъ что̀ такое иносказаніе; а потому оно и не худо. Но сего еще мало: оно здѣсь прекрасно. Спросятъ по-

чему? Отвѣчаю вотъ по чему: отбросимъ иносказаніе и поставимъ здѣсь прямый смыслъ: *стоять съ праздными мечами.* Мы тотчасъ почувствуемъ слабость сего выраженія предъ силою прежняго: *стоять со спящими мечами!* Какія слова потребны здѣсь? Укорительныя, возбуждающія стыдъ въ воинахъ, которые въ то самое время, когда надобно спасать отечество, стоятъ праздно. Которая же укоризна колче? Сія ли: *вы ничего не дѣлаете, мечи ваши лежатъ безъ употребленія;* или сія: *вы спите, мечи ваши спятъ?* У Хераскова въ Россіядѣ сказано: *ты спишь, о слабый царь!* Еслибъ вмѣсто: *ты спишь,* поставить: *ты пребываешь въ праздности,* такъ бы это было испортить стихъ и вмѣсто силы употребить вялость.

Также и въ сихъ стихахъ: *паденіе Россіи чадъ, увы! сухими зрятъ очами,* разсматриватель напрасно охуждаетъ прилагательное *сухими.* Оно составляетъ прекрасное иносказаніе. Подъ словами: *сухія очи,* тотчасъ воображаются *очи безъ слезъ.* Иносказаніе сіе такъ ясно, что оно столько же и другимъ языкамъ свойственно, какъ нашему. Горацій въ 3 Одѣ первой книги, сказалъ:

Quem mortis timuit gradum,
Qui *siccis oculis* monstra natantia,
Qui vidit mare turgidum et
Infames scopulos Acroceraunia?

т. е.

„Коего рода смерти убоится тотъ, кто „*сухими очами* видитъ плавающія чудовища, „надменное море, и срамныя (частыми кораблекрушеніями) скалы Акроцеравнскія?“ — „Равнымъ образомъ и въ сихъ стихахъ:

„Сей мужъ отторгшійся себя
„*Святѣйшихъ* олтарей служитель,
„Грядущій въ трудный путь Христа.

Слово *святѣйшій* напрасно отличено косыми буквами. Оно для вящшаго уваженія лица часто вмѣсто положительнаго степени употребляется въ превосходномъ, какъ на примѣръ: *Святѣйшій Патріархъ*, *Святѣйшій Синодъ*, и проч.

Разсматриватель говоритъ: „въ началѣ „Поэмы сочинитель призываетъ любовь къ „отечеству и начинаетъ стихомъ: *ограда „царствъ не преборима*, есть вольность „стихотворческая; но она не извинительна „въ началѣ стихотворенія. Сей стихъ не „можетъ оправдаться и *Херасковымъ* сти„хомъ (*): *пою отъ варваровъ Россію свобожденну.*“

Подобныя замѣчанія могутъ назваться мѣлочными. Хотя слова: *непреоборимый*, *осво-*

(*) Свойства языка вездѣ замѣчать должно: лучше сказать *Хераскова* стихомъ, нежели *Херасковымъ* стихомъ.

божденный, нѣсколько поглаже словъ: *непреборимый*, *свобожденный*; однакожъ до такого степени стѣснять свободу стиховъ есть излишнее требованіе, и поставлять сего въ порокъ ни Хераскову, ни Шихматову не можно. Мы даже и въ прозѣ во многихъ мѣстахъ Священныхъ Писаній находимъ слово сіе такимъ же образомъ произносящееся: „познавъ же Тимоѳей пришествіе Іудино, посла жены и дѣти и прочая уготованія въ твердыню нарицаему Карнію: бѣ бо *непреборима*, и ко всходу не удобна ради тѣсноты всѣхъ мѣстъ.“ (Маккав. Кн. 2, гл. 12, ст. 21). Въ Прологѣ (Марта 13) въ Словѣ Іоанна Златоустаго, о томъ, сколь полезно есть мирное и согласное сожитіе, сказано: „ибо когда единомысліе, миръ и союзъ любви между мужемъ и женою есть, тамъ стекается всякое добро, и никакая напасть ихъ объять не можетъ: поелику великою нѣкоею и *непреборимою* стѣною суть ограждены, то есть отъ Бога узаконеннымъ согласіемъ.‘, Сочинитель Поэмы могъ бы удобно поставить не *оборима*, еслибъ онъ смотрѣлъ больше на гладкость, нежели на силу выраженія стиха.

„Вотще *тиранъ*, какъ *шумны рѣки*,
„Войной стремитъ на нихъ свой бѣгъ.“

Въ сихъ двухъ стихахъ разсматриватель означа косыми буквами слова: *тиранъ*,

шумны рѣки, ничего не сказалъ почему находитъ ихъ худыми. Можетъ быть онъ и правъ, но читателю не льзя угадать его мыслей.

„Но властолюбья сладкій ядъ
„Летитъ — дхновенье преисподней.

„Летѣть не свойственно яду; ядъ, отравы властолюбія разливаются.“

Мы увидимъ, что разсматриватель вообще не правъ, а здѣсь еще и больше; потому, что ядъ названъ здѣсь дхновеньемъ преисподней; а *дхновеніе* скорѣе летѣть, нежели *разливаться* можетъ. Онъ продолжаетъ:

„И потомъ: — *Сей сладкій ядъ летитъ*
„*Изъ* града въ градъ, изъ веси въ весь,
„*Поя* умы своей отравой,
„*Надъ* томной *Рускою державой*,
„Плодитъ *на ней* раздоръ и смѣсь.

„Въ сихъ стихахъ должны быть или „типографическія ошибки, или крайняя не„досмотрительность сочинителя. Поэтъ мо„жетъ оживотворить *раздоръ*, представить „бѣснующееся *властолюбіе*, можетъ силою „ихъ поколебать основанія царства и проч. „Но какъ *летящій ядъ, поя умы надъ томной* „*Рускою державой, плодитъ на ней раздоръ и* „*смѣсь?* Это все невразумительно.“

Здѣсь разсматриватель во многомъ не правъ. Во первыхъ, надлежитъ всегда иносказаніе отличать отъ прямаго смысла.

Чего не можно приписать вещи употребленной въ прямомъ смыслѣ, то можно приписать вещи употребленной въ иносказательномъ смыслѣ. Безъ сей свободы воображенія не будетъ ума, не будетъ стихотворства. Ежели мы подъ словомъ *ядъ* разумѣть будемъ одинъ только *мышьякъ*, то конечно мышьякъ летать не можетъ; но когда мы говоримъ *ядъ властолюбія*, то ясно, что слово *ядъ* пріемлемъ въ иносказательномъ смыслѣ, разумѣя подъ онымъ *нравственное зло*. Разсматриватель говоритъ, что зло сіе можетъ *разливаться*. Глаголъ *разливаться* имѣетъ прямый смыслъ, когда говорится о *водѣ* или иной какой *жидкости*; но говоря о *злѣ* или *ядѣ*, онъ также какъ и *летѣть*, есть иносказаніе: слѣдовательно какъ тотъ, такъ и другой, равно въ семъ случаѣ употребленъ быть можетъ; ибо *летѣть* есть не иное что, какъ въ великою скоростію простираться, разливаться, распространяться: *летитъ изъ града въ градъ, изъ веси въ весь*, есть тоже, что *съ великою скоростію распространяется по всѣмъ градамъ и селамъ*. Иносказанія сіи весьма общи: *мысли текутъ, умъ летаетъ, рабство ползаетъ*, и проч.

Во вторыхъ, разсматриватель превратя стихи сочинителя, имѣющіе смыслъ, въ свою прозу, не имѣющую смысла, говоритъ: „это не вразумительно.“ Вотъ его проза: *летящій ядъ, поя умы надъ темною Рускою державой,*

плодитъ на ней раздоръ и смѣсь. А прозѣ сей надлежало бы по смыслу стиховъ быть слѣдующей: *летящій ядъ надъ томной Рускою державой, поля умы, плодитъ на ней раздоръ и смѣсь.* Надобно хорошенько прочитать, прежде нежели станешь осуждать. Разсматриватель нашелъ въ сихъ стихахъ невразумительность, которой не бывало; нашелъ погрѣшность, которая не есть погрѣшность; а того, что́ бы замѣтить надлежало, не замѣтилъ. Мнѣ кажется вотъ какое бы слѣдовало сдѣлать замѣчаніе. Послѣ словъ: *летитъ изъ града въ градъ, изъ веси въ весь,* стихъ: *надъ томной Рускою державой,* есть нѣкое не нужное, или излишно сказанное обстоятельство; ибо извѣстно уже, что говорится о Руской державѣ. Сверхъ сего сей стихъ хотя не разрушаетъ, однако же смѣшиваетъ и затмѣваетъ смыслъ, для яснаго понятія котораго, надлежало бы ему стоять выше стиха: *поля умы своей отравой.* Также разсматриватель не замѣтилъ, что сочинитель употребилъ необыкновенное слово *смѣсь,* котораго знаменованіе онъ распространилъ; ибо беретъ его въ смыслѣ *неустройства, сумятицы* (confusion, Фр.). Я не охуждаю и не одобряю сего слова, но скажу только въ извиненіе сочинителя, что онъ конечно руководствовался въ томъ найденными имъ и можетъ быть достойными подражанія примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ, выключая слова *не-*

устройство, мы не имѣемъ другаго оному сослова, кромѣ простонароднаго *сумятица*; ибо *смятеніе* далеко отходитъ уже отъ сего понятія: и такъ, для изображенія безпорядка *хаоса*, слово *смѣсь*, кажется есть самое приличнѣйшее.

Разсматриватель продолжаетъ: „за пред-„шествовавшіе стихи Поэтъ *награждаетъ* (*) „читателя слѣдующими:

„Ея (т. е. Россіи) пустѣютъ грады сильны,
„Повсюду стонетъ звукъ цѣпей;
„И нивы жизнію обильны,
„Одѣлись въ смертный видъ полей."

Разсматриватель похваляетъ сіи стихи просто, не объясняя красоты ихъ; но между тѣмъ въ нихъ находятся точно такія же иносказанія, какія онъ прежде оговаривалъ; ибо *звуку цѣпей стонать*, *полямъ одѣваться въ видъ*, столькожъ не естественно, какъ *яду летать*. Иносказаніе: *нивы обильны жизнію* (вмѣсто плодами, питающими жизнь), еще и сихъ смѣлѣе, однакожъ оно не худо. — Далѣе:

„Вездѣ враговъ пируетъ месть."

Разсматриватель выставя сей стихъ одинъ, и сравнивая его съ стихами другаго писателя, говоритъ: „Россійской нашъ Ла-„фонтенъ удачнѣе употребилъ слово сіе въ „Пожарскомъ:

(*) Лучше бы *вознаграждаетъ*.

„Пируетъ смерть, и ужасъ мещетъ
„Во градъ, и въ долы, и лѣса."

Сравнивать надлежитъ или мысль съ мыслію, или выраженіе съ выраженіемъ. Здѣсь разсматриватель, покамѣстъ, разсуждаетъ объ одномъ только словѣ или выраженіи, а по тому и мы объ одномъ же только выраженіи говорить станемъ. Дѣло идетъ о томъ, въ которыхъ стихахъ выраженіе *пируетъ*, употреблено удачнѣе. Скажемъ сперва свое мнѣніе: *смерть* и *месть* въ семъ случаѣ одно и то же. Что дѣлаетъ смерть? Умерщвляетъ. Что дѣлаетъ месть? Терзаетъ и умерщвляетъ. Обѣ онѣ радуются множеству жертвъ; обѣ по одной и той же причинѣ пировать могутъ, месть какъ повелительница, смерть какъ исполнительница ея повелѣній: слѣдовательно, выраженіе *пируетъ*, въ обоихъ стихахъ есть точно одинакое; а ни что одинакое, или одно и то же, удачнѣе самого себя не бываетъ. Послушаемъ теперь доказательствъ разсматривателя. Онъ говоритъ:

„Здѣсь глаголъ *пируетъ*, относясь непо-
„средственно къ смерти, придаетъ силу и
„красоту описанію:"

Почему придаетъ силу и красоту описанію? Потому, что относится непосредственно къ смерти. Я не вижу въ этомъ ни какого доказательства. Сверхъ сего въ стихахъ Шихматова глаголъ пируетъ относится также непосредственно къ мести. Далѣе:

„*Смерть, пирующая* среди окровавлен„ныхъ полей, градовъ и лѣсовъ, есть рази„тельное изображеніе сопутницы войны, „раздора и убійства.“

Здѣсь разсматриватель входитъ уже въ сравненіе не одного токмо выраженія, но цѣлой мысли одного писателя съ мыслію другаго. Для сего надлежало бы взять полную мысль. Одинъ стихъ ее не показываетъ. Сочинитель поэмы Пожарскаго, изчисляя грабежи и убійства, нанесенные Россіянамъ отъ Вандаловъ, говоритъ:

На насъ почилъ небесный гнѣвъ,
На насъ разинулъ адъ свой зѣвъ,
И тысящи влекутся къ гробу:
Вездѣ враговъ пируетъ месть.

Теперь можемъ мы сравнивать одни стихи съ другими. Повторимъ слова разсматривателя: „*смерть, пирующая среди окровавленныхъ полей, градовъ и лѣсовъ, есть разительное изображеніе сопутницы войны, раздора и убійства.*“ Но развѣ *месть* не все тоже? Она также пируетъ посреди пролiянія крови, и также есть сопутница или вина войны, раздора и убійствъ. По чему же *пиршество мести*, влекущей ко гробу тысящи жертвъ, оставленныхъ разгнѣванным небомъ, и поглощаемыхъ адомъ, есть менше *разительное изображеніе*, нежели *пиршество смерти* среди окровавленныхъ градовъ и селъ?—Далѣе:

„*Пирующая месть враговъ* не такъ сча-
„стливо употреблено; *месть враговъ* отни-
„маетъ силу у сего слова."

Напротивъ, оно придаетъ ему силу. Прочитайте вышесказанные четыре стиха, выпустя слово *враговъ*, вы тотчасъ сіе почувствуете.—Далѣе:

„По мнѣнію Бюффона, слогъ требуетъ
„ума, вкуса, чувства, прибавимъ и величай-
„шей осторожности. То только выраженіе
„можетъ назваться счастливымъ, которое
„поставлено у мѣста."

Читатель легко примѣтитъ, что сія выписка изъ Бюффона и прибавленіе къ ней, послѣ разсмотрѣннаго нами сравненія, здѣсь конечно не у мѣста.—Разсматриватель продолжаетъ:

„На насъ разинулъ адъ свой зѣвъ."

„Сей стихъ напоминаетъ о стихахъ
„Ломоносова:

„Не адъ ли тяжки узы рветъ,
„И челюсти разинуть хочетъ?"

„Сравните: сколь трудно совмѣстниче-
„ство съ кистію Ломоносова!"

Вѣрю; но не въ семъ мѣстѣ. Здѣсь я не вижу ни какой разности. Шихматовъ говоритъ утвердительно: *на насъ разинулъ адъ свой зѣвъ*. Ломоносовъ говоритъ вопросительно: *не адъ ли тяжки узы рветъ, и челюсти ра-*

зинуть хочетъ? Перемѣнимъ вопросъ въ утверждение, и выпустимъ слова: *тяжки узы рветъ* Шихматову не надобныя, останется у Ломоносова: *адъ челюсти разинуть хочетъ*, у Шихматова: *адъ разинулъ зѣвъ свой.* Какая тутъ розница? Шихматовъ конечно еще не Ломоносовъ, однакожъ гдѣ онъ съ нимъ равенъ, тамъ равенъ. — Разсматриватель продолжаетъ:

„Всевышній посѣтилъ жезломъ„.
„И ранами твои развраты (т. е. Россіи).

„*Посѣтилъ жезломъ*: почерпнуто въ красотахъ Славянскаго нарѣчія и счастливо „употреблено. Славянское нарѣчіе въ непо„средственномъ родствѣ съ Русскимъ: по„томки не должны забывать предковъ сво„ихъ.“

Весьма справедливое разсужденіе. Умъ писателя не утвержденный на корнѣ языка своего, подобенъ древу, посажденному безъ корня въ землю. Сочинитель поэмы Пожарскаго не одну сію красоту почерпнулъ изъ Славенскаго языка, но многія, и почти всѣ употребилъ счастливо. Симъ обязанъ онъ прилѣжному въ языкѣ своемъ упражненію. Я бы могъ много показать тому примѣровъ, еслибъ не опасался распространиться далѣе предположеннаго мною намѣренія. Однако покажемъ хоть одинъ примѣръ въ доказательство, что сочинитель поэмы умѣлъ пользо-

ваться почерпнутыми изъ Славенскаго языка, не токмо красотами мыслей и выраженій, но даже словами, которыя, не бывъ къ стату поставлены, могли бы сдѣлать безобразіе. Онъ по описаніи страшныхъ золъ, претерпѣваемыхъ Россіею отъ непріятельскихъ нападеній, говоритъ:

Вездѣ враговъ пируетъ месть.
Во тьмѣ простерта смертной ночи
Россія къ небу взводитъ очи,
Зоветъ помощника — и нѣсть.

Сіе Славенское, въ нынѣшнемъ нарѣчіи почти во все не употребительное слово *нѣсть,* какъ хорошо окончеваетъ здѣсь стихъ! Попытаемся окончить его другимъ образомъ:

Зоветъ помощника — и нѣтъ.

Весьма худо; ибо показываетъ сомнѣніе, *хочетъ и не хочетъ, зоветъ и нѣтъ.* Окончаемъ иначе:

Зоветъ помощника — и нѣтъ его

Сіе мѣстоименіе *его*, какъ ослабляетъ стихъ! Ни одно изъ сихъ выраженій не имѣетъ той краткости, той ясности, той чистоты мысли, какую заключаетъ въ себѣ выраженіе:

Зоветъ помощника — и нѣсть.

Въ Библіи сказано: *Господь рече, да будетъ свѣтъ: и бысть.* Какое другое выраже-

ніе найдемъ мы, которое бы могло замѣнить силу и краткость глагола *быть?* Изъ сего единаго примѣра можемъ мы видѣть, что убѣгать отъ Славенскихъ словъ тамъ, гдѣ онѣ могутъ составлять хорошее понятіе и богатую мысль, есть не иное что, какъ неопытность и незнаніе языка своего. Но обратимся къ разсматривателю. Онъ продолжаетъ:

„Шумъ жизни оскудѣлъ въ конецъ,
„И *тишина* заснула *тише*.

„*Заснула тишина*: выраженіе сіе находится въ описаніи Фалконетова Купидона „(пѣсня XCII). Воображеніе соперника Пиндара и Горація повелѣло, и *тишина уснула!* „Восхищенное воображеніе читателя невольно останавливается. „*Тишина уснувшая тише,*“ „не то производитъ. Какъ внимательно должно вникать въ красоты великихъ и превосходныхъ образцовъ!“

Во первыхъ замѣтимъ, что въ подлинникѣ не сказано: и тишина *заснула* тише; а сказано: и тишина *легла* тише. Когда мы выписываемъ изъ кого, то обязаны выставлять его точныя слова, а не свои. Во вторыхъ, для сообщенія читателямъ нѣкоторой особенной мысли сочинителя, надлежало бы сказать, въ какомъ случаѣ онъ такъ думалъ. Здѣсь описывается сошествіе съ небесъ ангела, приносящаго Россіи радостную

вѣсть о прекращеніи золъ ея, и пророчество о предбудущемъ оной благоденствіи. По окончаніи словъ ангела сочинитель говоритъ:

Умолкъ:—но гласъ гремитъ отрадный,
И раздается внутрь сердецъ,
Природа слухъ вперяетъ жадный,
Шумъ жизни оскудѣлъ въ конецъ,
И тишина явилась тише.

Почти весь разумъ стиховъ сихъ основанъ на противоположностяхъ: „*умолкъ—но „гласъ гремитъ.*" Природа съ жадностію внимаетъ сему гласу, все простерло слухъ свой, престало дышать, и кажется сама тишина, разруша естественное положеніе свое, сдѣлалась еще тише. Сочинитель поступилъ въ семъ случаѣ довольно искусно: послѣднее полустишіе предыдущаго стиха: шумъ жизни *оскудѣлъ въ конецъ*, такъ сказать, вводитъ понятіе наше въ смыслъ послѣдующаго стиха: *и тишина явилась тише.* Бозспорно, что выраженіе сіе есть нѣкая хитрость ума, или игра воображенія, однакожъ мы часто подобныя сему выраженія употреблямъ, какъ на примѣръ: *превзойти самого себя, онъ весь око, менше нежели ничего,* и проч.

Впрочемъ разсматриватель словами: „во-„ображеніе соперника Пиндара и Горація по-„велѣло, и *тишина уснула!*" кажется не показываетъ, чтобъ онъ самъ собственнымъ разсудкомъ своимъ находилъ въ семъ выраженіи

великую ясность и красоту мысли; однако между тѣмъ говоритъ: *какъ внимательно должно вникать въ красоты великихъ и превосходныхъ образцовъ!*—Онъ продолжаетъ:

„Въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ есть пре„восходныя красоты, недостатки въ стихо„творствѣ и неправильныя выраженія. Спер„ва замѣтимъ послѣднее: старость *зарится* „радости лучемъ, вмѣсто *озаряется*."

Разсматриватель неосторожно находитъ здѣсь погрѣшность въ красотѣ, и несправедливо глаголъ *зарится* хочетъ замѣнить глаголомъ *озаряется*. Сочинитель въ семъ мѣстѣ описываетъ возбужденное рѣчью Минина рвеніе гражданъ, спѣшащихъ избавить отечество, и всеобщую разливающуюся при ополченіи ихъ радость. Выпишемъ всю сію строфу: она прекрасна:

Путемъ ко смерти утомленна,
Недуги отложивъ въ сей часъ,
Исходитъ старость обновленна,
И слыша ликованій гласъ,
Оружій животворны звуки,
Зарится радости лучемъ;
Безсильная владѣть мечемъ,
На небо *воздвигаетъ* 1) руки:
О Боже! словомъ устъ своихъ
Міровъ безчисленность создавый,
На подвигъ Россовъ сихъ призвавый,
Благослови стремленье ихъ!

---

1) Свойственнѣе *воздѣваетъ*; однако же и воздвигаетъ, возноситъ, не есть погрѣшность

Откуду глаголъ *зарится* заимствуетъ знаменованіе свое? Отъ слова *заря*, подобно какъ глаголъ *свѣтится* отъ слова *свѣтъ*. Какая есть существенная разность между глаголами *зарится* и *озаряется?* Точно такая же, какая между глаголами *свѣтится* и *освѣщается*. *Зарится* значитъ: *пускаетъ отъ себя лучи на подобіе зари; озаряется* значитъ: *освѣщается исходящими отъ зари лучами*. Что само собою *зарится*, то можетъ свѣтомъ своимъ *озарять* другую вещь. И такъ, *старость зарится лучемъ радости*, показываетъ, что веселіе, ощущаемое старымъ человѣкомъ, изливается на его лице; а *старость озаряется лучемъ радости*, значитъ только, что старый человѣкъ имѣетъ причины радоваться, веселіе бросаетъ на него свои лучи; но пріемлютъ ли чувства его въ томъ участіе, того неизвѣстно: такъ какъ *освѣщаемое* солнечными лучами мѣсто не есть еще *свѣтящееся*. Отсюда можемъ мы видѣть, что сочинитель поэмы употребилъ глаголъ сей хорошо, и что послѣдуя совѣту разсматривателя конечно не согласится замѣною онаго другимъ глаголомъ прекрасную мысль свою испортить. Впрочемъ онъ не самъ изобрѣлъ глаголъ сей, давно въ языкѣ нашемъ суще-

---

яко воздвигну на небо руку мою, и клянуся десницею моею, сказано въ 5 Моисеевой книгѣ, гл. 32, ст. 40.

ствующій: на примѣръ, въ Никоновой лѣтописи (стран. 40) сказано: „И наполняетъ поля храбрыхъ мужей, и всю землю облистоваху копія, и сіяху шлемове, и щитове *зоряхуся*, и воздухъ блистоваше сулицами.“ Не составляютъ ли сословы богатство языка? Вмѣсто чтобъ ко всему употребить одинъ глаголъ: *сіяютъ копья, шлемы, щиты,* какое разнообразіе и красота, когда мы тужъ самую мысль обогащая и украшая тремя разными глаголами изображать можемъ: *сіяютъ копья, блистаютъ шлемы, зарятся щиты!* На чтожъ забвеніемъ или невниканіемъ въ знаменательныя слова лишать себя способовъ быть краснорѣчивымъ? Не льзя и того сказать, чтобъ глалолъ сей не былъ употребителенъ: войдите въ мысль простонароднаго слова *призаривается*, не то ли оно значитъ, что *лице отъ изліянія на него чувствъ сердца пріемлетъ цвѣтъ зари?* Велика ли языку польза, когда мы смыслъ богатыхъ и знаменательныхъ словъ его вмѣсто распространенія будемъ стѣснять и оставлять ихъ только для означенія простонародныхъ выраженій? Разборъ словъ требуетъ прилѣжнаго вниканія. Принимать или отвергать ихъ безъ изслѣдованія, равно для языка вредно. Одно вводитъ въ него безобразія, другое лишаетъ его красотъ.

Далѣе: разсматриватель выписавъ стихъ: *смертію обезсмертвить славной*, вопрошаетъ:

„для чего не увѣковѣчить?"—Судья долженъ доказать, по чему употребленное сочинителемъ слово худо, а не просто спрашивать, за чѣмъ онъ на мѣсто онаго не употребилъ другое? Въ минеи-четіи (Март. 19. страд. Хрисанѳа и Даріи) сказано: „и цвѣтъ юности твоея *обезсмертвитъ* (Христосъ)." Здѣсь глаголъ *увѣковѣчитъ* совсѣмъ не годится, а *цвѣтъ юности твоея сдѣлаетъ безсмертнымъ*, или *обезсмертитъ*, мнѣ кажется весьма хорошо.—Далѣе:

„Одни только писатели, заслужившіе „довѣренность твореніями своими, могутъ „производить слова; *но они не занимаются* „*тѣмъ, они богаты мыслями.*

Сужденіе весьма несправедливое: не занимаяся словами, то есть, не разсуждая объ нихъ, ни кто не можетъ быть богатъ мыслями. Мысль ясна и рѣчь красна словами.— Далѣе:

„Описывая быстрое шествіе Рускихъ „воиновъ, которыхъ *Суворовъ*, въ восторгѣ „любви къ отечеству, называетъ *чудами-бо-„гатырями*, сочинитель говоритъ:

„Стремятся храбры, сильны, скоры:
„Стремнины, блата, рѣки, горы,
„Для Россовъ гладкая стезя.",

Разсматриватель похваляетъ сіи стихи, но прибавляетъ при томъ: „*Ломоносовъ* упо-

„пребилъ нѣкогда такую же мысль; но какъ „онъ выразилъ ее!

„Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
„Проступятъ тамъ полки орлины."

Здѣсь разсматриватель совершенно правъ. Мысли въ обоихъ стихахъ точно одинакія Одна выражена хорошо, другая превосходно. Сіе уподобленіе полета *орлиныхъ полковъ* съ движеніемъ вѣтровъ, выраженное съ такою простотою и глаголомъ толь сильнымъ, каковъ есть глаголъ *проступятъ*, достойно пера Ломоносова. Разсматриватель послѣ нѣкоторыхъ разсужденій своихъ прекрасно о семъ сказалъ: „Оправдаемъ *Ломоносова* на по„прищѣ словесности, также какъ оправдалъ „его *Суворовъ* на полѣ битвъ. Сей *богъ войны* „пролетѣлъ съ орлиными полками тамъ, *гдѣ* „*только вѣтры могутъ дуть*.

Впрочемъ, разсматриватель во многихъ мѣстахъ отдаетъ справедливость сочинителю поэмы Пожарскаго. Дѣйствительно сей молодый человѣкъ обращаетъ на себя вниманіе; ибо подаетъ великую надежду къ обогащенію словесности нашей превосходными твореніями. Переводъ его *Попіева письма о критикѣ*, *Буаловой сатиры*, и наконецъ сія сочиненная имъ небольшая поэма, ясно то свидѣтельствуютъ. Всѣ сіи три опыта исполнены красотами и показываютъ великое

знаніе въ языкѣ. Оставимъ требовать *совершенствъ*, которыхъ ни въ комъ нѣтъ, ни въ сочинителяхъ, ни въ судіяхъ сочиненій ихъ, и отдадимъ справедливость тому, что̀ хорошо. Не будемъ ни съ лишкомъ строги, ни съ лишкомъ терпѣливы; ибо излишество вездѣ вредно. Скажемъ не въ ободреніе молодому писателю, но по самой истинѣ, что мы не много имѣемъ таковыхъ изображеній, каковыя находимъ въ сей поэмѣ. Напримѣръ, слѣдующее изображеніе *Гермогена*:

Кто мужъ сей мудрый, сановитый,
Примрачный, какъ луна во мглѣ,
Имущій кроткій зракъ, открытый,
Ко правдѣ ревность на челѣ?
Блеститъ въ очахъ, слезитъ усталыхъ,
Какъ солнца лучь сквозь ранній паръ,
Къ отечеству сердечный жаръ.
Блѣднѣетъ скорбь въ ланитахъ впалыхъ,
До чреслъ волнуется брада;
Глава годами оснѣженна,
Вся крѣпость плоти изможденна,
Душа единая тверда.

Или слѣдующее изображеніе ангела:

И се! единъ отъ ангелъ свѣта,
Ліющій страхъ священный вкругъ,
Быстрѣй мечтанія полета
Летитъ съ высотъ на земный кругъ.
Во взорахъ торжествуетъ радость,
Глава красуется въ вѣнцѣ;
На ясномъ паче дня лицѣ
Небесная играетъ младость,
И солнечныхъ краса лучей

Струится ризой на безсмертном;
Звѣнятъ во златѣ искрометномъ
Крилѣ, исполнь какъ звѣздъ, очей.

Или сіе страшное описаніе бури:

Такъ туча, мать грозы багрова,
Коль взыдетъ—меркнетъ воздухъ чистъ,
Нисходитъ тишина сурова,
Едва, едва трепещетъ листъ.
Еще покойно все въ дубравѣ,
Сверкнулъ перунъ изъ темныхъ нѣдръ,
Ударилъ громъ, исторгся вѣтръ,
Природа въ страшной зрится славѣ;
И буря шумный взявъ полетъ,
Древа отъ корней рветъ рядами,
Звѣрей и птицъ женетъ стадами,
Летитъ — за нею жизни нѣтъ.

Послѣдній стихъ высокъ, превосходенъ. Но много бы могъ я въ сей поэмѣ показать отлично хорошихъ мыслей, стиховъ и счастливыхъ выраженій, еслибъ время позволяло мнѣ распространиться объ ней. Разсматривателю ея предлежитъ тяжелый трудъ, не въ показаніи погрѣшностей, которыхъ мало, но въ показаніи красотъ, которыхъ много. Хотя и правда, что *сужденіе легко, но искуство трудно*; однакожъ надобно еще къ сему прибавить, что *кому легко, того и судъ легокъ*.

ОТВѢТЪ

на письмо Господина Луки Говорова, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы Апрѣля 1807 No 8, подъ заглавіемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу.

Государь мой!

Нашелъ я въ *Вѣстникѣ Европы*, который охотно читаю, письмо ваше, въ коемъ вы говорите: „Нужда, виновница общежитія, „шепнула на ухо пяти или шести изъ числа здѣшнихъ почтеннѣйшихъ гражданъ, „чтобъ согласились составить временную „библіотеку, выписать новыя книги и журналы, и проводить по нѣскольку вечеровъ „каждую недѣлю, занимаясь чтеніемъ и разговорами—только не о погодѣ, но о словесности и наукахъ. Въ доказательство, что „вечернія наши засѣданія ни мало не походили на собранія Квакеровъ, скажу, что и „женщины удостоивали насъ своею бесѣдою.“ —По сему описанію вашему вы въ маленькомъ городкѣ своемъ то дѣлаете, что рѣдко дѣлаютъ въ столицахъ. Люди имѣютъ раз-

ныя склонности, которыхъ я не осуждаю; но что до меня, я бы лучше предпочелъ быть въ вашемъ собраніи, нежели тамъ, откуду, по услажденіи всѣхъ чувствъ, возвращаются домой безъ душевнаго удовольствія. Одного только пожелалъ бы я, если бы удостоился быть въ вашемъ обществѣ: вы говорите, что согласились выписать новыя книги и журналы; а мнѣ бы хотѣлось, чтобъ старыя книги, и даже очень старыя, перемѣшаны были съ новыми; не все то хорошо, что ново, и не все то худо, что старо. Далѣе описываете вы пожилаго Ассесора, которой долго учился въ Кіевской Академіи, и которой иногда защищаетъ книгу мою, называемую *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*, иногда возражаетъ противъ нее. Смѣю увѣрить господина почтеннаго Ассесора, что мнѣ столько же и возраженіе его, сколько защищеніе, пріятно. Основанный на чистосердечіи судъ и пристрастное злословіе такъ несходны между собою, что развѣ одинъ слѣпой не примѣтитъ ихъ различія. Благодарю его, что онъ въ намѣреніи моемъ при сочиненіи сей книги видитъ не грубую нѣкую и невѣжественную ко всему иностранному ненависть, но истинную и праводушную къ отечеству моему любовь и привязанность. Такъ конечно. Я люблю иностранцевъ, почитаю ихъ таланты и достоинства; но еще болѣе люблю моихъ соотече-

ственниковъ. Весьма желаю, чтобъ всѣ племена и народы были нашими друзьями, но не господами. Согласенъ перенимать у нихъ доброе; но лучше хочу видѣть, чтобъ они у насъ доброе перенимали. Укоризны мои тѣмъ Рускимъ, которые уничижаютъ себя предъ ними, не есть гласъ презрѣнія, но вопль соболѣзнующаго объ нихъ сердца. Часто размышляю я: не обманываетъ ли меня мой умъ? не излищно ли увеличиваю я вещи? не мечтается ли мнѣ тамъ зло, гдѣ его нѣтъ? не паче ли къ изливанію чувствъ моихъ побуждаетъ меня брюзгливость моего нрава, нежели существующія въ самомъ дѣлѣ причины? Такъ часто самаго себя изслѣдываю; но по несчастію тысячи опытовъ разсѣяваютъ мое сомнѣніе. Взойдемъ, какъ *хромоногой бѣсъ*, на высокую башню; снимемъ кровли съ домовъ, и посмотримъ, что въ нихъ происходитъ. Съ чего начать? съ воспитанія. Естьли хоть одинъ домъ, кромѣ самыхъ бѣдныхъ, въ которомъ бы дѣтей нашихъ воспитывали не Французы? Сіе обыкновеніе такъ возрасло и усилилось, что уже надобно быть героемъ, дабы побѣдить предразсудокъ, и не послѣдовать общему теченію вещей! Попытайтесь сказать, что совершенный языку нашему, наукамъ, художествамъ, ремесламъ, рукодѣліямъ и даже нравамъ, наноситъ вредъ принятое по несчастію всѣми правило, что надобно

дѣтей своихъ съ самаго малолѣтства ихъ обучать иностраннымъ языкамъ, то есть одному Французскому; попытайтесь, говорю, сказать сіе; сердитые и безразсудные выцарапаютъ вамъ глаза; а тѣ, которые помягче и поумнѣе, станутъ вамъ доказывать: „Не пустое ли ты говоришь? Когда же лучше обучаться иностранному языку, какъ не въ самомъ ребячествѣ? Дитя играючи научится сперва говорить, потóмъ читать, потóмъ писать, и какъ Французской языкъ необходимо нуженъ (замѣтьте сіе выраженіе) *необходимо нуженъ* въ бесѣдахъ, притомъ же на немъ много есть всякаго рода учебныхъ и прекрасныхъ сочиненій; то во первыхъ безъ труда привыкнетъ онъ свободно разговаривать и чисто произносить, во вторыхъ чтеніемъ книгъ изостритъ свой умъ, въ третьихъ пріобрѣтетъ многія познанія, и напослѣдокъ будетъ писать такъ складно, какъ бы родился въ Парижѣ.“ Вотъ важныя доказательства, по которымъ Французской языкъ *необходимо нуженъ*. Какъ увѣрить многихъ изъ насъ, что въ этой-то самой мысли, что онъ необходимо нуженъ, и заключается владычество его надъ нами и наше рабство? Для чего истинное просвѣщеніе и разумъ велятъ обучаться иностраннымъ языкамъ? Для того чтобъ распространять понятія наши, пріобрѣсть познанія. Но для сего всѣ языки нужны и по-

лезны: на Греческомъ писали Платоны, Гомеры, Демосѳены, Софоклы, Еврипиды и пр.; на Латинскомъ Виргиліи, Цицероны, Гораціи, Квинтиліяны, Тациты и проч.; на Италіянскомъ Данты, Петрарки, Тассы, Аріосты, Метастазіи и проч.; на Французскомъ Расины, Корнеліи, Фенелоны, Вольтеры, Лагарпы и проч.; на Нѣмецкомъ Клопштоки, Галлеры, Геллерты, Геснеры, Виланды и проч.; на Англійскомъ Мильтоны, Шакеспиры, Попіи, Юнги, Адиссоны и проч.; для чего же безъ сихъ языковъ можемъ мы быть, а Французской намъ необходимо нуженъ? Ясно, что мы не о пользѣ языковъ думаемъ: иначе за чтобы намъ всѣ другіе и даже свой собственной такъ уничижать предъ Французскимъ, что тѣ мы едва разумѣть хотимъ, а безъ этого, ежели не такъ имъ говоримъ, какъ природные Французы, стыдимся на свѣтъ показаться? Стало быть мы не по разуму и не для пользы обучаемся ему; но для того только, что въ обычай вошло: чтожъ это иное какъ не рабство? Конечно Французской языкъ самъ по себѣ не вреденъ; но слѣпая наша страсть къ нему дѣлаетъ его для насъ вреднымъ. Сравнимъ привязанность нашу къ нему съ привязанностію къ другимъ языкамъ, и тогда будетъ онъ для насъ полезенъ. Скажутъ: „да онъ потому необходимо нуженъ, что сдѣлался общимъ, и во всей Европѣ употребительнымъ.“ Я со-

жалѣю о Европѣ, но еще болѣе сожалѣю о Россіи. Для того-то можетъ быть Европа и пьетъ горькую чашу, что прежде нежели оружіемъ Французскимъ, побѣждена уже была языкомъ ихъ. Прочитайте въ переведенной съ Французскаго языка книгѣ, называемой *Тайная Исторія новаго Французскаго Двора*, въ письмѣ XVI, въ которомъ описывается, какъ Министры ихъ, обѣдая у Принца своего Людвига, разсуждали о способахъ искоренить Англію; прочитайте, говорю, сіе примѣчанія достойное мѣсто: „Вспомните „(говорилъ Порталисъ), что всеобщее упо„требленіе Французскаго языка служитъ пер„вымъ основаніемъ всѣхъ связей, которыя „Франція имѣетъ въ Европѣ; оно пріумно„жило ея могущество и славу. Сдѣлайте, „чтобъ въ Англіи также говорили по Фран„цуски, какъ въ другихъ краяхъ, напримѣръ „въ . . . . ., то конечно будемъ мы знамени„тѣе въ глазахъ сего надменнаго народа.“ Порталисъ прибавилъ еще къ сему, что если бы удалось имъ завоевать Англію, то прежде всего надобно истребить употребленіе природнаго языка. „Прежде всего (про„должалъ онъ) старайтесь истребить въ го„сударствѣ языкъ народной, а потомъ уже „и самой народъ. Пусть молодые Англичане „тотчасъ посланы будутъ во Францію, и „обучены одному Французскому языку; чтобъ „они не говорили иначе какъ по Французски,

„дома и въ обществѣ, въ семействѣ своемъ „и въ гостяхъ; чтобъ всѣ указы, донесенія, „рѣшенія, договоры и условія были писаны „на Французскомъ языкѣ; чтобъ нигдѣ не „смѣли заикнуться на своемъ природномъ — „и тогда Англія будетъ нашею рабою.“ Вотъ разсужденіе одного изъ ихъ государственныхъ людей; и оно весьма справедливо. Еслибъ Фридрихи вторые не презирали собственнаго языка своего; ежелибъ всякая держава сохраняла свою народную гордость, то Французская революція была бы только въ углу своемъ страшна; мнимые ихъ философы не вскружили бы столько головъ; они бы вредны были токмо для своего правительства и народа, а не для всей Европы; Французы не шагали бы изъ царства въ царство, потому что не въ разногласіи умовъ успѣхи, но въ единогласіи ихъ вездѣ нашли бы себѣ оплотъ и отпоръ. Когда Франція колеблется; когда въ ней развращенные умы лживыми мнѣніями своими потрясаютъ основанія законовъ, добродѣтели, вѣры, нравовъ, — и всѣ окрестныя земли вмѣстѣ съ нею колеблются, словно какъ бы онѣ составляли одинъ съ нею народъ и одно царство! Отъ чего сіе, какъ не отъ общаго языка ихъ разліянія, подчинившаго умы наши ихъ умамъ? Но оставимъ другія Европейскія земли, и возвратимся къ своему отечеству. Благодаря святой Вѣрѣ, научающей насъ

воздавать *Божіе Богови и Кесарево Кесареви*, благодаря наслѣдственнымъ намъ отъ предковъ нашихъ благимъ нравамъ, Россія еще не такова; не такова, однако же надлежитъ отъ прилипчивыхъ болѣзней себя предохранять, особливо же отъ такихъ болѣзней, которыхъ ядовитость нечувствительно вкрадывается и распространяется.

До сихъ поръ говорили мы, что Французской языкъ предпочтительно предъ всѣми считаемъ мы необходимо нужнымъ, не для почерпанія изъ него познаній, но для того чтобъ на немъ разговаривать. Теперь разсмотримъ ближе, какія изъ того раждаются слѣдствія. Обучиться иностранному языку, такъ чтобъ разумѣть оный и читать на немъ книги, не много времени потребно тому, кто Грамматику языка своего хорошо знаетъ. Напротивъ того обучиться иностранному языку, такъ чтобъ говорить имъ какъ своимъ природнымъ, иначе невозможно какъ надобно или долгое время жить въ той землѣ, или отъ самаго младенчества безпрестанно заниматься онымъ. Сіе отведетъ васъ, и воспрепятствуетъ вамъ знать собственный языкъ вашъ, разумѣется не тотъ, которому научились вы на улицѣ, но тотъ, какимъ въ священныхъ храмахъ проповѣдуется слово Божіе, и какой находимъ мы въ книгахъ отъ Нестора до Ломоносова, отъ Игоревой пѣсни до Хераскова и Держа-

вина. Сіе отведетъ васъ отъ многихъ касающихся до Россіи свѣдѣній. Вы можетъ быть много лишняго узнаете о Французскихъ почтовыхъ домахъ и о Парижскихъ театрахъ, гуляньяхъ и переулкахъ; но многаго весьма нужнаго не будете знать о своемъ отечествѣ. Вы всѣмъ этимъ пожертвуете для чистаго произношенія Французскаго языка. Посмотрите: маленькой сынъ вашъ, чтобъ лучше и скорѣе сему научиться, иначе не говоритъ, какъ со всѣми и вездѣ по Французски: съ учителемъ, съ вами, съ матушкою, съ братцомъ, съ сестрицею, съ мадамою, съ гостьми, дома, на улицѣ, въ каретѣ, за столомъ, во время игранія, ученія и ложась спать. Не знаю на какомъ языкѣ молится Богу, можетъ быть ни на какомъ. Начавъ отъ четырехъ или пяти лѣтъ быть на рукахъ у Французовъ, онъ пріучаетъ языкъ свой къ чистому выговору ихъ рѣчей, слухъ свой къ искуству составленія ихъ выраженій, и умъ свой ко звуку и смыслу ихъ словъ. Не думаете ли вы, что привычка, а особливо отъ самыхъ юныхъ лѣтъ начавшаяся, не имѣетъ никакой власти надъ нашимъ сердцемъ, разумомъ, вкусомъ и душою? Вспомните Сумарокова стихъ:

Привычка естества сильнѣе иногда.

На десятомъ году онъ уже весьма хорошо читаетъ Расиновы и Корнеліевы стихи,

знаетъ наизусть множество мѣстъ изъ *Pucelle d'Orleans* и другихъ подобныхъ тому сочиненій; но еще ни одного Рускаго писателя не читалъ, Псалтыри, Нестора, Четьи-минеи и въ глаза не видалъ. На тринатцатомъ году онъ уже начинаетъ спорить съ учителемъ своимъ, кто изъ нихъ наскажетъ больше пріятныхъ словъ торговкамъ модныхъ вещей и актрисамъ. Между пятнатцатымъ и осьмнатцатымъ годомъ онъ уже глубокой философъ; разсуждаетъ о просвѣщеніи, которое по мнѣнію его не въ томъ состоитъ, чтобъ земледѣлецъ умѣлъ пахать, судья судить, купецъ торговать, сапожникъ шить сапоги; нѣтъ, но въ томъ, чтобъ всѣ они умѣли чесаться, одѣваться, и читать по Французски прозу и стихи. О безсмертіи души онъ никогда не думаетъ, а вѣритъ безсмертію тѣла, потому что здоровъ и ѣстъ противъ десятерыхъ. Часто судитъ о нравственныхъ вещахъ, и больше всего превозноситъ вольность, которая по его понятіямъ въ томъ состоитъ, чтобъ не считать ничего священнымъ, не повиноваться ни чему, кромѣ страстей своихъ. На дватцатомъ или двáтцать пятомъ году онъ по смерти вашей дѣлается наслѣдниковъ вашего имѣнія. О если бы вы лѣтъ чрезъ десятокъ могли встать изъ гроба и посмотрѣть на него! Вы бы увидѣли, что онъ добываемое изъ земли съ проліяніемъ пота десятью

тысячами рукъ богатство расточаетъ двумъ, тремъ, или пяти обманывающимъ его иностранцамъ; вы бы увидѣли у него огромную библіотеку всякаго рода Французскихъ книгъ, украшенную богатыми портретами Гелвецієвъ и Дидеротовъ; а вашъ и супруги вашей портретъ, не прогнѣвайтесь, вынесенъ на чердакъ, и приносится только, когда надобно посмѣяться, какъ вы одѣты были странно; вы бы узнали, что онъ не только на могилѣ вашей никогда не былъ, ниже въ той церкви, гдѣ вы похоронены, или лучше сказать ни въ какой; вы бы увидѣли, что онъ надъ бабушкою своею, чуть дышущею, хохочетъ, и говоритъ ей: Лукерья Федоровна, скажи что-нибудь про старину; вы бы увидѣли, что онъ не способенъ быть ни воиномъ, ни судьею, ни другомъ, ни мужемъ, ни отцемъ, ни хозяиномъ, ни гостемъ; вы бы увидѣли. . . Но оставимъ продолженіе, и спросимъ только: послѣ всего этого утѣшило ли бы васъ то, что онъ хорошо, красно и свободно говоритъ по Французски? Оглянитесь хорошенько, не найдете ли подобныхъ сему въ кругу вашего знакомства? Но перестанемъ представлять себѣ вещи съ худой стороны; посмотримъ на нихъ съ лучшей. Положимъ, что сынъ вашъ прещастливымъ образомъ избѣгнулъ отъ поврежденія нравственности; онъ остался при добрыхъ правилахъ, почитаетъ вѣру, наблю-

даетъ законы, любитъ свое отечество, способенъ быть полезнымъ сыномъ онаго, женился, имѣетъ дѣтей, и живетъ какъ должно благовоспитанному дворянину и доброму отцу семейства. Однако же надлежитъ быть неслыханному и превеликому чуду, чтобъ привычка, отъ самыхъ мягкихъ ногтей утвердившаяся, и общій обычай безпрестанно ее поддерживающій, не поселили въ немъ нѣкотораго пристрастія ко всему иностранному и нѣкоторой ему самому непримѣтной холодности ко всему отечественному. Напримѣръ, онъ не гнушается языкомъ своимъ: однакожъ въ двадцати шкапахъ его, набитыхъ книгами, нѣтъ ни одной Руской. Онъ любитъ свой народъ: однакожъ изъ приглашенныхъ къ столу его пяти или шести художниковъ, съ которыми онъ весьма ласково обращается, нѣтъ ни одного Рускаго. Онъ охотникъ до театра, однакожъ вы никогда не увидите его въ Рускомъ представленіи, но всегда во Французскомъ спектаклѣ. Жена его также никогда въ Руской театръ не ѣздитъ, и даже говоритъ: „можно ли туда ѣздить, гдѣ ни одной порядочной женщины не бываетъ?“ и если въ этомъ поспоришь съ нею, такъ она тотчасъ скажетъ: „ахъ! mon cher! да ты взгляни только на публику во Французскомъ спектаклѣ и въ Русскомъ, такъ ты тотчасъ увидишь розницу.“ Старшій сынъ ихъ слу-

жить въ арміи противъ Французовъ (*), защищаетъ храбро свое отечество: однакожь на отечественномъ языкѣ писать или не хочетъ или не умѣетъ; онъ пишетъ къ батюшкѣ, къ матушкѣ и къ сестрицамъ по Французски. Письмо это всѣмъ читаютъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежелибъ оно написано было по Руски, такъ бы его и показывать не стали. Сему не должно удивляться: привычка и господствующее мнѣніе такъ сильны, что онѣ дѣлаютъ чудеса, и въ такую берутъ человѣка неволю, что онъ противъ убѣжденій разума своего, насильно, какъ бы магнитомъ, втягивается въ вихрь общаго предразсудка.

Теперь возмемъ произшедшее отсюду не малое число поврежденныхъ во нравахъ людей (разумѣется одинъ побольше, другой поменьше); сложимъ оное съ великимъ числомъ тѣхъ, кои силою привычки, образа жизни и примѣровъ сдѣлались паче иностранцами, нежели Рускими (также) одинъ побольше, другой поменьше); придадимъ къ тому число подражателей всему, что въ обычаѣ; ибо извѣстно, что мѣлкое подражаетъ всегда крупному, малое большому; помножимъ все это тѣмъ, что чужеземные наши воспитатели, наставники, пріятели, искусники, художники, безпрестанными своими изобрѣтеніями,

(*) Писано во время войны.

хитростями, выдумками, все сіе въ насъ питаютъ, поддерживаютъ, подкрѣпляютъ, умножаютъ—и тогда мы увидимъ, что такіе успѣхи нелегко могутъ быть остановлены. Между тѣмъ они ведутъ насъ не къ блаженству и славѣ, но совсѣмъ въ противную сторону. Мы можемъ о томъ, куда они насъ ведутъ, заключить изъ того, до чего они насъ довели. Посмотримъ на сіе, хотя до половины только отворенными глазами. Мы уже отчасти видѣли, что Славенскій древній, коренный, важный, великолѣпный языкъ нашъ, на которомъ преданы намъ нравы, дѣла и законы нашихъ предковъ, на которомъ основана церковная служба, вѣра и проповѣданіе слова Божіяго, сей языкъ оставленъ, презрѣнъ; никто въ немъ не упражняется, и даже самое духовенство, сильною рукою обычая влекомое, начинаетъ уклоняться отъ онаго. Чтожь изъ того выходитъ? Ѳеофановы, Георгіевы проповѣди, которымъ надлежало бы остаться безсмертными, гремѣть въ позднѣйшемъ потомствѣ, и быть училищами Рускаго краснорѣчія, подобно какъ у Грековъ и Римлянъ были Демосѳеновы и Цицероновы слова—сіи, говорю, проповѣди не только не имѣли многихъ и богатыхъ изданій, какъ-то въ другихъ земляхъ съ меньшими ихъ писателями дѣлается; но и одно изданіе до тѣхъ поръ въ цѣлости лежало, покуда наконецъ принуждены были

распродать оное не книгами, но пудами, по цѣнѣ бумаги! Предо мною лежитъ книга *Théatre de Pierre Corneille*, изданная въ 1764 году. При концѣ ея напечатанъ списокъ особъ подписавшихся на сіе изданіе. Сколько бы вы думали въ одинъ разъ разобрано экземпляровъ? три тысячи! Теперь сдѣлайте сравненіе между ими и нами. Но постойте, еще одно. Сколько людей въ Европѣ читаютъ Волтера, Корнелія, Расина? Можетъ быть милліоновъ десять, ежели не двадцать. Сколько человѣкъ читаютъ ихъ въ Россіи? Можетъ быть милліонъ или около того. А сколько человѣкъ, не говорю въ Европѣ, но въ Россіи, читаютъ Ломоносова, Кантемира, Сумарокова? Числа сего опредѣлить не льзя; оно отчасу уменьшается: однакожъ на угадъ полагать можно, что перваго читаютъ еще человѣкъ тысяча другая, а послѣднихъ двухъ врядъ и сотню наберешь ли. Такъ симъ ли образомъ прославимся мы словесностію нашею? Великіе таланты писателей, равно какъ и великія доблести полководцевъ однимъ и тѣмъ же рычагомъ извлекаются изъ сокровенности—честолюбіемъ и славою. Возникнетъ ли тамъ полководецъ, гдѣ подвиговъ воинскихъ никто не уважаетъ? Возникнетъ ли тамъ писатель, гдѣ тщательныхъ и долголѣтныхъ трудовъ никто не читаетъ? Нѣтъ! тамъ никакой умъ не предается глубокому ученію, долгому умствова-

нію, дабы прежде приношенія плодовъ приуготовить въ себѣ способность приносить ихъ зрѣлые и полезные; тамъ ни въ комъ не родится мысль предпринять нѣчто твердое, важное, и совершать оное не съ поспѣшностію и небреженіемъ , но съ терпѣливостію и безпрестаннымъ о томъ размышленіемъ; тамъ не найдемъ мы сихъ трудолюбивыхъ людей, которые прежде нежели работу свою, въ какомъ бы то ни было родѣ, окончатъ, тысячу другихъ о томъ писателей прочитаютъ, лучшее изъ нихъ почерпнутъ, и собственный искусъ свой съ ихъ разсужденіями согласятъ: склонность къ таковымъ трудамъ не иначе раждается какъ отъ увѣренности въ возмездіи, состоящемъ въ знаніи цѣны онымъ. Безъ сего будутъ только показываться временные охотники писать, которыхъ мѣлкія сочиненія не требуютъ ни упражненій въ наукахъ, ни знаній въ языкѣ, и о которыхъ можно стихомъ Сумарокова сказать, что они

Когда раждаются, тогда и умираютъ.

При таковыхъ обстоятельствахъ коренный языкъ нашъ отчасу болѣе будетъ погребаться въ забвеніи, словесность портиться и упадать. Но безъ языка и словесности могутъ ли распространяться науки? можетъ ли быть просвѣщеніе? могутъ ли процвѣтать даже художества и рукодѣлія? Нѣтъ!

безъ нихъ науки невняшны, законы мрачны, художества нелѣпы, рукодѣлія грубы, и однимъ словомъ: все безъ вида, безъ образа, безъ души. Языкъ и словесность нужны не для однихъ наукъ, законовъ и художествъ; всякое ремесло, рукодѣліе и промыслъ ихъ же свѣтомъ освѣщаются, отъ нихъ заимствуютъ свое совершенство. Свой языкъ упадаетъ, потому что предпочитается ему чужой; съ паденіемъ языка своего упадаетъ охота трудиться на немъ; безъ трудовъ и хорошихъ произведеній, а наипаче еще при общемъ отвращеніи отъ чтенія оныхъ, не воспаляется воображеніе, молчитъ изобрѣтеніе, не растутъ ни въ какихъ родахъ искуства. Между тѣмъ чужіе народы пользуются симъ расположеніемъ, и не перестаютъ различными средствами отвращать наше вниманіе отъ самихъ себя и обращать оное на ихъ хитрости. Взглянемъ на прошедшее, и посмотримъ; не можемъ ли мы изъ самаго опыта извлечь какихъ нибудь доказательствъ. Сто лѣтъ тому назадъ, какъ мы начали учиться у иностранцевъ: что жь, велики ли наши успѣхи? чему мы научились? Какіе плоды отъ нихъ собрали? Можетъ быть скажутъ: расширенія земель, побѣды, завоеванія! — Но этому не они насъ обучили. Безъ природной, свойственной намъ храбрости и любви къ отечеству нѣкогда было перенять, какимъ образомъ одержать

Полтавскую побѣду. Нѣтъ! это не ихъ наставленія плоды. Въ этомъ они скорѣе разучить, нежели бы научить насъ хотѣли, если бы могли. Я думаю, дорого бы дали они, чтобъ у солдатъ нашихъ была не православная душа, не Руское сердце, не мѣдная грудь. Итакъ обратимъ глаза свои на другое, и посмотримъ, много ли они, такъ сказать, въ прелестныхъ искуствахъ и хитростяхъ своихъ насъ просвѣтили. Сто лѣтъ не одинъ годъ. Пора бы уже въ такое долгое время и самимъ намъ сдѣлаться искусными. Но между тѣмъ воспитываютъ и всему обучаютъ насъ иностранцы; домы наши, храмы, зданія, строятъ они же; убираютъ и украшаютъ ихъ внутри они же; одѣваютъ и обуваютъ насъ, женъ нашихъ, сыновей и дочерей они же. Безъ нихъ не умѣли бы мы ни занавѣсокъ развѣсить, ни стульевъ разставить, ни чепчика, ни кафтана, ни сапоговъ на себя надѣть. Кареты, коляски, комоды, кресла, и всѣ домашніе для насъ приборы дѣлаютъ они же, руками Рускихъ. Дѣтей нашихъ стоять прямо, кланяться, танцовать, верхомъ ѣздить, смотрѣть въ лорнетъ, и проч., и проч., обучаютъ они же. Оркестрами и театрами увеселяютъ насъ они же. По крайней мѣрѣ кушанье на кухняхъ нашихъ готовятъ намъ Руские повара? Нѣтъ, и то дѣлаютъ они же! Мы бы могли исчисленія сіи продолжать до безконечности;

но довольно уже и сихъ не многихъ статей. Вопросимъ теперь, почему все сіе дѣлаютъ иноземцы, и бо́льшею частію Французы? Развѣ природа одарила ихъ превосходнѣйшимъ умомъ и способностями? Развѣ она имъ мать, а намъ мачиха? — Кто это подумаетъ! чья голова удобна ко вмѣщенію въ себѣ такой ложной мысли? Тотъ развѣ, кто не знаетъ Рускаго народа. Но отъ чего же иностранцы въ выдумкахъ, въ изобрѣтеніяхъ, въ знаніяхъ разнообразить свои работы, въ угожденіяхъ вкусу людей, въ прочной и красивой отдѣлкѣ вещей, и во многомъ другомъ, кажется, очевидно предъ нами преимуществуютъ? Сему надлежитъ искать другой причины, инаго источника, а не природной тупости народа остраго и на все способнаго. Весьма бы не худо было поприлѣжнѣе изслѣдовать, не тѣ ли же самыя причины, которыя вредятъ языку нашему и словесности, препятствуютъ возрастать и успѣхамъ нашимъ въ искуствахъ, удовлетворяющихъ какъ нуждамъ, такъ и роскоши? Выше сего разсуждали мы, что гдѣ чужой языкъ употребляется предпочтительнѣе своего, гдѣ чужія книги читаются больше нежели свои, тамъ при безмолвіи словесности все нѣкоторымъ образомъ вянетъ и не процвѣтаетъ. Присовокупимъ къ сему, что когда мы на одинъ изъ двухъ садовъ устремимъ свое вниманіе, тогда и умъ, и слухъ, и зрѣніе, и

вкусъ прилѣпляется къ тому саду; отъ чего другой будетъ претерпѣвать по двумъ причинамъ: первое по предубѣжденію нашему противъ него, а второе и по тому, что дѣйствительно небреженіе о немъ, какъ померкшее надъ нимъ солнце, не будетъ извлекать изъ него тѣхъ произрастѣній, коими другіе сады украшаются. Обратитесь къ нему, согрѣйте его лучами вашего вниманія; не требуйте, чтобъ онъ вдругъ и во мгновеніе ока представилъ взорамъ вашимъ рощи Африканскихъ и Американскихъ древесъ; потерпите, не преставайте насаждать, подчищать, разводить, умножать хорошее, истреблять худое: вы увидите, что онъ со временемъ раскинется и будетъ великолѣпенъ. Народъ тоже, что садъ. Не отвращай взора отъ его произведеній; полюби сперва несовершенство ихъ, предпочти свое чужому, посели въ него честолюбіе, возроди ревность, возбуди въ немъ уваженіе къ самому себѣ: тогда природное дарованіе найдетъ себѣ пищу, начнетъ расти, возвышаться, отчасу дѣлаться искуснѣе, и наконецъ достигнетъ до совершенства. Но покуда не возникнетъ въ насъ изострительница ума, просвѣтительница вкуса, источница всѣхъ изобрѣтеній, народная гордость, собственныя свои достоинства любящая; до тѣхъ поръ способности наши не почвятся на свѣтъ; мы будемъ только смотрѣть, какъ дѣлаютъ ино-

странцы; свой умъ останется бездѣйственъ, духъ непредпріимчивъ, око непрозорливо, руки неискусны. — Выписываютъ ли Французы учителей нашихъ для воспитанія дѣтей своихъ? Говорятъ ли въ Парижѣ языкомъ нашимъ? Много ли у нихъ нашихъ товаровъ, лавокъ, вывѣсокъ, мастеровъ, рукодѣльниковъ? Нѣтъ, они сего не потерпятъ. Они, распространя языкъ свой, себя только считаютъ въ правѣ народною величаться гордостію; себя только называютъ великимъ народомъ, великою державою. Мы съ неудовольствіемъ читаемъ въ книгахъ ихъ, что они часто жалуютъ насъ именами *des barbares*, *des esclaves*; они врутъ, но мы подаемъ имъ къ тому поводъ. Можетъ ли тотъ имѣть ко мнѣ должное уваженіе, кто меня учитъ, одѣваетъ, убираетъ, или лучше сказать, обираетъ, и безъ чьего руководства не могу ступить я шагу? Совсѣмъ иное понятіе возъимѣли бы они объ насъ, когда бы мы, свергнувъ съ себя неприличное намъ иго чуждаго языка и воспитанія, оглянулись на собственное свое достоинство, и сказали имъ: „Какъ? мы, *варвары*, вѣкъ свой славимся нравами и оружіемъ; а вы, *не варвары*, ужасами революціи своей отняли славу у самого ада! Какъ? мы, *эсклавы*, повинуемся Богомъ избранной надъ нами верховной власти и законамъ; а вы, *не эсклавы*, послѣ адской вольности,

воздвигшей убійственныя руки ваши на стариковъ и младенцевъ, наконецъ ползаете, когда палкою принудили васъ повиноваться! Какъ? мы, непросвѣщенные, почитаемъ вѣру, единственный источникъ добродѣтелей, единственную узду страстей, разрушающихъ миръ и тишину, единственную связь благоустроенныхъ обществъ; а вы, просвѣщенные, попрали ее, и самое бытіе Бога, не по чудесамъ созданнаго имъ міра, но по опредѣленіямъ Робеспіеровымъ признавали! Какъ? мы, имѣя коренный, древній, богатый языкъ, станемъ предпочитать ему ваше скудное изъ разныхъ языковъ составленное нарѣчіе!" — Такъ бы народная гордость наша долженствовала отвѣчать ихъ народной гордости, а не такимъ образомъ объ нихъ думать:

„Премудрые Французы! гдѣ намъ за вами гоняться! у васъ и мужики говорятъ по Французски. Вы умѣете и чепчики дѣлать, и на головы накалывать, и цвѣты къ цвѣтамъ прибирать, и все, все знаете: куда намъ за вами гоняться! Ради самаго Парижа, не отступайтесь отъ насъ! Будьте всегда нашими учителями, одѣвателями, обувателями, наряжателями, потѣшниками, даже и тогда, когда соотечественники ваши идутъ насъ жечь и губить!" — Если мнѣніе наше о нихъ всегда будетъ такое, такъ отложимъ попеченіе о возниченіи на-

шемъ со стороны наукъ, художествъ и рукодѣлій. Станемъ припасать золото и платить имъ за все то, чего сами сдѣлать не умѣемъ. Мы не наживемъ славы, но за то проживемъ деньги.

Вотъ вамъ, господинъ Говоровъ, чистосердечныя мои мысли о связяхъ нашихъ съ иностранными! покажите ихъ господину Ассессору вашему. Если онъ не вездѣ будетъ согласенъ съ ними; такъ пусть меня поправитъ. Я могу сдѣлать ошибки, или смотрѣть на вещи не съ той стороны, съ которой бы ихъ разсматривать надлежало; но я надѣюсь, что господинъ Ассессоръ и въ самыхъ ошибкахъ моихъ найдетъ одно чистосердечное усердіе къ моему отечеству, а не желаніе уничижать иностранцевъ. Въ заключеніе сего хотѣлъ бы я господину Ассессору отвѣчать нѣчто на его мнѣ возраженія; но опасаясь, чтобъ сіе не завело меня далеко, отзовусь только на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ письмѣ (стран. 302) сказано: „Вопреки мнѣнію господина Сочинителя о слогѣ, онъ (господинъ Ассессоръ) утверждаетъ, что Славенскій языкъ точно образованъ по свойству Греческаго, и что переводчики не мысли, но слова переводили. Кто не видитъ, что сложныя слова: *единороднаго*, *единосущнаго*, *воплотившагося*, *вочеловѣчшася*, *неискусобрачная*, составлены въ то время, когда надлежало перевести μονογενῆ, ὁμοούσιον,

σαρκωθέντα, ἐνανθρωπήσαντα, ἀπειρόγαμε и множество другихъ? Такимъ образомъ богатились всѣ языки." — Господинъ Ассессоръ думаетъ говорить мнѣ вопреки тамъ, гдѣ я съ нимъ совершенно согласенъ. Подъ словами моими, на которыя онъ ссылается: „Языки не бочки; слова одного изъ нихъ не удобно переливать въ другой, такъ какъ воду изъ одной бочки въ другую: при переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять. Сколько ни сравнивайте церковныя наши книги съ Греческими, вы не найдете въ нихъ сего перелива словъ изъ Греческаго въ нашъ языкъ." (Прибавл. стран. 83). Подъ сими, говорю, словами моими отнюдь не разумѣлъ я то, что мы при переводѣ книгъ отъ Грековъ ничего не заимствовали; но что заимствовали умѣючи: то есть, тѣ только слова брали съ Греческаго, которыя по свойству ихъ и по свойству нашего языка равно вразумительны. Сія мысль моя весьма видна изъ предъидущей рѣчи, которую я сказалъ: „*При переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять.*" Какая нужда мнѣ, что *неискусобрачная* переведено съ Греческаго *ἀπειρόγαμε*, когда я безъ Греческаго знаю, что *неискусобрачная* есть неискусившая брака? Я не называю это переводомъ словъ, потому что тутъ съ переводомъ слова вмѣстѣ и мысль переводится; а по моему переводъ словъ тамъ, гдѣ слово взято съ чу-

жаго языка, но въ Рускомъ оно или не то значитъ, или совсѣмъ ничего не значитъ. Я бы вамъ показалъ здѣсь многіе тому примѣры; но краткость сего письма не позволяетъ мнѣ распространяться. Еще господинъ Ассессоръ говоритъ: „Должны ли мы слова и словосочиненія, находящіяся въ Славенскихъ нашихъ книгахъ, *всѣ безъизъятія* употреблять въ нынѣшнемъ высокомъ слогѣ? нѣтъ, и проч.“ Господинъ Ассессоръ столько справедливъ, что конечно не скажетъ про меня, будто я совѣтую употреблять ихъ *всѣ безъизъятія*. Я скажу тотъ же самый *нѣтъ*, но только тѣ, которыя разумъ вашъ одобритъ. Однако я прибавлю къ тому, что малое наше упражненіе въ Славенскомъ языкѣ отъ многихъ важныхъ словъ и выраженій такъ насъ отъучило, напротивъ частое чтеніе слабыхъ сочиненій и переводовъ ко многимъ простонароднымъ словамъ и выраженіямъ такъ насъ пріучило, что мы, не давъ себѣ труда хорошенько войти въ смыслъ и разумъ слова, достойное принятія нерѣдко отвергаемъ, а достойное отверженія пріемлемъ. Не то бы мы были, когда бы не иначе о приличіи словъ толковали, какъ съ глубокимъ изслѣдованіемъ всей обширности ихъ знаменованія; но въ таковыхъ изслѣдованіяхъ мы еще весьма бѣдны. Господинъ Ассессоръ говоритъ еще, что онъ *развиваются способности*, *распускаются даро-*

ванія, *грубой и тонкой вкусъ*, употреблять не перестанетъ; въ этомъ и я ему послѣдую: однако не напишу *развивается характеръ*, *утонченной вкусъ*, и гдѣ придется кстати поставлю *вътротлѣнный*, *наитствуетъ*, *прозябаетъ*. Всякой имѣетъ своего червячка. Что касается до прочихъ возраженій, я не исчисляю ихъ, ибо письмо сіе и такъ уже велико; но скажу только, что если бы случилось намъ съ господиномъ Ассесоромъ быть вмѣстѣ и почаще бесѣдовать, то можетъ быть осталось бы весьма немного такого, въ чемъ бы мы не согласились.

РАЗБИТІЕ

Рускаго военнаго корабля у береговъ Швеціи, въ 1771 году.

Въ началѣ 1771 года посланы мы (*) были сухимъ путемъ, подъ начальствомъ Кадетскаго Капитана, въ городъ Архангельскъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда моремъ возвратиться на построенныхъ тамъ корабляхъ. Насъ было слишкомъ 30 человѣкъ.

Мы жили въ прилежащей къ городу слободѣ, называемой Соломбола, въ обнесенныхъ тыномъ казармахъ. По вскрытіи Двины и по спускѣ на воду трехъ шестидесяти-шести-пушечныхъ кораблей, расписали насъ по онымъ. Я написанъ былъ на корабль N. Прежде, нежели приступлю къ описанію нашего путешествія, нужно читателю узнать свойства и нравы бывшихъ на семъ кораблѣ Офицеровъ. Начальствовавшій надъ онымъ Капитанъ 1-го ранга, N. былъ человѣкъ до-

(*) Кадеты Морскаго Кадетскаго Корпуса. *Изд.*

вольно добрый, но властолюбивый, пылкій и не совсѣмъ трезвый. Второй по немъ, нашъ Кадетскій Капитанъ, также человѣкъ весьма добрый, услужливый, усердный къ службѣ и довольно неглупый, но часто заблуждающійся отъ излишнихъ умствованій, и притомъ предъ старшими себя до крайности почтительный и робкій. Два Лейтенанта, изъ коихъ одинъ М. . . видный собою, искусный въ дѣлѣ своемъ и дружный съ Кадетскимъ Капитаномъ; W. . ., человѣкъ простой во всемъ пространствѣ слова; два Мичмана, одинъ Констапель, (Артиллерійскій Офицеръ) и насъ восемь человѣкъ гардемаринъ; да при солдатской командѣ Капитанъ D., человѣкъ дородный, толстый, грубый и свирѣпый. О нравахъ двухъ первыхъ начальниковъ моихъ можно посудить изъ слѣдующаго со мною приключенія: мы перейдя черезъ находящійся при устьѣ Двины баръ (мелководіе, которое съ пустыми безъ грузу кораблями переходятъ въ полную воду), стояли на якоряхъ и грузились, въ разстояніи около 30 верстъ отъ гавани и крѣпости, называемой Лопоминка, и столько же еще отъ города Архангельска. Въ одинъ день одному изъ Мичмановъ даютъ подъ начальство ботъ (судно) и посылаютъ его въ Лопоминку, чтобъ тамъ налить нѣсколько бочекъ свѣжей воды и привезть на корябль. Погода была прекрасная. Я былъ празденъ, нѣкото-

рые изъ моихъ товарищей отпросились и поѣхали въ городъ Архангельскъ; мнѣ также захотѣлось погулять. Я просилъ, отпустить меня съ посылаемымъ въ Лопоминку Мичманомъ: меня отпустили. Мичману вздумалось, пока ботъ будетъ наливаться водою, съѣздить на шлюбкѣ въ городъ Архангельскъ. Я, не желая одинъ безъ него остаться въ Лопоминкѣ, поѣхалъ съ нимъ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, мы возвратились назадъ; но бота уже не нашли: онъ, налившись водою, къ великому удивленію и досадѣ Мичмана, ушелъ къ кораблю. Мы поѣхали за нимъ. По несчастію, ботъ пришелъ за часъ или за два передъ нами. Капитанъ нашъ въ это самое время былъ у другаго Капитана въ гостяхъ и, обременя себя излишне напитками, возвращался на свой корабль. Увидя пришедшій ботъ, подъѣхалъ къ нему и спросилъ, гдѣ Мичманъ? Сказали, что онъ уѣхалъ въ городъ. Поднялась тревога! „Какъ смѣлъ онъ оставить порученное ему судно и отъ него отлучиться!" Разгнѣванный Капитанъ, услыша обо мнѣ, что я съ нимъ уѣхалъ, приказываетъ, какъ скоро мы возвратимся, Мичмана запереть на хлѣбъ и на воду въ каюту, а меня поставить на цѣлую ночь подъ лоты! Наказаніе тяжкое, особливо въ мои лѣта: продержать всю ночь на плечахъ двѣ свинцовыя гири, болѣе пуда вѣсомъ! Когда мы возвратились съ Мичманомъ

на корабль — Капитанъ спалъ. Намъ объявляютъ приговоръ: его запираютъ, а меня хотятъ ставить подъ лоты. Я бросаюсь къ Кадетскому, собственно нашему, Капитану, и прошу его, меня защитить, говоря, что я ни чѣмъ не виноватъ, потому что не по должности посланъ былъ на ботъ, не самовольно отъ него отлучился, а отпущенный, куда мнѣ хотѣлось, погулять, возвратился назадъ съ тѣмъ, съ кѣмъ поѣхалъ. Кадетскій Капитанъ, признавая мою невинность, сожалѣетъ обо мнѣ, однако приказываетъ класть на меня лоты. Я въ отчаяніи! обливаюсь горькими слезами, умоляю, убѣждаю его и даже угрожаю, говоря, что я никогда не былъ наказанъ, что ему поведеніе мое извѣстно, что онъ настоящій нашъ начальникъ, что сіе тяжкое, неприличное для юноши и ни чѣмъ не заслуженное мною наказаніе можетъ вогнать меня въ чахотку, и что Директоръ нашъ, узнавъ о семъ, конечно за меня вступится.—Строгій исполнитель воли начальника отвѣчаетъ мнѣ безъ гнѣва и съ сожалѣніемъ: „Такъ, мой другъ, ты правъ, я все это знаю; но какъ я могу оставить безъ исполненія приказаніе Капитанское“ Тутъ вооружаюсь я всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ и доказываю ему, что онъ не выдетъ изъ повиновенія, что я прошу только отсрочить наказаніе мое до утра, покуда Капитанъ проснется, и что если не отмѣ-

нитъ онъ своего приказанія, то и тогда успѣетъ оное быть исполнено. Насилу, убѣжденный напослѣдокъ моими слезами и представленіями, онъ на то согласился. Поутру я прихожу къ Капитану, объясняю ему мою невинность, и прошу его, меня простить. Онъ отвѣчаетъ мнѣ: „За что простить? ты ни мало невиноватъ. Я вчера не разобралъ хорошенько, и напрасно смѣшалъ тебя съ Мичманомъ. Поди и будь покоенъ." Вотъ! (подумалъ я тогда) и со мною тожь случилось, что съ Македонскою бабою, которая трезвому Филиппу подавала челобитную на пьянаго Филиппа.

По нагруженіи кораблей, мы отправились въ походъ и плыли по Бѣлому морю съ перемѣнными и тихими вѣтрами. Въ одинъ день, во время густаго тумана, при бросаніи лота (*) оказалось, что вдругъ съ глубины 25 взошли мы на глубину 7 саженъ. Устрашась сего обстоятельства, стали мы тотчасъ на якорь. Но какъ туманъ не прочищался и вѣтръ дѣлался свѣжѣе, то опасаясь долѣе тутъ стоять, и обмѣря на посланныхъ шлюпкахъ вокругъ себя глубину, подняли мы якорь и пошли въ ту сторону, гдѣ становилось глубже. Теченіе моря было

(*) Свинцовая съ длинною веревкою гиря, употребляемая для измѣренія глубины воды подъ кораблемъ.

съ нами, и вѣтръ дулъ намъ попутный. Мы шли нѣсколько часовъ и стали опять на якорь. Послѣ полудня туманъ прочистился, и мы увидѣли верстахъ въ трехъ или четырехъ предъ собою крутой каменной берегъ. Сей грозный сосѣдъ принуждалъ насъ, поскорѣе отъ него удалиться. Но какъ довольно свѣжій, прямо на берегъ дующій вѣтръ и сильное туда же теченіе моря наводили намъ страхъ, чтобъ при медленности поднимaнія обыкновеннымъ образомъ якоря не прижало насъ къ берегу, то разсуждали, чтобъ вступить подъ паруса вдругъ, т. е. распустить и наполнить ихъ, не поднимая якоря, и когда корабль возметъ движеніе, то отрубить канатъ. Однакожъ Капитанъ былъ на то не согласенъ: ему не хотѣлось лишиться якоря. Онъ спросилъ, нѣтъ ли на кораблѣ кого-нибудь изъ города-Архангельскихъ рекрутъ? Сыскали одного матроса. Спрашиваютъ его: хаживалъ ли онъ по Бѣлому морю? (Городо-Архангельскіе жители почти всѣ рыболовы.) Онъ отвѣчалъ: хаживалъ.—Какой же это берегъ? — Тотъ, который идетъ отъ Орлова носа.—А гдѣ Орловъ носъ?—Остался назади, мы его прошли. (Сіе сказаніе матроса не согласно было съ нашимъ исчисленіемъ; ибо мы по картѣ считали себя далеко еще не дошедшими до мыса, называемаго Орловъ насъ.—Можно ли намъ сняться съ якоря? — Можно, отвѣчалъ онъ: берегъ приглубъ, те-

ченіе хотя и бросить насъ къ нему, но встрѣчное отъ него теченіе понесетъ насъ вдоль онаго. — Капитанъ велѣлъ сниматься съ якоря. Лейтенантъ М. . . представлялъ, что въ подобныхъ случаяхъ не должно полагаться на слова матроса, и лучше потерять одинъ якорь, чѣмъ подвергать корабль опасности. Однакожь Капитанъ заупрямился и велѣлъ немедленно сниматься. Опытъ показалъ, что матросъ говорилъ правду: лишь только якорь отдѣлился отъ дна моря, корабль какъ стрѣла полетѣлъ на каменный утесъ: мы до смерти перепугались; но чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ быстрота его становилась меньше: отражающееся отъ берега теченіе спиралось натекающимъ на оное, и не допускало насъ къ нему приближаться: мы успѣли вывертѣть якорь, убрать его, наполнить парусы и направить путь свой въ море.

По выходѣ въ Океанъ и по долгомъ плаваніи, при противныхъ вѣтрахъ зашли мы, для запасенія себя прѣсною водою, въ проливъ между Лапландскимъ берегомъ и островомъ Кильдюиномъ. Островъ сей необитаемъ. Мы нашли на немъ нѣсколько рыбачьихъ хижинъ. Лѣтомъ прѣзжаютъ на него рыболовы, и осенью уѣзжаютъ назадъ. Они сказывали мнѣ, что ходятъ для промысла въ Океанъ и удаляются верстъ по сту отъ берега Видя худыя суда ихъ, я спросилъ, какъ

могутъ они на такихъ судахъ такъ далеко ходить? ну ежели застанетъ буря? — Такъ чтожъ? отвѣчали сіи философы съ холодностію, кого застанетъ, тотъ утонетъ. Я видѣлъ тутъ еще семидесяти-лѣтняго старика, сторожа оленей, который во всю свою жизнь, какъ себя запомнитъ, изъ Кильдюина никуда не отлучался. Лѣтомъ мѣсяца три проводитъ онъ съ пріѣзжающими рыбаками, а въ остальное время года живетъ одинъ. Я разговаривая съ нимъ, спросилъ у него: какъ же зимою, когда проливъ замерзаетъ, не боишься ты забѣгающихъ сюда волковъ и медвѣдей? — Чего бояться, отвѣчалъ онъ, съ увѣренностію, они меня ужъ знаютъ и не тронутъ.

Простоявъ дни три въ Кильдюинѣ, пошли мы опять въ Океанъ и продолжали путь свой. Сдѣлались противные и крѣпкіе вѣтры. Мы долго съ ними боролись и ничего не видали, кромѣ кувыркающихся китовъ, которые хребты свои, наподобіе черныхъ холмовъ, изъ воды выставляли, и, фыркая, пускали изъ ноздрей высокіе водометы. Мы забрались далеко къ сѣверу, такъ что солнце въ самую полночь не заходило уже подъ горизонтъ. Смотря въ сіи часы на сіе величественное свѣтило, которое казалось быть гораздо больше и краснѣе нежели въ полуденной высотѣ, и любуясь озаряющими по-

верхность моря лучами его, я съ восхищеніемъ вспоминалъ стихи Ломоносова:

„Достигло дневное до полночи свѣтило,
„Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
„Какъ пламенна гора, казалось межь валовъ,
„И простирало блескъ багровый изъ-за-льдовъ.
„Среди пречудныя, при ясномъ солнцѣ, ночи
„Верьхи злашыхъ зыбей пловцамъ сверкаюшъ въ очи.

Мнѣ мечталось, что я смотрю на него глазами Ломоносова и плыву съ Петромъ Великимъ.

Послѣ долгаго времени, вѣтры стали становиться попутнѣе, ночи длиннѣе и темнѣе. Мы перешли великое разстояніе, миновали опасную пучину, называемую Мальштромъ. Я въ свободные часы занимался разсматриваніемъ разныхъ явленій: иногда днемъ по цѣлому часу смотрѣлъ въ воду, которая была такъ прозрачна, что, опустя въ нее бѣлой камушекъ, можно было видѣть его нѣсколько секундъ, покуда не погрузится онъ саженъ на 20 или болѣе. Иногда любовался плавающими въ ней цвѣтами, которые, наподобіе пестрыхъ распустившихся колпаковъ, изъ подъ кормы показывались. Прекрасный видъ ихъ, коль скоро ихъ поймаешь и вынешь изъ воды, тотчасъ исчезалъ и превращался въ нѣкую сѣдшуюся неприятную слизь. Всего же болѣе нравилось мнѣ, по ночамъ сидѣть на носу корабля:

вода имѣла нѣкое лучезарное свойство, такъ что обмоченная въ нее вещь казалась въ темнотѣ быть огненною. Валы, ударяя въ носъ и отражаясь отъ него, раздроблялись на безчисленное множество брызговъ, свѣтящихся подобно разноцвѣтнымъ искрамъ. Казалось, корабль шествуя, сражается ежеминутно съ нападающими на него исполинами, и въ гнѣвѣ, попирая ихъ, сыплетъ отъ себя огнь и пламя. Въ одинъ день достали мы лотомъ дно морское: глубина была 70 саженъ. Мы наѣхали въ это время на необъятное количество сельдей. Корабль нашъ нѣсколько часовъ, почти при совершенной тишинѣ вѣтра, плылъ тихо, какъ бы посреди ихъ; ибо отъ самаго верха воды до такой глубины, до какой взоръ при чистотѣ и прозрачности ея проницать могъ, вся оная наполнена была слоями сихъ рыбъ, и вкругъ корабля, сколько зрѣніемъ при ясной погодѣ можно было обнять, повсюду гладкая поверхность воды рябѣла отъ прикосновенія ихъ къ оной.

Наконецъ, по долгомъ странствованіи и по претерпѣніи многихъ бурь, пришли мы уже въ половинѣ Октября въ Копенгагенъ, гдѣ пробывъ нѣсколько дней, спѣшили отправиться въ путь. Мы снялись съ якоря около полудня, и съ крѣпкимъ попутнымъ вѣтромъ въ весьма темную ночь стали приближаться къ острову Борнгольму. Въ 8 ча-

совъ вечера, по означеніи на картѣ пункта (т. е. мѣста, въ которомъ мы себя считали), и по опредѣленіи отъ него курса (т. е. пути, которымъ кораблю плыть надлежало), Капитанъ, давъ о томъ приказаніе свое вахтенному (на стражѣ стоящему) Лейтенанту, легъ спать. Насталъ десятой часъ: время, въ которое по соображенію скорости хода, должны мы были проходить между Шведскимъ берегомъ и островомъ Борнгольмомъ. Вѣтръ усилился. Ходъ корабля былъ чрезвычайно быстрый — по 20 верстъ въ часъ. Ночь претемная. Поставленные нарочно для смотрѣнія на бакѣ (т. е. на носу корабля) люди, на вопросъ часто повторяемый: не видать ли земли? отвѣтствовали всегда— ничего невидать! Въ сихъ обстоятельствахъ Штурманъ (исчислитель пути корабельнаго) беретъ карту, смотритъ на нее, мѣряетъ и пожимаетъ плечами. Вахтенный Лейтенантъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ что ты посматриваешь на карту и пожимаешься? Онъ отвѣчаетъ: островъ этотъ меня крѣпко безпокоитъ; курсъ нашъ по картѣ, конечно, хорошъ, ведетъ мимо его; но кто можетъ положиться на точность исчисленія? При томъ же мрачность погоды не позволила намъ яснымъ разсмотрѣніемъ береговъ хорошенько повѣрить онаго; и такъ если положить, что подлинное мѣсто наше въ 8 часовъ было мористѣе (далѣе отъ Швед-

скихъ береговъ), нежели какъ означенный намн на картѣ пунктъ показываетъ, то мы, идучи симъ курсомъ, попадемъ на островъ, а берега его такъ круты и приглубы, что при такой темнотѣ и скорости хода, не успѣемъ мы его увидѣть, какъ уже объ него ударимся, и можетъ быть разобьемся въ щепы. — Сомнѣніе сіе устрашило Лейтенанта. Онъ говоритъ: чтожъ намъ дѣлать? не разбудить ли Капитана? Штурманъ отвѣчаетъ: Капитанъ не поможетъ, потому что, полагая погрѣшность счисляемаго пункта въ одну сторону, путь сей опасенъ, а полагая ее въ другую, перемѣна онаго опасна; и такъ Капитанъ, не больше нашего о вѣрности пункта извѣстный, будетъ точно въ такой же нерѣшимости, какъ и мы. Разговоръ сей умножалъ отчасу болѣе страхъ ихъ, у котораго, какъ говорится пословица, глаза велики. Лейтенантъ нѣсколько разъ спрашивалъ: не сказать ли Капитану? Штурманъ отвѣчалъ всегда, что отъ того не произойдетъ никакой пользы. Мое бы мнѣніе, продолжалъ онъ, не сказывая ему, спуститься не много къ Шведскимъ берегамъ, и черезъ полчаса взять опять тотъ путь, которымъ теперь идемъ. Такимъ образомъ еслибъ и была предполагаемая мною погрѣшность въ счисленіи, то бы мы, не давъ ни кому того примѣтить, поправили оную и миновали островъ. Лейтенантъ, по нѣкото-

ромъ колебаніи, согласился на его предложеніе. Они перемѣняютъ путь, спускаются на два или на три румба (*) къ Шведскому берегу, дабы уклониться отъ ужасающаго воображеніе ихъ острова. Не прошло десяти минутъ, какъ люди, стоящіе на носу корабля, стали кричать: кажется, какъ будто земля чернѣется! — Гдѣ? — Въ правой рукѣ, передъ носомъ. — Вотъ, вскричалъ обрадованный Штурманъ, это Борнгольмъ! хорошо, что мы отъ него отворотили, а то бы попали прямо на него. Въ это самое время Капитанъ выходитъ изъ своей каюты; ему говорятъ: Борнгольмъ виденъ. Онъ спрашиваетъ: гдѣ? въ которой сторонѣ? Ему указываютъ. Онъ смотритъ и говоритъ: у меня глаза худы, я ничего не вижу. — Черезъ двѣ или три минуты, съ носу корабля вдругъ нѣсколько голосовъ закричали: кругомъ видна земля! Сіи слова всѣхъ какъ громомъ поражаютъ. Кадетской Капитанъ и Лейтенантъ М. . . выбѣгаютъ снизу на верьхъ. Послѣдній изъ нихъ, смотря на компасъ и видя, что корабль лежитъ не на томъ пути, какой положено было держать, закричалъ: лѣво руля! — Но едва онъ успѣлъ сіе

(*) Корабль правитъ по кругу, именуемому компасомъ, котораго окружность, для показанія странъ свѣта, раздѣляется на 32 точки, называемыя румбами.

произнести, какъ вдругъ почувствовали мы такой ударъ, что едва могли устоять на ногахъ. Корабль тотчасъ повернуло. Онъ сталъ бокомъ противъ вѣтра. Паруса заполоскали. Вѣтръ, не надувая ихъ болѣе, началъ сильно рвать и бить ихъ объ мачту. Подъ кораблемъ было только три сажени воды: онъ стоялъ уже дномъ своимъ на днѣ моря. Волны, подобныя горамъ, то поднимали его къ верху, то опускали стремительно внизъ. Тяжелая громада сія, имѣющая около двухъ сотъ тысячь пудовъ вѣсу, съ такою силою ударялась о землю, что, казалось, всѣ члены ея мгновенно расторгнутся и разсыплются; высота и тяжесть мачтъ съ висящими на нихъ реями и снастями, при каждомъ ударѣ, наклоняла ее часъ отчасу ниже на бокъ, такъ что напослѣдокъ верхнія пушки стали доставать до воды, и на палубѣ не можно было стоять, не схватясь за что-нибудь руками. Сначала людямъ велѣли идти на мачты, дабы убрать и закрѣпить паруса; они въ числѣ около ста человѣкъ, не смотря на трудность и угрожающую имъ великую опасность, полѣзли смѣло, и въ двѣ или три минуты были уже тамъ; но когда, при повтореніи нѣсколькихъ ударовъ, Капитанъ увидѣлъ что мачты, сами по себѣ высокія и тяжелыя, но еще болѣе тяжестію людей вверху обремененныя, поваляшъ корабль на бокъ, то велѣлъ тотчасъ

рубить ихъ. Время не позволяло обождать столько, чтобъ дать людямъ сойти на низъ. Должно было ими пожертвовать. Для того удовольствовались только тѣмъ, что закричали имъ: мачты рубятъ! Минута погибели наступала, (ибо съ первымъ или со вторымъ наклономъ корабля ожидали, что онъ повалится); надлежало ее предупредить; но какъ можно было въ нѣсколько секундъ срубить три дерева, каждое охвата въ два толщиною? Въ невозможности сего велѣли, какъ можно скорѣе съ надвѣтренной стороны перерубить токмо по нѣскольку талреповъ у вантъ каждой мачты (*).

Въ сіе время одинъ изъ матросовъ, самый пьяный и, за худое поведеніе, всегда почти въ оковахъ содержимый, оказываетъ удивительное усердіе и расторопность, Онъ подбѣгаетъ съ топоромъ къ Капитану и говоритъ ему: наложи руку, тюкни одинъ только разъ, остальное я все сдѣлаю. Капитанъ беретъ топоръ и ударивъ имъ по ве-

---

(*) *Имена* тонкихъ веревокъ (талрепы) при концахъ толстыхъ (ванты), которыми вершины мачтъ присоединяются къ бокамъ корабля, дабы при наклонахъ онаго на тотъ или другой бокъ, мачта поддерживаема была оными, и притомъ, чтобъ можно было по нимъ, какъ по лѣстницамъ, лазить на верхъ ея.

ревкѣ, отдаетъ ему оный обратно. Онъ цѣпокъ и скоръ, какъ дикая коза, въ одно мгновеніе перелетаетъ, обрубая веревки, отъ одной мачты къ другой. Корабль, между тѣмъ ударясь еще разъ объ землю, клонится съ великою быстротою на бокъ. Мачты, освобожденныя уже отъ поддерживанія веревками, не переносятъ болѣе стремительности наклона и всѣ три въ одинъ мигъ съ ужаснымъ трескомъ ломаются и падаютъ въ море. Изъ бывшихъ на нихъ людей ни одинъ не погибъ: всѣ они съ удивительнымъ проворствомъ успѣли по висячимъ веревкамъ спуститься на низъ. Матросъ, оказавшій толь великую расторопность при срубкѣ оныхъ, оказываетъ еще примѣрное великодушіе. Онъ, переруби послѣднія веревки у кормовой мачты, и въ то самое время какъ уже наступаетъ мгновеніе ей сломиться, видитъ впереди себя стоящаго спиною къ нему Офицера, и усматриваетъ, что когда мачта сломится, то концемъ висящаго на ней косвенно рея (бревна) его убьетъ. Онъ, не имѣя ни времени ему закричать, ни надежды, чтобы онъ въ шумѣ услышалъ его, бросается съ верхняго помоста, на которомъ онъ стоялъ, въ низъ къ сему Офицеру, толкаетъ его обѣими руками въ спину, но самъ не успѣваетъ уже отскочить: бревно ударяетъ его и кидаетъ безчувственна къ борту.

Облегченный отъ мачтъ корабль перестало съ боку на бокъ валять; но продолжало приподымать его валами и стучать о землю. Темнота ночи не позволила намъ осмотрѣть, гдѣ мы и на какую мель сѣли. Въ опасеніи, чтобъ корабль, двигаясь по дну моря, не насунулся на такой величины камень, который могъ его проломить, положили мы якорь. Вскорѣ руль выбило, многія наружныя доски или пояса, называемые обшивкою, отодрало, и въ кораблѣ показалась течь, такъ что накопляющуюся въ него воду едва всѣми помпами отливать могли. Состояніе наше послѣ срубленія мачтъ сдѣлалось бездѣйственное, но тѣмъ болѣе ужасное. Сильные удары потрясали всѣ члены корабля. Каждый часъ угрожалъ гибелью. Люди, приготовляясь къ смерти, надѣвали на себя бѣлыя рубашки. Священникъ въ облаченіи читалъ предъ образомъ молитвы; всѣ въ отчаянномъ страхѣ, иные падши ницъ, иные стоя на колѣняхъ, иные съ воздѣтыми къ небу руками, молились, и, какъ обреченныя жертвы, оплакивали послѣднія свои минуты. Между тѣмъ шумъ моря, скрыпъ членовъ корабля, унылый свистъ вѣтра вокругъ обломковъ мачтъ, и пушечные, для призванія помощи, ежеминутно производимые выстрѣлы, напоминали безпрестанно, что мы гибнемъ и нѣтъ спасенія. Посреди сей всеобщей горести и плача,

всѣхъ бодрѣе, всѣхъ веселѣе былъ между нами Констапель, Лифляндской дворянинъ *N*. . . . человѣкъ молодой, статный собою и хорошій мнѣ пріятель. Онъ съ распущенными волосами бѣгалъ по кораблю и поминутно кричалъ: пали! Часто подходилъ ко мнѣ, шутилъ, смѣялся и, утѣшая меня, говорилъ: не бойся! я сдѣлаю, что насъ услышатъ и подадутъ намъ помощь. — Наконецъ, послѣ ужасныхъ часовъ безконечной ночи, разсвѣтаетъ день. Мы видимъ себя въ двухъ или менѣе верстахъ подлѣ Шведскаго берега. Мнимый островъ Борнгольмъ былъ мысъ берега. Погрѣшность въ счисленіи дѣйствительно оказалась, но только съ тою еще ошибкою, что Штурманъ полагалъ настоящее мѣсто корабля далѣе отъ береговъ, нежели счисляемой на картѣ пунктъ, а оно напротивъ того было ближе, и потому для избѣжанія опасности надлежало бы не отъ Борнгольма къ нимъ, но отъ нихъ къ Борнгольму придержаться, то есть сдѣлать противное тому, что мы по несчастію сдѣлали.

Настало утро: мы узнали мѣсто пребыванія своего; но положеніе наше ни мало не сдѣлалось чрезъ то лучше. Вѣтръ дулъ тотъ же и столь же крѣпкій. Сила ударовъ не уменьшалась. Корабль нашъ приходилъ въ худшее состояніе, и сокрушеніе онаго становилось чрезъ нѣсколько часовъ неми-

нуемымъ. Внутри онаго царствовали смятеніе и страхъ. Капитанъ заперся въ каютѣ и не выходилъ изъ нее. Лейтенантъ W., былъ почти въ изступленіи ума! онъ лежалъ въ постелѣ своей и безпрестанно повторялъ: я виноватъ! я матросъ! я погибъ! Оставались дѣйствующими лицами кадетской Капитанъ и Лейтенантъ М. . . : которые оба, а особливо первый изъ нихъ сохранилъ въ себѣ отличное присутствіе духа и не преставалъ обо всемъ пещися. Онъ приставилъ къ виннымъ бочкамъ часовыхъ съ ружьями, дабы люди изъ отчаянія не покусились предаться пьянству, и далъ приказаніе, перваго, кто станетъ употреблять къ тому насильство, заколоть на мѣстѣ. Онъ созвалъ къ себѣ Офицеровъ, урядниковъ и нѣсколько человѣкъ изъ старшихъ матросовъ для совѣта (консиліума), на которомъ положено было слѣдующее: „Какъ нѣтъ никакой надежды къ спасенію корабля, (ибо „онъ при столь сильныхъ ударахъ черезъ „нѣсколько часовъ долженъ сокрушиться), „то остается только помышлять о спасеніи людей: для сего приступить немедленно къ выпусканію каната, дабы сила вѣтра „могла безпрепятственно двигать корабль „ближе къ берегу. Но какъ, вѣроятно, глубина станетъ по мѣрѣ того уменьшаться „и корабль остановится, въ такомъ случаѣ „стараться всѣми средствами облегчать

„его, а именно сталкивать и выбрасывать „пушки и всѣ большія тягости въ воду, ру- „бить помосты, пояса, доски, связывая ихъ „веревками вмѣстѣ, дабы въ то время, когда „корабль погибать начнетъ, люди на сихъ „плотахъ могли спасаться." Совѣтъ сей всѣ, бывшіе на немъ, утвердили и подписали. Кадетскій Капитанъ, какъ вторый на корабле начальникъ, понесъ оный къ Капитану на утвержденіе. Мы всѣ, стоя передъ дверями Капитанской каюты, ожидали съ нетерпѣніемъ выхода его изъ оной. Но вдругъ услышали гнѣвный крикъ: „вонъ отселѣ, вонъ! не смѣй ко мнѣ ходить: я хочу умереть здѣсь, и пусть всѣ со мною умираютъ!" Кадетскій Капитанъ выходитъ смущенъ, блѣденъ, и повторяетъ слышанный уже нами Капитанскій отвѣтъ: — Стонъ и вопль распространяются между всѣми, а особливо между нами — юношами. Мы всѣ, гардемарины, одинъ за другимъ бѣжимъ къ нему въ каюту и передъ нимъ рыдаемъ. Онъ вмѣсто того, чтобъ сжалиться надъ слезами нашими, выталкиваетъ и прогоняетъ насъ съ угрозами. Новый плачь и горе! Солнце приближалось уже къ полудню, и воображеніе, что корабль въ наступающую ночь развалится, увеличивало наше нетерпѣніе. Всѣ ропщутъ, пристаютъ къ кадетскому Капитану, чтобъ онъ принялъ начальство надъ кораблемъ. Онъ отказывается, не хо-

четъ, уговариваетъ всѣхъ, чтобъ отстали отъ сего требованія. Однако оно усиливается и всѣми единодушно повторяется. Кадетскій Капитанъ, видя непреклонную всѣхъ волю, напослѣдокъ соглашается. Онъ со всѣми Офицерами, гардемаринами, урядниками и многими матросами (всего человѣкъ сорокъ) входитъ въ каюту къ Капитану, бросается предъ нимъ на колѣни, проситъ, чтобъ онъ согласился на положенное въ совѣтѣ всѣхъ общее желаніе и единственное къ спасенію средство, не терпящее отлагательства времени. Всѣ другіе дѣлаютъ тоже, окружаютъ Капитана, ползаютъ предъ нимъ на колѣняхъ, цѣлуютъ полы платья его, рыдаютъ, молятъ. Онъ, непреклонный ни чѣмъ, упорствуетъ и гнѣвается: весь отвѣтъ его состоялъ въ словахъ: „трусы! вы не хотите умереть со мною. Вонъ отселѣ!" Тогда кадетскій Капитанъ встаетъ и говоритъ ему почтительнымъ, но твердымъ голосомъ: „батюшка N. . . N. . . . необходимо надобно согласиться: всѣ чины и служители корабельные сего желаютъ и въ случаѣ сопротивленія вашего требуютъ, чтобъ я, смѣня и засадя васъ подъ стражу, принялъ надъ ними начальство." При сихъ словахъ повелительный голосъ Капитана умолкаетъ, онъ задумывается, слезы появляются у него въ очахъ, онъ упадаетъ на грудь кадетскаго Капитана и съ кротостію говоритъ ему: „начинай

съ Богомъ! я соглашаюсь. Впрочемъ, если надобно, принимай начальство надъ кораблемъ." Нѣтъ, вскричалъ тогда Кадетскій Капитанъ, я иду исполнять не свою, не общую, но вашу единственную волю.

Сказавъ сіе, выходятъ изъ каюты. Тотчасъ приступаютъ къ исполненію того, что положено въ совѣтѣ. Сперва хотятъ столкнуть за бортъ нѣсколько пушекъ; но Лейтенантъ М. . . возражаетъ противу сего, представляя опасность, что корабль объ самыя сіи пушки, когда онѣ упадутъ подлѣ него на дно моря, проломленъ быть можетъ. И такъ отступаютъ отъ сего намѣренія и и велятъ только выпускать канатъ. — Корабль, получа свободу, сходитъ съ мѣста своего и движимый силою вѣтра и волнъ, идетъ, стучитъ о землю, и раздираніемъ ея раздираетъ дно свое на части: мы всѣ въ трепетѣ, въ страхѣ, ожидаемъ разрушенія его; но едва перешелъ онъ сорокъ или пятьдесятъ саженъ, какъ мѣряющій на кормѣ глубину Подштурманъ закричалъ: „воды подъ кораблемъ три съ половиною сажени." Слова сіи произвели неописанную радость. Полсажени прибавилось — повторили всѣ. Вскорѣ потомъ закричалъ онъ опять: „четыре сажени! и въ слѣдъ за тѣмъ опять — четыре съ половиною сажени! — Каждое восклицаніе сіе было какъ бы нѣкій благодатный гласъ, отсрочивающій

нашу погибель. Всѣ закричали тотчасъ: положить якорь! положить якорь!

Дѣйствительно якорь въ ту же минуту былъ брошенъ, и корабль, ставъ на вольной водѣ, пересталъ ударяться о землю. Восторгъ нашъ въ первыя минуты былъ чрезвычайный: мы обнимались, цѣловались, плакали отъ радости, поздравляли другъ друга; но вскорѣ оный весьма уменьшился: размышленіе, что мы безъ мачтъ, безъ руля, что корабль нашъ течетъ, что, вѣроятно, глубина сія есть небольшая окруженная мѣлью яма, изъ которой намъ не льзя будетъ выдти; что можетъ быть якорь насъ не удержитъ, или что вѣтръ, сдѣлавшись съ другой стороны, поворотитъ корабль и кинетъ опять на ту мѣль, съ которой онъ сошелъ. Всѣ сіи воображенія снова погрузили насъ въ уныніе, и наступающая ночь казалась намъ столь же страшною, какъ и прошедшая.

Между тѣмъ однакожъ съ великимъ трудомъ спустили мы шлюпку, съ тѣмъ, чтобъ отправить ее на берегъ для требованія помощи. На ней посылался Констапель и при немъ два человѣка солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. Я въ это время былъ на низу корабля въ моей каютѣ. Констапель прибѣгаетъ ко мнѣ и съ восхищеніемъ говоритъ: „Знаешь ли что? меня посылаютъ на берегъ. Поѣдемъ со мною. Здѣсь опасно оставаться, а тамъ мы будемъ спокойны. Хо-

чешь ли, я скажу Капитану, что ты мнѣ надобенъ?" Я съ радостію согласился, и мы пошли вмѣстѣ; но лишь только приходимъ мы къ дверямъ Капитанской каюты, какъ вдругъ, не знаю отъ чего, родившійся во мнѣ страхъ перемѣняетъ во мнѣ мысли. Я останавливаю Констапеля и усильно прошу его: ради Бога! не говори обо мнѣ Капитану, я не хочу ѣхать. — Онъ удивляется; спрашиваетъ меня, что тебѣ сдѣлалось? проситъ, убѣждаетъ, говоритъ: эй! ты будешь жалѣть о томъ, да ужь поздо. Черезъ пять минутъ мы будемъ на берегу.—Но всѣ слова его были тщетны; я стоялъ упорно въ моемъ намѣреніи, и просилъ его убѣдительно, не упоминать имени моего предъ Капитаномъ. Онъ вошелъ въ каюту и, получа приказаніе, вышелъ оттуда, чтобъ сѣсть въ шлюбку, которая стояла уже у борту, совсѣмъ готовою. Мы примѣтили въ немъ великую перемѣну: онъ былъ смутенъ, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходѣ съ корабля на шлюпку сказалъ онъ намъ: „прощайте, братцы! я первый ѣду на смерть!—и шлюпка отвалила, распустила паруса, понеслась птицею по морю, ныряетъ между валами; мы провожаемъ ее глазами и наконецъ съ ужасомъ видимъ, что она, подходя къ берегу, опрокидывается... Тутъ бросился я въ свою каюту, затворился въ ней и, упавъ на колѣни, изъ глубины души моей благода-

рилъ Бога за внушенную въ мысли мои перемѣну, избавившую меня отъ предстоявшей мнѣ погибели. Потомъ легъ въ постелю. Печальное воображеніе о пріятелѣ моемъ, несчастномъ Констапелѣ, долго меня тревожило, пока напослѣдокъ усталость и проведенныя въ страхѣ и безпокойствѣ ночь и утро — погрузили меня въ крѣпкій сонъ. . .

Но сонъ мой недолго продолжался; вдругъ будятъ меня съ торопливостію и говорятъ: „Капитанъ спрашиваетъ, скорѣе, скорѣе!" Я испугавшись и съ просонку вскочилъ и бѣгу, какъ былъ, въ тулупѣ. Вижу, что уже смерклось; нахожу на бортѣ (*) много людей, смотрѣвшихъ на лодку съ двумя человѣками, держащуюся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ корабля. Капитанъ приказываетъ мнѣ, расспросить у нихъ, откуда они и кто ихъ прислалъ? (Надобно знать, что на всемъ кораблѣ не было никого, выключая Констапеля и меня, кто бы на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ Рускаго, умѣлъ говорить). Я спрашиваю; они худымъ Нѣмецкимъ языкомъ отвѣчаютъ, что послалъ ихъ нѣкто господинъ

(*) Бортомъ называется вершина корабельнаго бока, покрываемая досками или довольно широкимъ помостомъ, по которому ходить можно. Такъ и весь бокъ подъ симъ именемъ разумѣется.

Салдернъ изъ города Истеда, для провѣданія о нашемъ кораблѣ. Капитанъ велѣлъ ихъ звать на корабль; однакожъ они на то не согласились, отзываясь, что, по причинѣ ночи и крѣпчающаго вѣтра, не могутъ долѣе оставаться; въ самомъ же дѣлѣ казалось, что они, считая насъ въ крайности, опасались, чтобъ мы не завладѣли ихъ лодкою. Насилу, по великой просьбѣ и убѣжденіямъ, чтобъ взяли отъ насъ съ собою человѣка, пристали они, и то не къ борту, а къ висячей съ кормы веревочной лѣстницѣ, и притомъ требуя, чтобъ посылаемый тужъ минуту сошелъ, или они отвалятъ и уѣдутъ. Капитанъ, оборотясь ко мнѣ, приказываетъ, чтобъ я тотчасъ по сей лѣстницѣ спустился къ нимъ на лодку и ѣхалъ съ ними. Сіе неожиданное приказаніе и скорость времени, съ какою надлежало оное исполнить, такъ меня поразили, что я, какъ бы обезумленный, не зналъ что со мною дѣлается, и не прежде опомнился, какъ уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля. Обезображенный видъ онаго и горящіе на немъ огни привели мнѣ на память, что я уже не на немъ больше, не съ товарищами вмѣстѣ, но одинъ, на малой лодкѣ посреди бурнаго моря. Ужасъ объялъ меня. Мы плыли не прямо на берегъ, куда послана была наша погибшая шлюбка; опасность отъ

буруна (*) не позволяла намъ туда ѣхать, а держали въ небольшой городокъ, называемый Истедъ. Онъ лежалъ верстахъ въ 10 отъ корабля. Мы должны были плыть противъ вѣтра, противъ валовъ, которые въ темнотѣ, какъ бы нѣкія мрачныя горы, бѣжали поглотить щепку, на коей мы сидѣли; но не могши, по уступчивой имъ легкости ея, всею своею глыбою на нее обрушиваться, казалось, довольствовались только тѣмъ, что пѣнящимися вершинами своими съ яростію на нее брызгали. Однакожъ и однѣ сіи брызги были не безопасны: вода накоплялась отъ нихъ въ лодкѣ, такъ что изъ двухъ бывшихъ на ней человѣкъ одинъ только гребъ веслами, а другой безпрестанно выливалъ воду. Въ страхѣ, чтобъ насъ не залило, сѣлъ я въ самой носъ лодки, дабы спиною своею сколько нибудь удерживать летящія съ волнъ брызги. Состояніе мое было со всѣхъ сторонъ жалкое: я былъ въ одномъ тулупѣ (какъ всталъ съ постели); не знаю, кто сунулъ мнѣ въ руки матросскую шляпу; ибо и той у меня въ ту минуту, какъ вдругъ меня послали, не было, и время не позволяло взять. Я не имѣлъ съ собою ни полушки денегъ, ниже куска хлѣба; не зналъ,

---

(*) Симъ именемъ называется волненіе, производимое сильнымъ вѣтромъ, дующимъ съ моря.

съ кѣмъ, куда и за чѣмъ ѣду; ибо не сказано мнѣ было ни одного слова, кромѣ сего: „ступай, ступай скорѣе!“ — Плаваніе наше продолжалось слишкомъ восемь часовъ. Во все сіе время холодный осенній вѣтръ дулъ въ меня, обмоченнаго съ ногъ до головы такъ, что не осталось на мнѣ ни одной сухой нитки. Мы пріѣхали въ городъ часу въ третьемъ по полуночи. Я вышелъ изъ лодки, какъ сонной, почти безъ памяти. Матросы мои привели меня въ какой-то домъ; подали огня, разбудили хозяина. Онъ вышелъ ко мнѣ и сталъ со мною говорить; но я не могъ отвѣчать ни слова: языкъ мой не ворочался, я былъ какъ деревянный. Хозяинъ велѣлъ подать мнѣ рюмку вина, я выпилъ, онъ начинаетъ опять говорить со мною; но видя, что я ничего не отвѣчаю, оставляетъ меня одного и уходитъ. Я не знаю самъ, что дѣлаю, иду вонъ изъ горницы, схожу съ низкаго крыльца, и, отойдя сажень двадцать, останавливаюсь. Память возвращается ко мнѣ, и я думаю: куда я иду? Осматриваюсь кругомъ, и въ темнотѣ ничего не вижу. Хочу идти назадъ, но не могу вспомнить, съ которой стороны я пришелъ на это мѣсто. Въ семъ недоумѣніи прихожу въ отчаяніе; ноги мои подкашиваются подо мною, я невольно сажусь на землю и теряю совершенно всякое понятіе и память. По долгомъ нѣкоемъ забытіи, съ отмѣнною

легкостію и свободою чувствъ открываю глаза: вижу свѣтъ, и вижу, что я въ какой-то избушкѣ лежу раздѣтый на соломенной постелѣ, между двумя какими-то незнакомыми мнѣ человѣками, которые подлѣ меня крѣпко спятъ. Протираю глаза, не вѣрю самъ себѣ; думаю, что это мнѣ во снѣ видится. Но между тѣмъ чувствую въ себѣ новыя силы, новую бодрость, свѣжесть и веселіе. Напослѣдокъ хозяева мои просыпаются, и я узнаю отъ нихъ, что они тѣ самые матросы, которые привезли меня на лодкѣ (ибо я до сего времени въ лицо ихъ не видалъ за темнотою). Они, возвращаясь домой изъ того дома, куда меня приводили, нечаянно наткнулись на меня, сидящаго согнувшись на улицѣ, и видя, что я въ безпамятствѣ, подняли меня, отвели, или лучше сказать, отнесли въ свою хижину, раздѣли, разули и положили между собою въ постелю, гдѣ я, успокоенный, обсохшій и согрѣтый, сладко уснулъ. Не имѣя чѣмъ возблагодарить сихъ добрыхъ людей, я только обнималъ ихъ и цѣловалъ. Тутъ я обулся, надѣлъ на себя едва просохшій и весь оскорузлый мой тулупъ, и просилъ ихъ отвести меня къ тому господину Салдерну, у котораго мы были прошедшую ночь. Я объяснилъ ему причину, по которой за нѣсколько часовъ передъ симъ не могъ ему на вопросы его отвѣчать; просилъ, чтобъ онъ подалъ кораблю нашему по-

мощь. Онъ сказалъ мнѣ: „я здѣсь человѣкъ заѣзжій, случайно остановившійся и не имѣющій никакой власти надъ городомъ; братъ мой родной находится въ вашей службѣ, и потому принимая въ васъ участіе и услышавъ о бѣдствіи Рускаго корабля, нанялъ я лодку и послалъ о томъ провѣдать; здѣсь начальствуетъ бургомистръ; сходите къ нему и требуйте отъ него помощи; — но совѣтую вамъ, не говорить, что вы въ крайней опасности, для того, что эти люди, въ ожиданіи добычи, обыкновенно при разбитіи судовъ получаемой, не станутъ вамъ охотно помогать.“ Съ симъ сдѣланнымъ мнѣ наставленіемъ пошелъ я къ бургомистру; но не зналъ самъ хорошенько, какихъ пособій мнѣ отъ него требовать. Отъѣздъ мой съ корабля былъ съ такою поспѣшностію, что Капитанъ не успѣлъ ничего мнѣ приказать. Идучи дорогою, размышлялъ я о семъ. Первое представлялось мнѣ самонужнѣйшимъ, истребовать лоцмановъ, которые бы взялись проводить (буде можно) корабль въ безопасное мѣсто. Второе, у насъ было много больныхъ, а именно: болѣе ста человѣкъ, и потому казалось мнѣ нужнымъ послать на корабль нѣсколько лодокъ, которыя бы всѣхъ ихъ свезли на берегъ. Съ сими мыслями пришелъ я къ бургомистру. Онъ принялъ меня ласково, охотно выслушалъ мою просьбу, и

тотчасъ отправилъ на корабль двухъ лоцмановъ и десять или болѣе лодокъ.

По счастію, вѣтръ сдѣлался тише, и всѣ больные въ тотъ же день свезены были на берегъ къ тому мѣсту, куда послана была наша шлюбка. Бургомистръ пригласилъ меня у него отобѣдать, чему я былъ очень радъ, потому что крѣпко проголодался, и, не имѣя денегъ, не имѣлъ надежды что нибудь поѣсть. За столомъ онъ много разговаривалъ со мною (разумѣется по Нѣмецки), и, казалось, меня полюбилъ. Послѣ обѣда былъ я въ великомъ затрудненіи, гдѣ ночевать: отыскалъ одну маленькую гостинницу (трактиръ); но хозяинъ не хотѣлъ меня пустить, отговариваясь, что онъ не принимаетъ болѣе никакихъ постояльцевъ; въ самомъ же дѣлѣ (какъ онъ послѣ самъ мнѣ признался) опасаясь имени Рускаго, которое со временъ Петра Великаго не преставало у нихъ быть страшнымъ. Наконецъ однакожъ далъ мнѣ комнату и постелю. Я ночевалъ спокойно, и, поутру проснувшись, узналъ, что ночью вѣтръ скрѣпчалъ такъ, что лодки не могли болѣе ходить по морю и всякое сообщеніе между берегомъ и кораблемъ пресѣклось. Зная, что на томъ мѣстѣ (ибо въ бытность мою на кораблѣ я оное видѣлъ), куда свезены больные, нѣтъ никакого строенія, кромѣ одной малой избушки, и воображая, что они должны лежать на открытомъ

воздухѣ, пришелъ я объ нихъ въ сожалѣніе. Я захотѣлъ ихъ увидѣть. Какъ ни трудно казалось мнѣ, идти туда и назадъ пѣшкомъ (ибо мѣсто сіе находилось верстахъ въ осми отъ города), однакожъ я пошелъ. Дующій съ моря бурный вѣтръ, сырая погода, и непротоптанная по песчанымъ буграмъ дорога, весьма меня утомляли; а печальный видъ стоящаго вдали корабля нашего, и воображеніе, что иду туда, гдѣ шлюбка наша погибла, наводили мнѣ уныніе. По приходѣ же моемъ представилось мнѣ плачевное зрѣлище: больные, слишкомъ сто человѣкъ, лежали на берегу, ни чѣмъ отъ вѣтра незакрыты, безъ пищи, безъ одежды, безъ всякаго призрѣнія. По свозѣ ихъ съ корабля, вѣтръ вдругъ сдѣлался крѣпокъ, такъ что ничего для нихъ свезти не могли, даже и самъ лѣкарь съѣхать не успѣлъ. Они, увидя меня, всѣ застонали и стали жаловаться, что умираютъ отъ голоду и холоду. Жалко было смотрѣть на нихъ; но чѣмъ помочь? По несчастію, съ ними присланъ былъ солдатской Капитанъ, человѣкъ (какъ уже сказано) безразсудный, жестокосердый, и тѣмъ больше дерзкій, что корабельный Капитанъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ опасался его и не смѣлъ раздражать. Сей жестокій человѣкъ, вмѣсто того, чтобъ одного или двухъ изъ находящихся при немъ здоровыхъ людей послать для закупки хлѣба въ городъ, употреблялъ

ихъ, и такъ уже измученныхъ и голодныхъ на такую работу, гдѣ они подвергались не только совершенному изнуренію силъ, но и опасности утонуть, а именно: къ берегу прибило наши сломленныя мачты; онъ, подъ видомъ соблюденія *казеннаго интереса*, въ самомъ же дѣлѣ для собственной своей корысти, посылалъ людей сихъ по поясъ въ воду, обрѣзывать отъ мачтъ снасти (веревки). — Второе зрѣлище было еще плачевнѣе: неподалеку отъ страдающихъ больныхъ лежали выкинутыя со шлюбки тѣла, изъ коихъ иныя столь обезображены были, что на лицахъ ихъ не видно было ни глазъ, ни носа: такъ волнами разбило ихъ о шлюбку! Между ими лежалъ и пріятель мой, Констапель. Я, проливъ о немъ слезы, возблагодарилъ еще Бога за Его чудесное спасеніе меня отъ одинакой съ ними участи. Мы вырыли въ песку яму и, оплакавъ ихъ, похоронили. Ихъ всѣхъ минутъ черезъ десять выкинуло изъ воды; но, отъ смерти, изъ тринатцати человѣкъ избавились только два гребца. Одинъ изъ нихъ расказалъ мнѣ, какъ онъ спасся: „когда шлюбку опрокинуло (говорилъ онъ), я умѣя хорошо плавать, хотѣлъ бороться съ волнами; но вдругъ почувствовалъ, что нѣкто тянетъ меня на дно; это былъ сидѣвшій подлѣ меня унтеръ-офицеръ, который такъ крѣпко за меня уцѣпился, что я никакъ оторваться отъ него не могъ, покуда

онъ самъ потерялъ чувство и меня въ такое же состояніе привелъ. Я, уже не помня, что со мною происходило, очувствовался на берегу подлѣ камня; волна, выбросившая меня набѣжала опять, покрыла меня снова, и, стекая съ берега, силилась увлечь съ собою; я схватился за камень, и когда увидѣлъ себя опять на сушѣ, то спѣшилъ скорѣе всползти на берегъ, и хотя волна еще разъ догнала меня, однако была уже такъ слаба, что не могла стащить меня съ мѣста, и я отъ нее ушелъ."—

Выслушавъ повѣствованіе сего матроса, и видя, что уже день клонится къ вечеру, я спѣшилъ возвратиться въ городъ, обнадежа больныхъ, что приложу объ нихъ всевозможное попеченіе. На возвратномъ пути утѣшало меня немного то, что съ корабля присланы ко мнѣ были мундиръ мой, шляпа и нѣсколько денегъ. Я пришелъ уже ночью, потому что отъ усталости часто принужденъ былъ отдыхать на дорогѣ, однако тужъ минуту пошелъ къ бургомистру, и, расказавъ ему о несчастномъ положеніи нашихъ больныхъ, просилъ, чтобъ онъ скорымъ пособіемъ постарался избавить ихъ изъ такого состоянія, въ которомъ, если оно долго продолжится, многіе изъ нихъ лишатся жизни. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что для сего надобно непремѣнно письменное требованіе отъ того, кто надъ ними начальникъ, и что

какъ скоро онъ получитъ оное, то немедленно по немъ исполнитъ; но что безъ сего требованія, которое надлежитъ ему объявить въ Магистратѣ, онъ ничего сдѣлать не можетъ. Я отъ него пошелъ къ Салдерну: сей, услыша обо всемъ мною сказанномъ, велѣлъ тотчасъ отвезти на лошади къ больнымъ нашимъ нѣсколько хлѣбовъ, боченокъ пива и нѣкоторое число денегъ, сказавъ, что онъ желалъ бы сдѣлать для нихъ что нибудь болѣе, но никакой другой помощи подать не въ состояніи. Мы съ нимъ простились, потому что онъ чрезъ нѣсколько часовъ сбирался уѣхать.

На другой день, лишь только разсвѣло, я опять пошелъ туда пѣшкомъ. Солдатской Капитанъ принялъ меня сурово, и сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ и угрозами: „знаешь ли ты, что я здѣсь начальникъ? Какъ ты смѣлъ вчера уйти отселѣ безъ спроса? Ежели ты еще разъ осмѣлишься это сдѣлать, то я тебѣ руки и ноги переломаю.“ — Толь грубыя слова весьма меня огорчили; я не опасался угрозъ его, но боялся слѣдствій нашей ссоры; ибо въ случаѣ какой либо дальнѣйшей отъ него дерзости, я бы принужденъ былъ обратиться къ людямъ съ просьбою защитить меня; а люди такъ были противъ него озлоблены, и столько изъявляли мнѣ благодарности за попеченіе мое объ нихъ, что при малѣйшемъ отъ меня ободреніи легко

могло бы родиться изъ сего какое либо несчастное происшествіе. Сія опасность преодолѣла во мнѣ движеніе гнѣва, и я отвѣчалъ ему съ кротостію, что я конечно признаю его начальникомъ надъ собою и готовъ ему повиноваться; но что я посланъ въ городъ, и тамъ для исправленія порученнаго мнѣ дѣла быть долженъ; что если онъ задержитъ меня здѣсь, то воспрепятствуетъ мнѣ исполнить повелѣнное, и тогда, въ случаѣ какихъ либо съ моей стороны упущеній, останется это на его отвѣтѣ. Сіи слова смягчили нѣсколько суровость его, и онъ сказалъ мнѣ: по крайней мѣрѣ ты долженъ спрашиваться у меня, когда отселѣ пойдешь. Я не сталъ ему въ томъ противурѣчить, а только сказалъ: вотъ и сегодня я былъ у Бургомистра и требовалъ пособій для нашихъ больныхъ: онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы прислали къ нему съ подписаніемъ вашего имени требованіе, какія вещи и что именно для нихъ и для васъ надобно, тогда онъ все исполнитъ и приготовитъ. — Онъ отвѣчалъ мнѣ на это: „я не имѣю *ордера*, и требовать самъ собою ничего не могу.“ — Но подумайте, возразилъ я, люди и такъ уже другую ночь лежатъ безъ пищи, безъ одежды и безъ прикрытія; крѣпкій вѣтръ, не позволяющій имѣть сообщеніе съ кораблемъ, можетъ продолжиться еще два или три дня, или болѣе; какъ же могутъ больные вынести

сіе? Они всѣ помрутъ. „Я не знаю этого (отвѣчалъ онъ), скоро *ли* стихнетъ вѣтръ и помрутъ *ли* они, или нѣтъ; знаю только, что *я*, безъ писменнаго Капитанскаго *ордера*, никакой отъ себя бумаги не дамъ.“ — Вы можете подвергнуть себя великой бѣдѣ и отвѣту (сказалъ *я*). — Тутъ нахмуря брови, отвѣчалъ онъ мнѣ съ сердцемъ: „ты, молокососъ, еще не родился, а *я* ужъ былъ въ службѣ; такъ *я* у тебя учиться не стану.“ — Видя, что *я* ничѣмъ сего безразсуднаго человѣка убѣдить не могу, испросилъ *я* у него позволеніе идти въ городъ, и пошелъ. Нѣкоторые изъ здоровыхъ матросовъ провожали меня сажень съ пятьдесятъ; они со слезами просили меня, ихъ не оставить; *я* ободрялъ ихъ, сколько могъ, и поручилъ имъ утѣшать и обнадежить больныхъ, чтобъ они не унывали и не отчаявались въ помощи. Между тѣмъ, на вопросъ мой, получили ль они присланныя къ нимъ вчера ночью отъ Салдерна хлѣбы, пиво и деньги? отвѣчали они, что къ Капитану привезли нѣчто на лошади, но что они совсѣмъ ничего не видали, и уже двои сутки не имѣли куска хлѣба во рту. Сіе меня крайне удивило и опечалило: какъ, думалъ *я*, не уже ли человѣкъ этотъ до такой степени злонравенъ, что отниметъ у нихъ сіе малое въ крайности пособіе?

Я спѣшилъ въ городъ, и, не смотря на чрезвычайную усталость, пришелъ прямо

къ Бургомистру. Первое мое движенie было, броситься къ нему на шею и просить о сохраненiи жизни многимъ несчастнымъ. Онъ удивился и спросилъ меня: какимъ образомъ? Тогда я принужденъ былъ чистосердечно ему открыться и пересказать все, бывшее со мною. Если вы не согласитесь (примолвилъ я) безъ всякаго сношенiя съ приставленнымъ надъ ними начальникомъ подать имъ руку помощи, то половина изъ нихъ, а можетъ быть и всѣ они помрутъ. — Бургомистръ долго сомнѣвался, отговаривался, колебался, однако наконецъ смягченный неотступною моею прозьбою, а особливо увѣренiями, что такое его благодѣянiе сдѣлаетъ имя его извѣстнымъ въ Россiи, далъ мнѣ слово, и спросилъ, какую помощь имъ подать? Я отвѣчалъ: 1-е, отвести домъ, который бы нетѣсенъ, чистъ и тепелъ былъ; 2-е, купить хлѣба, зелени, свѣжаго мяса, и приказать изготовить для нихъ пищу; 3-е, приставить одного или двухъ лѣкарей, которые бы за ними ходили и лѣкарство имъ прописывали; 4-е, напослѣдокъ, послать столько подводъ, чтобы всѣхъ больныхъ однимъ разомъ забрать и привезти. — Все это исполнено было въ точности. Бургомистръ пошелъ самъ со мною; домъ отвели, вычистили, протопили, постлали соломенныя постели, и стали кушанья стряпать. Привели двадцать подводъ, пришли два лѣ-

каря, и я вмѣстѣ съ ними отправился туда на телѣгѣ. Солдатской Капитанъ, услыша обо всемъ сдѣланномъ мною, перемѣнилъ суровой видъ свой на ласковой, и, ни мало не прекословя, велѣлъ больныхъ класть и сажать на подводы. Всѣ они, какъ хворые, такъ и здоровые, чрезвычайно были обрадованы. Мы пріѣхали въ городъ, когда уже смерклось: освѣщенный домъ, теплые покои, свѣжая пища, послѣ толь долгаго мрака, холода, изнуренія и отчаянія, всѣхъ ихъ такъ оживили, что у самыхъ слабыхъ и почти безъ движенія лежавшихъ написана была на лицѣ радость. Я такъ утомился, что какъ скоро пришелъ домой, то кинулся въ постелю и тужъ минуту заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день вѣтръ сталъ тише. Я нанялъ лодку и поѣхалъ на корабль, чтобъ донесть Капитану о всемъ происходившемъ, и нашелъ тамъ всѣхъ въ радости: корабль перетянулся; лоцмана вывели его далѣе въ море, на глубину пятнатцати саженъ. Онъ былъ внѣ опасности въ разсужденіи мелей; но оставалось еще великое сомнѣніе въ его спасеніи: гавань въ Истедѣ была такъ мѣлка, что онъ не могъ въ нее войти, а къ походу былъ безнадеженъ; однакожь нечего было дѣлать, надлежало помышлять о походѣ; положили идти въ ближайшій Шведскій городъ *Карлсгамнъ*, имѣющій хорошую гавань и отстоящій отъ Истеда верстъ шестьдесятъ

или семдесятъ; но какъ корабль чрезвычайно текъ и опасно было, чтобъ на морѣ при умноженіи течи онъ не утонулъ, то разсудили нанять находившіяся на тотъ разъ въ Исштедской гавани два купецкія судна, съ тѣмъ, чтобъ оныя провожали корабль, и если случится, что онъ будетъ тонуть, то старались бы спасти съ него людей. Въ семъ намѣреніи Капитанъ послалъ меня опять на берегъ, съ приказаніемъ привезти ему отвѣтъ, пожелаютъ ли корабельщики (шкипера) тѣхъ двухъ судовъ наняться, и чего будутъ просить. Я съѣздилъ на берегъ, переговорилъ съ ними, и, возвратясь назадъ, донесъ, что они соглашаются, но меньше трехъ тысячь рублей не берутъ. Капитанъ послалъ меня опять и велѣлъ давать двѣ тысячи. Корабельщики отвѣчали мнѣ, что они получили письма, по которымъ нужно имъ идти въ свой путь, и что потому не могутъ они теперь и той цѣны взять, какую просили; а если хотятъ нанять ихъ, то заплатили бы четыре тысячи рублей, и то съ тѣмъ, чтобъ чрезъ сутки дать имъ рѣшительный отвѣтъ. Съ симъ извѣстіемъ поѣхалъ я опять на корабль. Надобность принудила Капитана дать просимую ими цѣну, но какъ на кораблѣ столько наличныхъ денегъ не было, то надлежало занять ихъ и съ корабельщиками сдѣлать письменной договоръ. Капитанъ велѣлъ мнѣ отправиться

на берегъ и все сіе, какъ можно скорѣе привесть къ окончанію. Я пріѣхалъ къ пріятелю моему бургомистру (ибо онъ меня очень полюбилъ и я у него всякой день обѣдалъ). Занятіе денегъ требовало нѣкотораго времени, потому что одинъ бургомистръ безъ собранія Магистрата сдѣлать сего не могъ. Написать договоръ я не умѣлъ, не только на Нѣмецкомъ, ниже на Рускомъ языкѣ; и такъ это весьма меня затрудняло. Бургомистръ вступился въ мои хлопоты, сочинилъ договоръ, которой я перевелъ потомъ на Руской языкъ. Въ немъ сказано было, что половинное число денегъ (т. е. двѣ тысячи руб.) вручить корабельщикамъ на мѣстѣ, а другую половину, *заявя о томъ бургомистру*, заплатить по прибытіи въ Карлсгамнъ; они же съ своей стороны обязываются тотчасъ, какъ скоро на кораблѣ сдѣланъ будетъ условный знакъ, забрать на суда свои нашихъ больныхъ, придти къ кораблю, и во время путешествія его идти съ нимъ вмѣстѣ до Карлсгамна, не отлучаясь отъ него и держась всегда ближе, дабы въ случаѣ несчастія можно было съ корабля свезти на нихъ людей, о спасеніи которыхъ должны они прилагать всевозможное стараніе. Корабельщики согласны были на сіи условія, и такъ осталось только имъ и Капитану подписать ихъ. Я поѣхалъ съ ними на корабль: Капитанъ и они подписали договоръ, напи-

санный на Нѣмецкомъ языкѣ съ Рускимъ переводомъ. Капитанъ послалъ меня еще разъ на берегъ, съ тѣмъ, чтобъ занять въ Магистратѣ половинное число денегъ (двѣ тысячи рублей) и отдать имъ при бургомистрѣ, заявя ему, что остальныя двѣ тысячи заплачены будутъ по прибытіи въ Карлсгамнъ. Все это сдѣлано было, и я простясь съ бургомистромъ и поблагодаря его за всѣ ко мнѣ ласки, поѣхалъ на корабль, не имѣя никакой болѣе надобности возвращаться на берегъ.

Корабль между тѣмъ приготовлялся къ походу. На обломки мачтъ поставлены были запасныя стеньги (тонкія мачты) съ поднятыми на нихъ реями и парусами; вмѣсто настоящаго руля придѣланъ былъ искусственный, какимъ оный по нуждѣ иногда замѣняется. Оставалось докончить еще нѣкоторыя работы и ожидать благополучнаго вѣтра. Всего больше устрашало насъ позднее время (ибо тогда былъ уже Ноябрь мѣсяцъ). Первый мой съѣздъ съ корабля, трудная ходьба пѣшкомъ нерѣдко ночью и въ сырую погоду по песчаному берегу, частые и далекіе въ глубокую осень по открытому морю переѣзды съ корабля на берегъ, и безпрестанныя заботы и хлопоты, оказали напослѣдокъ дѣйствія свои: я занемогъ, и въ послѣднее возвращеніе мое на корабль чувствовалъ уже такой жаръ, что по пріѣздѣ принужденъ былъ тотчасъ лечь въ постелю. На другой день стало мнѣ

*

еще хуже. Корабль былъ уже совсѣмъ готовъ; вдругъ слышу я превеликую радость; кричатъ: „вѣтръ перемѣнился! вѣтръ сдѣлался благополучной!“ Подняли тотчасъ знакъ, чтобъ нанятыя суда шли къ кораблю. Ожидаютъ ихъ съ нетерпѣніемъ (ибо вся надежда спасенія состояла въ попутномъ вѣтрѣ, и потому крайне опасались, чтобъ его не упустить). Проходитъ часъ, и другой, и третій; суда нейдутъ. Палятъ изъ пушекъ; даютъ имъ знать, чтобъ онѣ шли немедленно. Нѣтъ! не появляются. Наступаетъ вечеръ; не знаемъ что думать. Радость наша превращается въ непонятное и грустное удивленіе. Ночь проходитъ въ безпокойствѣ. Поутру, съ разсвѣтомъ дня, поднимаютъ опять знакъ и возобновляютъ пальбу изъ пушекъ; нѣтъ! суда нейдутъ. Капитанъ велѣлъ спустить шлюпку и сказать мнѣ, чтобъ я ѣхалъ на берегъ, узнать о причинѣ сей медленности судовъ. Я отвѣчаю ему, что я не въ состояніи, лежу въ постелѣ, и не могу встать на ноги. Онъ велѣлъ мнѣ повторить, что необходимость требуетъ того, и прислалъ людей поднять меня съ постели и отнести на рукахъ. Люди подняли меня, принесли къ борту, подвязали веревками и опустили на шлюбку. По прибытіи въ городъ, два человѣка отнесли меня къ бургомистру; онъ удивился моему пріѣзду и весьма обо мнѣ сожалѣлъ; посадили меня

въ кресла, обклали подушками, и я пересказалъ ему, за чѣмъ присланъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ корабельщиковъ, и по объясненіи вышло слѣдующее недоразумѣніе: въ договорѣ, въ условіи о деньгахъ поставлено было слово *deponiren*, которое, я не разумѣя хорошенько, перевелъ: *заявить бургомистру*, а надлежало перевесть *положить за руки*. Я понималъ такъ, что остальныя двѣ тысячи рублей заплатить имъ въ Карлсгамнѣ, заявя только, или сказавъ о томъ бургомистру, что оныя еще не заплачены; а корабельщики понимали и требовали, чтобъ сіи двѣ тысячи оставить въ залогъ у бургомистра, и какъ оныя не были оставлены, то суда и не шли, ожидая напередъ выполненія договора. Сіе обстоятельство чрезвычайно меня разтревожило. Поправить оное требовалось по крайней мѣрѣ еще двои сутки, ибо надлежало привезть отъ Капитана прошеніе о займѣ сихъ двухъ тысячь; должно было собраться Магистрату и сдѣлать свое опредѣленіе, между тѣмъ какъ корабль всякой часъ благополучнаго вѣтра упускалъ со страхомъ, и состояніе мое было такое, что мнѣ отчасу становилось хуже. Я просилъ бургомистра уговорить корабельщиковъ, что это все равно, здѣсь ли оставить за руками деньги, или тамъ заплатить; что ошибка въ переводѣ вышла отъ моего недоразумѣнія слова *deponiren*, но что сія ошибка не дѣлаетъ

для нихъ никакой разности; напротивъ, они еще скорѣе получатъ свои деньги. Бургомистръ всячески ихъ уговаривалъ; но они, сидя съ важностію и куря табакъ, не хотѣли согласиться. Споръ нашъ долго продолжался и приводилъ меня въ крайнее безпокойство. Напослѣдокъ, по истощеніи всѣхъ моихъ прозбъ и убѣжденій, вышедъ изъ терпѣнія, сказалъ я бургомистру: это стыдно для Шведовъ, не вѣрить Рускому военному кораблю въ двухъ тысячахъ рубляхъ! Если господа корабельщики сомнѣваются въ полученіи оныхъ, то я отдаю имъ себя въ залогъ; я остаюсь здѣсь, покуда они получатъ свои деньги; и если бы Капитанъ не заплатилъ имъ, и Правительство наше не удовлетворило ихъ (чему никакъ статься не возможно), то отецъ мой Руской дворянинъ и достаточной человѣкъ меня выкупитъ. — Сіи слова, произнесенныя мною съ жаромъ и досадою, поколебали суровую холодность корабельщиковъ. Они взглянули другъ на друга, встали, походили по горницѣ, пробормотали нѣчто между собою, и потомъ подошли сказать, что они соглашаются. Между тѣмъ насталъ вечеръ; я взялъ съ нихъ слово, что они при первомъ разсвѣтаніи дня заберутъ больныхъ и, ни мало не мѣшкая, выдутъ изъ гавани. Окончa такимъ образомъ мое посольство, велѣлъ я отнести себя на шлюпку, въ намѣреніи, не взирая на темно-

ту ночи, ѣхать на корабль (ибо огонь на немъ былъ видѣнъ); но вѣтръ такъ скрѣпчалъ, что бывшіе въ гавани лодочники не совѣтовали мнѣ пускаться. И такъ я принужденъ былъ ночевать у нихъ въ буткѣ. Какъ скоро стало разсвѣтать, я тотчасъ поѣхалъ, и лишь только успѣли меня поднять на корабль, какъ и суда въ слѣдъ за мною вышли изъ гавани. Корабль, по приближеніи ихъ, снялся съ якоря и отправился въ путь.

Плаваніе наше продолжалось нѣсколько дней, потому что попутный вѣтръ не долго намъ служилъ и не скоро сдѣлался опять благополученъ. Въ сіе время болѣзнь моя до того усилилась, что я въ выздоровленіи моемъ былъ отчаянъ. Воображеніе, что мы не успѣемъ дойти до берега, и что меня зашьютъ въ дерюгу и бросятъ съ камнемъ въ воду (обыкновенное на морѣ погребеніе мертвыхъ) меня ужасало. Горячка моя была такова роду, что спирающаяся въ груди мокрота меня задушала, и чѣмъ легче было днемъ, тѣмъ тяжелѣ становилось къ вечеру, такъ что всякую ночь провождалъ я въ безпамятствѣ, въ мечтаніяхъ и бреду. По несчастію, за два года предъ симъ былъ я боленъ, въ кадетской больницѣ, и подлѣ моей кровати лежалъ товарищъ мой, кадетъ, точно въ такой горячкѣ, какую въ это время примѣчалъ я въ себѣ. Онъ на моихъ глазахъ

умеръ, и подлѣкарь, бывшій тогда при насъ, почти при самомъ началѣ его болѣзни предвѣстилъ мнѣ смерть его, сказывая, что онъ боленъ такою горячкою, отъ которой рѣдко выздоравливаютъ. Сія мысль, какъ скоро я приходилъ въ память, не переставала мнѣ мечтаться и приводить меня въ уныніе. Въ одно утро, послѣ весьма тяжелой ночи, стало мнѣ отмѣнно легко, и это привело меня въ крайнюю робость: я почти несомнѣнно увѣрился, что будущую ночь не переживу, и что если къ вечеру, покуда я въ памяти, не придумаю ничего къ моему спасенію, то уже до утра не доживу. Въ сей тоскѣ, не употребляя сначала самаго никакихъ лѣкарствъ (ибо не надѣялся на искусство лѣкаря), вдругъ пришло мнѣ въ голову позвать мнѣ его къ себѣ и попросить, чтобъ онъ мнѣ бросилъ кровь. За мною ходилъ старикъ матросъ. Онъ позвалъ его; но лѣкарь, посмотрѣвъ на меня, отвѣчалъ, что крови пускать нѣтъ надобности, да при томъ и не можно, по причинѣ качки корабля. Сказавъ сіе, ушелъ, и оставилъ меня въ прежней грусти. Старикъ матросъ, поправляя у меня изголовье, и тужа обо мнѣ, шепнулъ мнѣ съ усердіемъ на ухо: „батюшко! позволь мнѣ положить нѣчто къ тебѣ подъ головы; авось тебѣ будетъ легче." Я спросилъ: что такое? Онъ отвѣчалъ: „Богородицынъ сонъ." Я промолчалъ; онъ сунулъ мнѣ подъ подушку ма-

ленькую рукописную тетрадку. Удары въ колоколъ, для возвѣщенія полудня, напомнили мнѣ о приближеніи тѣхъ часовъ, въ которые обыкновенно становилось мнѣ тяжеле, и я начиналъ забываться и терять память. Сіе напоминаніе какъ бы твердило мнѣ: вотъ уже не больше двухъ часовъ остается тебѣ размышлять, и если ты теперь ничего не придумаешь, то жизнь твоя кончится. Вдругъ посреди сего мучительнаго страха и недоумѣнія представляется мнѣ странная мысль: я чувствовалъ превеликое отвращеніе отъ чаю, а особливо, когда уже онъ нѣсколько простынетъ; самое сіе отвращеніе раждаетъ во мнѣ желаніе попросить того, что столько мнѣ противно. Я говорю старику матросу моему: принеси мнѣ стаканъ теплой воды. Онъ пошелъ; я ожидалъ его съ нѣкіимъ необычайнымъ нетерпѣніемъ и страхомъ. Когда онъ, возвратясь, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что принесъ воду, тогда я содрогнулся отъ ужаса, и насилу слабымъ и дрожащимъ голосомъ могъ промолвить: приподними меня и поднеси мнѣ стаканъ ко рту. Онъ сдѣлалъ это, и лишь только парной запахъ воды коснулся моему обонянію, какъ вдругъ вся внутренность моя поворотилась, и я не зналъ болѣе, что со мною дѣлается. Я не прежде очувствовался, какъ чрезъ нѣсколько часовъ. Слабость моя была такъ велика, что я ни однимъ членомъ

моимъ пошевельнуться не могъ. Однакожъ нѣкое внутреннее спокойствіе и тишина увѣряли меня въ великой происшедшей со мною перемѣнѣ. Старикъ мой расказалъ мнѣ, что никакое сильное рвотное не могло бы произвести того дѣйствія, какое произвело во мнѣ одно простое поднесеніе ко рту стакана теплой воды. Силы мои стали отчасу прибавляться; я ночью уснулъ, и поутру могъ уже самъ ворочаться, а потомъ и вставать.

Тутъ скоро пришли мы въ Карлсгамнъ. Намъ отвели домъ, въ которомъ внизу жилъ самъ хозяинъ, купецъ Мальмъ, а вверху, въ одной половинѣ, кадетской Капитанъ съ Лейтенантомъ М. . . , а въ другой всѣ мы, гардемарины, въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Когда я съѣхалъ съ корабля и пришедъ въ теплой покой, сѣлъ подлѣ печки, которая топилась, то мнѣ казалось, что нѣтъ никого благополучнѣе меня на свѣтѣ: такъ теплота, здравіе и покой драгоцѣнны тому, кто давно ими не наслаждался!

Чрезъ нѣсколько дней я совсѣмъ оправился и могъ ходить со двора. Кадетской Капитанъ нашъ познакомился съ Комендантомъ и съ нѣкоторыми зажиточными купцами; но какъ онъ не могъ съ ними разговаривать, то всегда, приглашаемый къ обѣденнымъ столамъ, бралъ меня съ собою для перевода, и чрезъ то я еще болѣе сдѣлался

съ ними знакомъ, нежели онъ самъ. Домъ нашъ былъ рядомъ съ домомъ довольно зажиточной купеческой вдовы, по имени Берлингъери, женщины пожилой и почтенной, весьма счастливой семействомъ своимъ; потому что имѣла трехъ отмѣнно добрыхъ сыновей и двухъ прекрасныхъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Христина, была осмнатцати, а младшая Ульрика шестнатцати лѣтъ. Передъ домомъ ихъ выстроена была свѣтлая съ сплошными опускающимися окнами и крылечкомъ комната, въ которую онѣ часто выходили. Комната сія была противъ того самаго окна, передъ которымъ я обыкновенно сидѣлъ, когда что нибудь читалъ, или писалъ. Сіе положеніе нашихъ домовъ дѣлало, что мы всякой день по нѣскольку разъ видались, и наконецъ стали другъ другу сперва чинно, а потомъ и ласково кланяться, такъ что, не бывъ никогда вмѣстѣ, сдѣлались довольно знакомы и знали имена другъ друга. Однажды послалъ я въ бывшую при домѣ ихъ лавочку за табакомъ: посланный, возвратясь ко мнѣ, сказалъ, что старшая дочь разспрашивала у него знаками, чья эта табакерка? и когда онъ указалъ ей на мое окно и назвалъ меня по имени, то она спрятала табакерку и ему не отдала. Принявъ это за знакъ, что онѣ желаютъ меня видѣть въ своемъ домѣ, пошелъ я къ нимъ; онѣ меня приняли очень ласково. Христина,

смѣючись, отдала мнѣ табакерку. Но, къ великому огорченію моему, не могъ я изъ разговоровъ ихъ ни слова понимать: никто изъ нихъ кромѣ природнаго языка своего не зналъ. Онѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ, старались вопросы свои объяснять знаками, но мало въ томъ успѣвали. Подали кофе (это было скоро послѣ обѣда), мы сѣли, за столикъ; весь разговоръ нашъ состоялъ въ томъ, что онѣ учили меня называть разныя предлежавшія глазамъ нашимъ вещи, какъ то: кофейникъ, чашку, столъ, голову, руки, носъ, волосы и проч. Иногда, по нѣкоторому сходству съ Нѣмецкимъ языкомъ, угадывалъ я ихъ, и тогда, обрадовавшись, дѣлали онѣ мнѣ тысячу вопросовъ, думая, что я всякой разъ ихъ угадаю; а иногда, толкуя долго и не могши понять, начинали мы смѣяться, такъ что время проходило не скучно; и хотя не могъ я никакого привѣтствія имъ сдѣлать, однакожъ онѣ, по веселости лица моего, могли примѣтить, что мнѣ у нихъ быть пріятно. При прощаніи стали онѣ опять нѣчто мнѣ говорить, и я насилу растолковать могъ, что онѣ на завтрашній день приглашаютъ меня къ себѣ обѣдать. Какъ скоро я пришелъ домой, то первое мое стараніе было достать словарь и разговоры на Нѣмецкомъ и Шведскомъ языкѣ. Я въ тотъ же самой вечеръ затвердилъ изъ нихъ нѣсколько словъ и реченій. Хозяинъ нашъ, Мальмъ,

съ которымъ я подружился, прослушивалъ меня и поправлялъ мое произношеніе. Назавтра пошелъ я къ нимъ обѣдать, и тотчасъ проговорилъ имъ, какъ попугай, все то, что зналъ; матери сказалъ: *все ли вы въ добромъ здоровьѣ?* сыновьямъ: *я желаю вамъ всякаго благополучія;* дочерямъ: *мнѣ очень пріятно васъ видѣть.* Они отмѣнно были тѣмъ довольны, и всѣ приступили со мною разговаривать, точно какъ бы ужь я совершенно выучился; но какъ далѣе знаніе мое не простиралось, то довольствовались только частыми повтореніями тѣхъ словъ, которыя отъ меня слышали. Христина сказанное мною ей рѣченіе хотѣла знать по-Руски, затвердила его, и мы другъ другу говорили: я ей по Шведски, а она мнѣ по-Руски: *мнѣ очень пріятно васъ видѣть.* Я просидѣлъ у нихъ до самаго вечера и долженъ былъ остаться ужинать. На другой день я шелъ мимо ихъ, онѣ опять меня зазвали; на третій день тоже; и напослѣдокъ я почти не выходилъ отъ нихъ изъ дому. Тутъ обѣдалъ и ужиналъ. Мѣсто мое за столомъ всегда было подлѣ Христины: мы скоро сдѣлались съ нею въ такой дружбѣ, какая могла назваться первою склонностію одного пола къ другому, и потому только не была любовь, что не искала уединенія и не старалась прятаться подъ покровомъ таинства; но тѣмъ не меньше имѣла въ себѣ пріятности и счастія.

Мать очень меня полюбила; средній брать, Никлась, былъ ко мнѣ до чрезвычайности привязанъ; другіе два брата и сестра всегда съ удовольствіемъ меня видѣли. Первые дни провождали мы, такъ сказать, въ угадываніи другъ друга, потому что, безпрестанно разговаривая, не могли скоро понимать, ни я ихъ, ни онѣ меня. Часто раждались изъ того смѣхъ и шутки. Однако же день ото дня начиналъ я разумѣть болѣе, и къ концу двухъ недѣль могъ объясняться порядочно, а чрезъ мѣсяцъ не только свободно разговаривалъ, но и книги сталъ читать. Однажды выписалъ я стишки, которые нашелъ приличными къ объявленію моихъ чувствованій, и прочиталъ ихъ Христинѣ. Она улыбнулась и сказала мнѣ: какой ты понятливый! Я же отвѣчалъ ей: какая ты мастерица дѣлать людей понятливыми!—Старуха мать часто распрашивала о Вѣрѣ нашей, о церковныхъ обрядахъ, о заповѣдяхъ, и очень радовалась, находя насъ послѣдующими тѣмъ же Христіанскимъ правиламъ и добродѣтелямъ, какъ и они. Ей пріятно было видѣть во мнѣ почтеніе къ Закону, тѣмъ больше, что она сего не ожидала. Я примѣтилъ, что въ Шведахъ издавна вкорененъ былъ страхъ отъ Рускихъ; они боялись насъ, и сія боязнь внушала имъ странныя объ насъ мнѣнія. Христина расказывала мнѣ, что когда мы пришли въ Карлсгамнъ, то въ первые дни жен-

щины не смѣли ввечеру ходить по улицамъ, и часто одна другую пугали именемъ Рускаго. „Мы очень боялись (продолжала она), услыша, что вы будете жить подлѣ насъ. Но въ тотъ самый день, какъ вы, съѣхавъ съ корабля, шли мимо нашего крыльца, и мы всѣ выбѣжали смотрѣть на васъ, страхъ этотъ уменьшился: ты первый разсѣялъ его своимъ веселымъ и ласковымъ взглядомъ. Я тогда еще тебя замѣтила: ты мнѣ показался боленъ, однако имѣлъ веселое лице, и взглянувъ на меня улыбнулся. Не воображая васъ иначе, какъ угрюмыми, мрачными и суровыми, я сказала сестрѣ: посмотри, вонъ одинъ Руской смѣется! Потомъ, видая тебя часто въ окнѣ, всегда учтиво и ласково кланяющагося, захотѣлось намъ увидѣть тебя въ нашемъ домѣ; но не зная, какъ это сдѣлать, употребила я то средство, по которому ты къ намъ пришелъ. Теперь въ городѣ объ васъ не слышно, кромѣ похвалы, и всякой желаетъ быть съ вами знакомъ.“ — Дѣйствительно мы видѣли отъ всѣхъ жителей отличную къ намъ привязанность и превеликое уваженіе. Часто дѣлали для насъ обѣды, вечеринки; иногда бывали катанья на саняхъ за городъ. Я всегда ѣзжалъ съ Христиною и Ульрикою, а кучеромъ у насъ былъ Никласъ. Корабельный Капитанъ велъ уединенную жизнь; напротивъ того кадетской жилъ довольно хорошо, и не рѣдко зывалъ

къ себѣ гостей. Онъ любилъ общество, охотно игралъ въ карты, и былъ бы въ обращеніи пріятенъ, еслибъ, отъ излишняго желанія кстати и не кстати величаться именемъ Рускаго и превозносить свое отечество, не впадалъ иногда въ странности. Однажды позвалъ онъ къ себѣ ужинать нѣкоторыхъ стариковъ, часто угощавшихъ насъ обѣдами; въ этотъ вечеръ въ одномъ домѣ былъ маленькой балъ, на которой одинъ молодой купецъ, искавшій, какъ мнѣ казалось, руки Христининой, и пріятель мой Никласъ пришли меня звать; я пошелъ просить позволенія у кадетскаго Капитана, но онъ сталъ меня уговаривать, чтобъ я остался у него. Мнѣ очень этого не хотѣлось; да какъ и хотѣть въ мои лѣта промѣнять балъ, гдѣ Христина и столько хорошихъ дѣвушекъ, на скучную должность быть переводчикомъ у стариковъ? Я сталъ усильно просить Капитана. Онъ сказалъ мнѣ: я знаю, что лишаю тебя великаго удовольствія, и для того не хочу приневолить; но прошу изъ дружбы, сдѣлай мнѣ величайшее одолженіе, останься у меня сегодня. Просьба сія была не иное что, какъ учтивое приказаніе. И такъ я принужденъ былъ возвратиться къ моимъ пріятелямъ и печально объявить имъ, что меня не пускаютъ. Ихъ это очень огорчило. Никласъ сказалъ мнѣ: сестра велѣла тебя звать непремѣнно; и оба они

хотѣли сами увидѣть Кадетскаго Капитана, чтобъ исходатайствовать мнѣ позволеніе; они пришли къ нему и просили его самыми убѣдительнѣйшими выраженіями; но онъ отвѣчалъ имъ также, какъ и мнѣ, что воли съ меня не снимаетъ, а проситъ дружески, чтобы я пожертвовалъ ему этимъ вечеромъ. „Я бы самъ пошелъ къ вамъ, примолвилъ онъ, оборотясь къ молодому Шведу (ибо онъ въ семъ балѣ былъ главнымъ участникомъ), если бы у меня не болѣли ноги." Шведъ отвѣчалъ съ великою учтивостію, что они приняли бы за особливое щастіе, когда бы господинъ Капитанъ удостоилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, и если препятствіе состоитъ только въ трудности идти пѣшкомъ, то онъ сей же разъ пришлетъ за нимъ карету. Я пересказываю слова его Капитану, думая тѣмъ подвигнуть его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ отпустилъ меня; но пусть посудятъ о моемъ удивленіи, когда я услышалъ отвѣтъ его: „скажи ему, что онъ невѣжа, и не знаетъ, какъ съ кѣмъ говорить должно." Я остановился, остолбенѣлъ. Капитанъ приступаетъ ко мнѣ, чтобъ я пересказалъ ему это. Я не смѣю ни ослушаться, ни повиноваться; потупя глаза, молчу. Шведъ между тѣмъ, примѣчая въ лицѣ и въ голосѣ его нѣчто гнѣвное, спрашиваетъ меня: что такое? Я продолжаю молчать. Наконецъ они сами начинаютъ другъ съ другомъ объ-

ясняться, каждой на своемъ языкѣ; Капитанъ говоритъ Шведу по Руски: „какъ ты смѣлъ мнѣ, Рускому Капитану, предлагать карету, словно какъ бы я самъ безъ тебя нанять ее не могъ?„ Шведъ отвѣчаетъ по Шведски: „ежели я въ чемъ провинился, прошу меня простить.„ Оба другъ друга не разумѣютъ; оба толкуютъ: одинъ обиду будто бы неуважительнаго ему предложенія, а другой свою невинность. Капитанъ не перестаетъ ворчать и сердиться; купецъ, не зная чѣмъ его умилостивить, дѣлаетъ разныя покорныя ужимки, поетъ и пляшетъ передъ нимъ. Напослѣдокъ смѣшная ссора сія оканчивается тѣмъ, что Шведы отступаютъ отъ прозбы своей обо мнѣ, откланиваются и уходятъ, не понимая причины Капитанскаго на нихъ гнѣва.

Я остаюсь съ нимъ одинъ; приходятъ гости, садятся играть въ ломберъ; потомъ ужинаютъ; послѣ ужина одинъ изъ богатѣйшихъ въ городѣ купцовъ, человѣкъ уже довольно старый, но проигравшійся въ ломберъ и подгулявшій не много за ужиномъ, хочетъ отыграться и проситъ, чтобъ ему сдѣлали банкъ. Кадетской Капитанъ вмѣстѣ съ Лейтенантомъ М. . . , весьма бойкимъ игрокомъ, дѣлаютъ ему оный. Онъ ставитъ противъ нихъ карты и проигрываетъ довольно значительную сумму, (талеровъ до шести сотъ). Изъ числа гостей оставался еще одинъ, тол-

стобрюхой и также богатой купецъ, который по видимому былъ не доброхотъ сему играющему; ибо, казалось, подстрекалъ его, чтобъ онъ больше горячился и проигрывалъ. Но хозяинъ нашъ Мальмъ былъ совсѣмъ противнаго расположенія: онъ былъ друженъ съ играющимъ купцомъ и почиталъ его своимъ благодѣтелемъ. Опасаясь, чтобъ сей не проигралъ много, онъ хотѣлъ его отвесть отъ игры, и для того прибѣгнулъ къ нѣкоторой хитрости, а именно: прибѣжалъ съ торопливостію и сказалъ ему, что у него въ домѣ случилось нѣкоторое обстоятельство, которое требуетъ того, чтобъ онъ скорѣе возвратился домой. Купецъ сперва было повѣрилъ ему и хотѣлъ идти; но какъ недоброхотъ его сталъ надъ нимъ смѣяться, что онъ вѣритъ обману, какой Мальмъ выдумалъ, чтобъ отвесть его отъ игры, какъ будто слабаго и невоздержнаго юношу, то онъ остался еще и продолжалъ играть. Сія насмѣшка такъ раздражила Мальма, что онъ бывшую во рту у него глиняную трубку, изъ которой курилъ табакъ, изломалъ въ куски, и съ великою яростію ушелъ къ себѣ на низъ. Напослѣдокъ игра кончилась. Купецъ, проигравъ еще столько же, перестаЛъ и ушелъ. Другой толстобрюхой купецъ, недоброхотъ его, остался одинъ. Время было уже гораздо за полночь. Мы ожидаемъ, что онъ поднимется и пойдетъ; однакожъ нѣтъ:

*

онъ сидитъ и только поглядываетъ часто въ окно. Наконецъ, по нѣкоторыхъ смутныхъ разговорахъ, сказалъ онъ намъ: я не смѣю идти, меня прибьютъ. — Кто? какимъ образомъ? — Хозяинъ вашъ (говоритъ онъ) на меня очень золъ; я вижу людей, скопляющихся у крыльца. — Какъ это можно? (сказали мы), и я побѣжалъ тотчасъ провѣдать. Въ самомъ дѣлѣ нашелъ я, что хозяинъ нашъ, сухощавой, длинной, подпоясанный, въ шапкѣ, не спитъ, ходитъ въ запальчивости по горницѣ, и человѣкъ двадцать стоятъ у крыльца. Я возвратился на верхъ, и обо всемъ, видѣнномъ мною, увѣдомилъ Капитана. Лейтенантъ М. . . . надѣлъ на себя шпагу, взялъ купца за руку, и сказалъ: пойдемъ со мною; я посмотрю, кто при мнѣ осмѣлится тебя тронуть! Однакожъ купецъ не хотѣлъ идти и просилъ, чтобъ позволено ему было остаться у насъ до утра. М. . . . сошелъ со мною внизъ и велѣлъ мнѣ спросить у хозяина, для чего онъ такъ одѣтъ и за чѣмъ люди стоятъ на улицѣ? Хозяинъ, снявъ шапку, учтиво отвѣчалъ, что онъ къ живущимъ у него Рускимъ Офицерамъ сохраняетъ всякое почтеніе, и въ ихъ комнатахъ ничего дѣлать не посмѣетъ, но что въ своемъ домѣ и у себя въ горницѣ, не нарушая къ нимъ уваженія, властенъ дѣлать что хочетъ. Лейтенантъ разсердился и велѣлъ мнѣ сказать ему, что онъ знаетъ его

намѣреніе, и обрубитъ ему носъ и уши, ежели онъ осмѣлится исполнить оное. Вѣдая пылкій нравъ хозяина, я не хотѣлъ ему пересказать сего, опасаясь, чтобъ не вышло изъ того какихъ худыхъ слѣдствій, и сказалъ ему нѣчто иное, не столь колкое; но Лейтенантъ примѣтя, что я не то перевожу, началъ самъ ругать его самыми бранными Нѣмецкими словами, какія только зналъ. Хозяинъ мой весь почернѣлъ, губы у него затряслися, и я ожидалъ отъ него страшнаго грома, но, вмѣсто сего, онъ снялъ шапку, поклонился низко, и, не сказавъ ни слова, ушелъ въ другую горницу; я заглянулъ туда, и вижу, что онъ съ великою яростію распоясывается, срываетъ съ себя одежду и кидается въ постелю. М. . . . . вышелъ на крыльцо, обнажилъ шпагу и закричалъ грознымъ голосомъ на стоящую толпу людей, которые тотчасъ всѣ разбѣжались. Онъ взошелъ потомъ на верхъ, взялъ купца, и проводя его самъ до самыхъ воротъ его дома, возвратился назадъ. Такимъ образомъ вмѣсто веселаго и пріятнаго бесѣдованія съ молодыми дѣвицами, провелъ я шумный вечеръ сей съ сварливыми стариками весьма непріятно. Поутру пошелъ я провѣдать хозяина, и нашелъ его въ жалкомъ положеніи: онъ весь дрожалъ еще отъ кипѣвшаго въ немъ гнѣва и огорченія: „никогда во весь мой вѣкъ (говорилъ онъ) не слыхалъ я ни

отъ кого толь оскорбительныхъ словъ, не думалъ никогда услышать, и еще меньше — перенесть ихъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать? При всемъ моемъ уваженіи къ господину Лейтенанту, не достаетъ во мнѣ терпѣнія. Я долженъ убѣжать изъ дому, чтобъ съ нимъ не встрѣчаться." — Я утѣшалъ его, сколько могъ; потомъ пошелъ на верхъ и, пересказавъ слова его Лейтенанту, просилъ, чтобъ онъ передъ нимъ извинился. Лейтенантъ не хотѣлъ; но Капитанъ Кадетской, взявъ мою сторону, уговорилъ его. Итакъ я побѣжалъ опять къ хозяину и сказалъ ему, что господинъ Лейтенантъ, чувствуя себя передъ нимъ виноватымъ, зоветъ его къ себѣ и хочетъ съ нимъ примириться. Я не могу изобразить радости, въ какую привелъ я сими словами хозяина: самое величайшее благополучіе не могло бы его больше обрадовать. Онъ весь перемѣнился, сталъ веселъ, пошелъ со мною на верхъ, и когда Лейтенантъ, взявъ его за руку, сказалъ ему: Помиримся, господинъ Мальмъ! я виноватъ передъ тобою; то онъ отъ радости заплакалъ, и сталъ самъ просить у него прощенія. Подобные знаки уваженія къ намъ отъ Шведовъ неоднократно случались. — Я по обыкновенію пошелъ обѣдать къ моимъ сосѣдамъ. Христина предувѣдомлена ужѐ была отъ брата и молодаго Шведа о случившемся съ нами, и по какой причинѣ я не могъ вче-

рашній день быть на балѣ. Она не пѣняла мнѣ, но вмѣстѣ со мною тужила о семъ досадномъ приключеніи. Я расказалъ ей о бывшемъ у насъ ночномъ происшествіи. Она не дивилась тому, и говорила мнѣ, что оба сіи купцы другъ другу не доброхотствуютъ, и что хозяинъ нашъ Мальмъ къ одному изъ нихъ весьма привержен, а потому не терпитъ другаго; но зная пылкій нравъ его, удивлялась, что онъ обиду свою перенесъ хладнокровно.

Удовольствіе мое, видѣться съ Христиною и быть безпрестанно у нихъ въ домѣ, гдѣ я такъ со всѣми свыкся и такъ отъ нихъ любимъ былъ, какъ самой ближайшій ихъ родственникъ, не долго продолжалось. Изъ Стокгольма отъ Посланника нашего Остермана пришло повелѣніе, чтобъ всѣхъ насъ, Гардемаринъ, отправить съ Капитаномъ, для продолженія наукъ, въ Карлскрону, Шведской городъ и главный корабельный портъ, гдѣ находился Шведской Кадетской Корпусъ. Дня черезъ три по полученіи повелѣнія мы отправились. Разлука моя съ домомъ Берлингъери была тяжелая. Какъ ни утѣшались мы надеждою черезъ нѣсколько времени опять увидѣться, однакожъ не обошлось съ обѣихъ сторонъ безъ пролитія слезъ. Мы заказали на первой почтѣ обѣдъ. Насъ провожали человѣкъ дватцать Шведовъ, между которыми былъ и пріятель мой Ни-

класъ. Машь Христинина снабдила меня разнымъ кушаньемъ и сластями на дорогу. Обѣдъ былъ шумной: нѣсколько разъ принимались пить за наше здоровье и за благополучный путь. Наконецъ, при самыхъ разстаняхъ, по окончаніи послѣдняго стучанія рюмокъ, послѣ увѣреній въ дружбѣ, обниманій, поцѣлуевъ, слезъ, прощаній, сѣли мы въ сани и поѣхали въ путь, а провожавшіе насъ возвратились назадъ. Никласъ повезъ отъ меня тысячи и тысячи поклоновъ матери его, братьямъ и сестрамъ, а особливо Христинѣ.

По прибытіи въ Карлскрону, гдѣ отведенъ уже былъ для насъ домъ, мы, то есть Кадетской Капитанъ и я (ибо прочіе Гардемарины по незнанію языка никуда не ходили) пошли къ главному надъ городомъ и портомъ начальнику Экеспарре. Онъ принялъ насъ очень учтиво, и услыша, что я говорю по Шведски, тотчасъ позвалъ двухъ дочерей своихъ, и представя имъ меня, сказалъ: „вотъ молодой человѣкъ, съ которымъ вы можете разговаривать на природномъ вашемъ языкѣ.„ Онѣ начали со мною говорить, и послѣ нѣсколькихъ на разные вопросы ихъ отвѣтовъ моихъ, спросили у меня, не Шведъ ли я? Я отвѣчалъ имъ: нѣтъ, я Руской. — Гдѣ же вы такъ хорошо научились по Шведски? — Здѣсь въ Швеціи. — Какъ? въ это короткое время? — Такъ точно. А прежде

ни слова не разумѣли? — Ни слова. — Это удивительно! — Ахъ! думалъ я, ежели бы вы знали моего учителя, то бы не дивились! — Мы сдѣлали еще нѣсколько посѣщенiй къ Адмираламъ, къ Вице-Адмираламъ и другимъ знатнымъ Чиновникамъ, и потомъ возвратились домой. Къ намъ пришли изъ Кадетскаго Корпуса приговоренные уже заранѣе два учителя, для преподаванiя Шведскаго и Французскаго языка. Одинъ изъ нихъ былъ Профессоръ, по имени Салдернъ, человѣкъ ученой, бывшiй нѣкогда воспитателемъ побочныхъ Королевскихъ дѣтей. Онъ со всѣми знатными въ городѣ домами былъ знакомъ. Они всякое утро ходили къ намъ попеременно, и ученiе продолжалось по два часа въ день. Скоро знакомство наше въ городѣ распространилось, и мы часто или сами были въ гостяхъ, или у насъ были гости. Шведской языкъ доставилъ мнѣ входъ во многiе домы, такъ что ежели бы я не занятъ былъ ученiемъ и не долженъ былъ часто оставаться дома, для перевода Капитанскихъ разговоровъ съ посѣтителями, то могъ бы съ утра до вечера быть въ гостяхъ. Главный начальникъ города и многiе Адмиралы не рѣдко меня къ себѣ приглашали. Всѣ сiи знакомства однакожъ не могли замѣнять мнѣ одного Берлингъерiева дома въ Карлсгамнѣ: сердце и мысли мои всегда туда стремились. Въ одинъ торжественный

день Экспарре позвалъ насъ обѣдать. Столъ былъ огромной. Всѣ знатнѣйшіе Чиновники приглашены были на оный. Мы въ первый разъ увидѣлись тутъ съ зятемъ хозяина, Графомъ Вахтмейстеромъ, которому мы, не знаю какимъ образомъ, пропустили сдѣлать первое посѣщеніе. За столомъ оба мы (Кадетской Капитанъ и я) посажены были въ первыя мѣста, выше всѣхъ Вице-Адмираловъ. Когда подали Шампанское, то хозяинъ предлагалъ пить одно за другимъ слѣдующія здоровья: 1-е, Ея Величества Всероссійской Императрицы; 2-е, Его Величества Короля Шведскаго; 3-е, всего Россійскаго Императорскаго Дому; 4-е, всего Королевскаго Шведскаго Дому, (при всѣхъ сихъ здоровьяхъ вставали и палили изъ пушекъ); 5-е, здоровье было наше (т. е. Кадетскаго Капитана и мое); 6-е, всѣхъ посѣтителей, и наконецъ 7-е, хозяйское. Можно себѣ представить, что мы послѣ сего толь почетнаго Рускому имени пиршества шли съ возвышенными главами домой; между тѣмъ услышали мы, что на другой день будетъ обѣдъ у Графа Вахтмейстера; но мы не надѣялись быть на оный приглашены, потому что не сдѣлали ему посѣщенія прежде. Однако же поутру онъ самъ пріѣзжаетъ къ намъ и зоветъ къ себѣ обѣдать. Профессоръ Салдернъ былъ очень съ нимъ коротокъ и друженъ. Онъ въ это время случился у насъ,

и мы сговорились съ нимъ вмѣстѣ идти. Пошли, отобѣдали. Хозяинъ съ великою ласкою и вѣжливостію въ прекрасномъ домѣ своемъ угостилъ насъ сытнымъ столомъ и хорошими напитками. Мы, откланявшись ему, возвращаемся домой; Капитанъ и Салдернъ идутъ вмѣстѣ, а я отъ нихъ немного поотсталъ: вдругъ слышу, что они меня кличутъ. Я подхожу. Салдернъ говоритъ мнѣ: „мы съ господиномъ Капитаномъ не можемъ разумѣть другъ друга; онъ кажется не доволенъ Графомъ Вахтмейстеромъ, но я не могу понять причины.“ Капитанъ съ своей стороны говоритъ мнѣ: „скажи ему, что Графъ, у котораго мы были, не годится и въ подошвы къ нашимъ Графамъ.“ — Помилуйте! (отвѣчаю я), мы за учтивость и угощеніе заплатимъ неблагодарностію, и притомъ огорчимъ своего сопутника, потому что онъ съ нимъ очень друженъ. — „Пожалуй перескажи (приступаетъ ко мнѣ Капитанъ), ты не свое будешь говорить, а мое; и ежели я скажу что либо глупое, такъ меня и назовутъ дуракомъ, а не тебя. Они почитаютъ его первымъ богачемъ и думаютъ, что мы такого великолѣпія и не видывали; для того надобно дать имъ почувствовать, что наши знатные господа живутъ гораздо пышнѣе и великолѣпнѣе.“ — Какъ ни боялся я прогнѣвать Капитана, однакожъ такъ мнѣ это казалось некстати, что я отрекся пере-

водить его слова; тогда прикрикнувъ немного на меня, вздумалъ онъ, что самъ ему растолкуетъ, и началъ ломанымъ Нѣмецкимъ языкомъ говорить: dieser Graf, nicht Graf; schwein (т. е. этотъ Графъ не Графъ, а свинья. Салдернъ отскочилъ отъ него на полсажени и смотритъ ему съ удивленіемъ въ глаза. Тогда, уже видя, что разговоръ становится еще хуже, принужденъ я былъ объяснить Салдерну Капитанскія мысли и смягчить, сколько можно, ихъ жестокость. Онъ хотя напослѣдокъ и согласился съ нимъ, что у насъ больше людей богатыхъ, однакожъ видно было, что разговоръ сей не былъ ему пріятенъ.

Мы обѣдали не тамъ, гдѣ жили; одна Шведская Подполковница нанялась довольствовать насъ обѣденнымъ и вечернимъ столомъ въ своемъ домѣ. Мы познакомились тутъ съ однимъ Шведскимъ Кадетомъ, Барономъ Бойемъ, который такъ свыкся съ нами, что безпрестанно былъ у насъ, и какъ никто изъ прочихъ Гардемаринъ (кромѣ одного меня) разговаривать съ нимъ не могъ, то онъ въ короткое время столько научился по Руски, что по нуждѣ могъ объясняться. Всѣхъ дружнѣе былъ онъ съ Гардемариномъ Княземъ Мещ. . . ; они, начавъ нѣсколько разумѣть другъ друга, часто по цѣлымъ часамъ разговаривали и спорили между

собою. Однажды, помню я, былъ между ими смѣшный слѣдующій разговоръ:

Бар. Теперь мы очень знакомы и дружны, а какъ случится война, то можетъ быть встрѣтимся и надобно будетъ биться.

Мец. Ну чтожъ? станемъ биться; я дамъ тебѣ карачунъ.

Бар. Что такое карачунъ?

Мец. Убью тебя.

Бар. За чѣмъ убить? я попрошу пардонъ, и тебѣ дамъ пардонъ, если возьму въ полонъ.

Мец. Я не отдамся въ полонъ, и тебѣ нѣтъ пардону.

Бар. Фуй! какъ не стыдно? пріятелю нѣтъ пардона!

Мец. Нѣтъ, нѣтъ тебѣ пардона! умирай!

Они долго спорили и горячились, твердя каждой свое: мы послѣ вспомнимъ о семъ разговорѣ. Однажды Бойе пріѣхалъ къ намъ въ коляскѣ и зоветъ меня ѣхать съ нимъ за городъ, смотрѣть, какъ будутъ казнить преступницу. Я полюбопытствовалъ, поѣхалъ; дорогою расказалъ онъ мнѣ странное преступленіе сей несчастной: это была бѣдная сирота, дѣвка лѣтъ дватцати трехъ, или четырехъ. Она ходила по міру и кормилась милостынею; въ одинъ день приходитъ она въ избу къ женщинѣ, которая пекла пироги и стряпала кушанье для мужа своего, корабельнаго плотника, бывшаго въ сіе время

въ Адмиралтействѣ на работѣ. Ей надлежало нести къ нему кушанье; но какъ въ избѣ никого болѣе не оставалось, кромѣ сына ея, груднаго младенца, лежавшяго въ люлькѣ, то она просила дѣвку побыть въ избѣ, пока она сходитъ къ мужу; дала ей пироговъ и ушла; возвратившись назадъ, не находитъ дѣвки, и видитъ ужасное для сердца материнскаго зрѣлище: младенецъ, сынъ ея, лежитъ въ люлькѣ мертвой съ распоротымъ брюхомъ! Она съ воплемъ и стономъ выбѣгаетъ на улицу, зоветъ своихъ сосѣдей и, рыдая, раскызываетъ имъ происшедшее. Тотчасъ бѣгутъ во всѣ стороны искать дѣвку. Видятъ, что она бродитъ по одной ближайшей горѣ, безъ всякаго намѣренія укрыться; берутъ, спрашиваютъ ее: какимъ это образомъ сдѣлалось? Она отвѣчаетъ спокойно: „я зарѣзала ребенка.“ — Ты! за что? — „Мнѣ наскучило жить на свѣтѣ (говоритъ она), и какъ я сама себя не хотѣла лишить жизни, то и пришелъ мнѣ въ голову этотъ способъ, зная, что по нашимъ законамъ положена смерть за смерть.“ — Ее взяли, посадили въ тюрьму, каждую Субботу сѣкли на площади розгами, и наконецъ осудили на смертную казнь. Всякой день Священникъ ходилъ приводить ее въ раскаяніе. Она сначала показывала превеликую твердость, но съ приближеніемъ дня казни стала унывать, и напослѣдокъ впала въ чрезвычайную горесть.

Мы остановились противъ лобнаго мѣста, состоявшаго изъ деревяннаго съ площадкою сруба, на которомъ лежала плаха. Срубъ обмазанъ былъ смолою и обкладенъ хворостомъ, смолою и другими горючими веществами. Вокругъ онаго стояли солдаты съ ружьями, составляя четверостѣнникъ (батальонъ-каре). Преступницу привезли на телѣгѣ; глаза у ней были завязаны; она пѣла псалмы и часто восклицала: *О Спаситель! Спаситель!* По снятіи съ телѣги, два Священника взяли ее подъ руки и повели внутрь четверостѣнника. Одинъ изъ нихъ прочиталъ надъ нею молитву и, проговоря солдатамъ краткую рѣчь, сказалъ: „Боже насъ сохрани отъ подобнаго преступленія!" Всѣ въ голосъ повторили: „Боже насъ сохрани!" Потомъ сняли съ глазъ ея повязку и повели на лобное мѣсто. Она ступила на первую и на вторую ступеньку, но на третію не могла болѣе: ноги у нее подкосились; — ее встащили и положили на плаху. Палачь ударилъ сѣкирою: кровь хлынула рѣкою, голова отскочила и видны еще были на ней судорожныя движенія. Хворостъ зажгли, и пламень скоро истребилъ остатки сей убійцы несчастнаго младенца. Я возвратился домой съ исполненнымъ ужаса сердцемъ; долго изъ воображенія моего не могъ изгнать сего плачевнаго зрѣлища, и весьма сожалѣлъ, что согласился ѣхать смотрѣть оное.

Мы въ продолженіе времени ходили нѣсколько разъ осматривать портъ, Адмиралтейство и изрытые порохомъ въ каменныхъ скалахъ доки для строенія кораблей. Лейтенантъ М. . . . пріѣхалъ къ намъ изъ Карлсгамна; онъ пробылъ съ нами нѣсколько дней. Я получилъ съ нимъ письмо отъ Никласа, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что Христина была очень больна, но что теперь ей получше, что она помнитъ меня и велѣла мнѣ кланяться.

Съ прибытіемъ М. . . . завелись у насъ игры. Всякой разъ Шведы звали насъ къ себѣ, или пріѣзжали къ намъ играть въ банкъ. Наконецъ онъ уѣхалъ. Мы пробыли еще нѣсколько времени, и съ наступленіемъ весны отправились обратно въ Карлсгамнъ. Баронъ Бойе провожалъ насъ. Онъ такъ свыкся съ нами, что при прощаніи плакалъ и разставался какъ съ родными. Профессоръ Салдернъ, по требованію Кадетскаго Капитана, далъ намъ Аттестаты, въ которыхъ иные изъ насъ довольно были похвалены, иные мало, а иные съ замѣчаніями о неохотномъ ихъ расположеніи къ ученію. Мой Аттестатъ былъ лучше всѣхъ.

По прибытіи моемъ въ Карлсгамнъ, первое мое стремленіе было летѣть въ домъ Берлингъери. Я нашелъ Христину немного похудѣвшею послѣ болѣзни. Мать и Никласъ чрезвычайно мнѣ обрадовались. Прежняя

жизнь моя возобновилась: то есть, я съ утра до вечера былъ у нихъ въ домѣ. Корабль нашъ между тѣмъ исправлялся; въ него ставили новыя мачты и подводили новый киль (*), потому что старый отъ сильныхъ ударовъ о землю весь истерся. Удивительно было видѣть въ немъ превеликіе брусья такъ измятыми, какъ мочалы, и желѣзные, толще руки, болты такъ между собою перевившимися, какъ склоконенные волосы.

Наконецъ корабль былъ готовъ; наступило время отправиться въ Россію. Прощаніе мое съ домомъ Берлингьери было самое чувствительное. Я пришелъ къ нимъ въ послѣдній разъ. Они всѣ были вмѣстѣ. Всѣ мы сидѣли, не говоря ни слова. Печальное молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Напослѣдокъ я всталъ и подошелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ къ матери, поцѣловать у ней руку. Всѣ встали. Она обняла меня, облилась слезами и сказала: „другъ нашъ уѣзжаетъ отъ насъ и мы никогда уже на этомъ свѣтѣ съ нимъ не увидимся!“ Христина стояла съ потупленною головою; я подошелъ къ ней, но мы не имѣли даже силы сказать другъ

(*) Самый нижній брусъ подъ кораблемъ, простирающійся во всю длину онаго, толстый составленный изъ многихъ брусьевъ, скрѣпленныхъ между собою толстыми желѣзными болтами.

другу: прости! Рыданія задушали меня; и я вышелъ отъ нихъ изъ дому, почти не помня самъ себя. Никласъ проводилъ меня до самаго берега, но и тутъ еще не хотѣлъ разстаться; онъ поѣхалъ со мною на корабль, и мы во всю дорогу съ нимъ проплакали; на кораблѣ пробылъ онъ до тѣхъ поръ, пока мы не вступили подъ паруса. Тутъ уже онъ сошелъ на лодку и — мы разлучились.

Плаваніе наше не долго продолжалось. Мы пришли въ Кронштатъ, куда уже морской кадетской корпусъ, послѣ бывшаго пожара, переведенъ былъ изъ Петербурга.

ПЕРЕПИСКА.

Замѣчанія на 10-ю статью помѣщенную въ 4-й части (съ прибавленіями) Описанія достопримѣчательныхъ кораблекрушеній.

М. Г. м.

Прошу васъ слѣдующее письмо для моего и вашего оправданія помѣстить въ вашихъ Запискахъ. Я по истинѣ съ сожалѣніемъ пишу сіи возраженія противъ сдѣланныхъ на мою статью примѣчаній, но читатель увидитъ, что я былъ къ тому вынужденъ. Недавно вышла книга подъ названіемъ: *Описаніе достопримѣчательныхъ кораблекрушеній, въ разныя времена претерпѣнныхъ Россійскими мореплавателями, часть четвертая.* Въ сей книгѣ (стран. 208—315) выписана статья, напечатанная въ вашихъ Запискахъ (см. Декабрь 1821 и Генварь, Февраль 1822.) подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ жизни N....*, съ слѣдующими присовокупленными къ ней словами.

„Подъ симъ заглавіемъ въ журналѣ, на-„зываемомъ *Отечественныя Записки*, напеча-

„тано описаніе бѣдствій, претерпѣнныхъ „однимъ Рускимъ линейнымъ кораблемъ. Описаніе сіе, съ позволенія почтеннаго Издателя, я помѣщаю здѣсь отъ слова до слова, „пополнивъ оное нѣкоторыми моими собственными замѣчаніями." (*)

Я не знаю, съ позволенія *ли* вашего статья сія перемѣщена въ *Описаніе кораблекрушеній,* но совершенно увѣренъ, что примѣчанія, сдѣланныя на оную не могутъ быть ни съ позволенія, ни съ согласія вашего, какъ то мы вскорѣ изъ разсмотрѣнія оныхъ увидимъ. Сочинитель ихъ продолжаетъ:

„Должно признаться, что въ поступкахъ „Офицеровъ сего корабля мореплаватель не „много сыщетъ примѣровъ похвальныхъ и „заслуживающихъ подражанія; а напротивъ „того увидитъ онъ въ нихъ дѣянія жалости „и смѣха достойныя. Но какъ и худые примѣры часто приносятъ молодымъ людямъ „пользу, возбуждая въ нихъ бо́льшее отвращеніе и ненависть къ пороку; то я и сіе „описаніе не считаю лишнимъ въ сочиненіи, „писанномъ съ цѣлію служить наставленіемъ, „и тѣмъ болѣе когда оно свидѣтельствуетъ, „что и безславныя дѣла, подобно знаменитымъ подвигамъ, не укрываются отъ потомства, но рано или поздо обнаружены

(*) Стран. 208 и 209.

„будутъ, и что Офицеръ, безчестными по-
„ступками собственную свою память обез-
„славившій, приготовилъ еще, такъ сказать,
„не заслуженное наказаніе своимъ потом-
„камъ, заставляя ихъ въ грядущія времена
„краснѣть отъ дѣлъ его." (*)

Сіе прибавленіе столько же несправедли-
во, сколько и оскорбительно для меня, на-
писавшаго вышеозначенную статью, для
Офицеровъ служившихъ тогда со мною, и
для васъ помѣстившаго оную въ своихъ За-
пискахъ; ибо естьли бы она была подлинно
такая, какою господинъ *Списатель* оной ее
находитъ, то бы я не простилъ изданія ея
въ свѣтъ ни себѣ, ни вамъ. Откуда взялъ
онъ заключеніе, что будто *я дѣянія* быв-
шихъ на кораблѣ семъ Офицеровъ предста-
вилъ *жалости и смѣха достойными?* гдѣ на-
шелъ онъ, въ моей статьѣ, чтобы кто либо
изъ Офицеровъ *безчестными поступками па-
мять свою такъ обезславилъ, что невинные по-
томки будутъ въ грядущія времена за нихъ
краснѣть?* Разсмотримъ сію статью. Я на-
писалъ ее отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ,
чтобъ наставлять мореплавателей, какимъ
образомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ
поступать надлежитъ; но просто описалъ
одно изъ бывшихъ со мною приключеній.
Сіе намѣреніе позволяло мнѣ распространить-

(*) Стран. 209.

ся и смѣшать бѣдствіе корабля съ другими послѣдовавшими изъ того, но нимало не принадлежащими къ тому случаями. Оно же позволяло, и даже требовало отъ меня, для лучшаго объясненія обстоятельствъ, въ которыхъ я находился, сказать нѣчто о нравахъ и дѣйствіяхъ тѣхъ, кои меня окружали. Сіи дѣйствія ихъ конечно были иногда непохвальныя, но отнюдь не *безчестныя*, какими, не знаю почему, угодно было Г-ну *Списателю* статьи называть ихъ. Давъ себѣ свободу говорить о тогдашнихъ Начальникахъ моихъ съ нѣкоторою откровенностію и чистосердечіемъ, я по сей самой причинѣ не позволилъ и не простилъ бы себѣ выставить ихъ имена, скрылъ даже имя корабля (*), словомъ, я почиталъ за предосудитеаьное для меня дѣло, показавъ нѣкоторыя слабости, или недостатки людей, впрочемъ добрыхъ и почтенныхъ, назвать ихъ по именамъ! Совѣсть моя отъ сего пострадала бы; ибо не взирая на сіи недостатки ихъ, свойственные всякому человѣку, я и по нынѣ съ ува-

---

(*) Особенная заботливость Г. Сочинителя *Отрывка изъ жизни N.* въ сокрытіи имени корабля и именъ, находившихся на немъ Гг. Офицеровъ всего лучше доказывается вымысломъ начальныхъ буквъ, подъ которыми онъ ихъ означилъ. По симъ буквамъ никакой читатель не отгадаетъ настоящихъ именъ. (*Примѣч. Издателя*).

женіемъ объ нихъ воспоминаю. Разсмотримъ теперь поступокъ Г-на Списателя моей статьи. Естьли бы самъ онъ сочинилъ описаніе сего кораблекрушенія, то могъ бы выставлять имена, судить и рядить, какъ хочетъ и какъ умѣетъ; но онъ списалъ чужое, по собственному изреченію *его отъ слова до слова*. Не поставивъ ничьихъ именъ, я могъ бы выдумать сію статью, написать сказку, изобразя въ ней нравы и дѣйствія мнимыя, кто же другой, зачѣмъ, съ какимъ намѣреніемъ и по какому праву можетъ, перепечатавъ меня, прибрать къ вымышленнымъ мною лицамъ имена извѣстныхъ людей, и тогда, какъ мною изображены нѣкоторыя токмо погрѣшности безвѣстныхъ лицъ, назвавъ ихъ по именамъ сказать, что люди сіи описаны мною *безчестными, жалости и смѣха достойными, приносящими стыдъ будущимъ ихъ потомкамъ!* гдѣ это водится? Но Г. Списателю моей статьи показалось еще и сего мало: онъ въ разныхъ мѣстахъ къ сему описанію моему присовокупилъ свои замѣчанія, которыхъ справедливость мы теперь же разсмотримъ. Приведемъ здѣсь каждое изъ сихъ замѣчаній. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ описаніи моемъ говорится о рѣшительной надобности срубить мачты, сказано: *матрозъ, которому велѣно было сіе исполнить, подбѣгаетъ съ топоромъ къ Капитану, и говоритъ ему: наложи руку, тюкни одинъ только разъ, остальное я*

все сдѣлаю. Капитанъ беретъ топоръ и ударивъ имъ по веревкѣ отдаетъ ему оный обратно. (Мы излагаемъ здѣсь кратко тѣ мѣста, на которыя здѣланы сіи замѣчанія, предоставляя читателю справиться съ подлинникомъ, если онъ того желаетъ). На сіе мѣсто сдѣлано слѣдующее замѣчаніе:

„Эта *накладка руки* произошла, я думаю, „отъ того, что въ старину Капитаны *не* „*помнили* своихъ приказаній и отпирались „отъ нихъ....“ (*)

Я отдаю на судъ читателю, прилично ли безъ всякой нужды и доказательствъ сказать сіе вообще о старинныхъ Капитанахъ, изъ которыхъ многіе служили съ честію и были напослѣдокъ знаменитыми Адмиралами. Г. Замѣчатель продолжаетъ:

„Корабельный Капитанъ долженъ оставить шканцы, Присутствіе Главнаго, Начальства, откуда раздаются повелѣнія по „всему кораблю—и за чѣмъ? Чтобъ итти на „бакъ и разъ ударить топоромъ по мачтѣ, „или спуститься въ самую нижнюю палубу, „чтобъ взять въ руки топоръ и опустить „его на канатъ! и при томъ когдажъ сія „*торжественная церемонія* совершается? Когда корабль въ опасности и когда минутное „отлагательство какого либо дѣйствія можетъ навлечь гибель ему и всему экипажу!!!“ (**)

(*) Прим. на стр. 231. (**) То же примѣчаніе.

Дѣйствіе описанное нами не такимъ, какъ оно есть, не становится чрезъ то худымъ. *Обычай наложенія руки* въ какомъ либо нещастномъ начинаніи, какъ то въ приступѣ къ разрушенію корабля, весьма похваленъ, а особливо въ нижнихъ чинахъ. Онъ происходитъ совсѣмъ не отъ тѣхъ причинъ, о какихъ сказываетъ Г. Замѣчатель, но отъ уваженія къ начальнику: словно какъ бы безъ его первоначальнаго приступа начинаемое дѣло не могло имѣть желаемаго успѣха. *Наложи руку* въ подобномъ случаѣ есть такая же прозба, какъ разрѣши, благослови. Кажется тутъ ничего нѣтъ худаго; чтожъ касается до названія простаго дѣйствія сего *торжественною церемоніею*, при которой будьто бы Капитанъ долженъ бѣжать на бакъ и въ нижнюю палубу, то вольно это говорить: ему никуда не надобно бѣжать, а только на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, стукнуть по чемъ бы то нибыло одинъ разъ топоромъ, дѣйствіе, не могущее продолжаться долѣе трехъ или четырехъ секундъ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ ошибкѣ стоявшихъ на вахтѣ Штурмана и втораго Лейтенанта, въ которую вовлечены они были представлявшеюся имъ опасностію, замѣчаетъ онъ слѣдующее:

„Если корабль, приближаясь ночью къ бе„регамъ, до того запутается въ счисленіи, „что не будетъ знать своего мѣста; то въ

„takомъ случаѣ благоразуміе заставляетъ „лечь въ дрейфъ и дожидаться разсвѣта; ибо „лучше потерять ночь хода, чѣмъ подвергать себя гибели.“ (*)

Наставленіе сіе излишно; ибо извѣстно даже и послѣднему морскому Офицеру. Но между тѣмъ Г-ну Замѣчателю не льзя кажется не знать, что часто бываютъ случаи, въ которыхъ лечь въ дрейфъ гораздо опаснѣе, нежели продолжать сомнительный путь. Въ третьемъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что кадетскій Капитанъ и первый Лейтенантъ призвали нѣкоторыхъ старыхъ служителей для совѣта, восклицаетъ онъ въ замѣчаніи своемъ: (**)

„Во всю жизнь мою въ первый разъ еще „слышу, что на военномъ кораблѣ Сильной, „Просвѣщенной Державы матросы были призываны на совѣтъ вмѣстѣ съ Офицерами! „Никакіе законы не даютъ имъ права на сію „честь! И въ Морскомъ Уставѣ, гдѣ говорится о *Консиліумахъ*, упоминаются одни „только Оберъ и унтеръ-офицеры, долженствующіе составлять оные.“

Чудно мнѣ, что Г. Замѣчатель во всю жизнь свою не слыхалъ о дѣлѣ въ крайнихъ обстоятельствахъ весьма обыкновенномъ и нужномъ на кораблѣ всякой Державы, ка-

(*) Прим. на стр. 235.
(**) Стр. 236 и 237.

кая бъ она ни была Сильная и Просвѣщенная. Призывать въ подобномъ случаѣ на совѣтъ служителей отнюдь не значитъ *дѣлать имъ честь*, или раздѣлять съ ними власть, но вмѣстѣ потолковать, послушать, не скажетъ ли кто изъ нихъ чего либо полезнаго; ибо легко статься можетъ, что старый матрозъ былъ въ такихъ случаяхъ, въ какихъ иногда и самому Офицеру или Капитану быть не случалось. Опытъ часто лучше бываетъ теоретическихъ знаній, какъ въ томъ же описаніи моемъ, во время плаванія нашего въ Бѣломъ морѣ, показанъ разительный тому примѣръ. Всего страннѣе, что Г. Замѣчатель при восклицаніи своемъ, *что ни какіе законы не даютъ имъ права на сію честь*, ссылается на Уставъ, въ которомъ по собственнымъ его словамъ велѣно призывать Оберъ и унтеръ-офицеровъ: чтожъ такое унтеръ-офицеръ, какъ не тотъ же старый матрозъ? какая въ ихъ опытности и знаніи разность? Не оказалъ ли въ томъ же самомъ описаніи моемъ послѣдній изъ матросовъ величайшую при срубкѣ мачтъ расторопность и услугу? Особливо же сіе призваніе на совѣтъ старыхъ служителей въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, необходимо было нужно. Мы видѣли корабельнаго Капитана пораженнаго до такой степени симъ нещастіемъ, что онъ не хотѣлъ и не могъ помышлять ни о своемъ ни о другихъ

спасеніи. Мы видѣли втораго Лейтенанта и Штурмана, впадшихъ въ такое жъ отчаяніе, по причинѣ чувствованія вины своей въ перемѣнѣ курса безъ позволенія Капитанскаго. Прочіе 3 Мичмана были молодые люди, неопытные, недавно выпущенные изъ Кадетовъ. Ктожъ оставался для дѣйствованія въ толь опасныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ съ одной стороны угрожала смерть, а съ другой отвѣтственность? — Оставались только двое: Кадетскій Капитанъ и первый Лейтенантъ. Могли ли они безъ сношенія съ нижними чинами взять сами собою начальническую власть и поступать по одной своей волѣ, приведя всѣхъ въ разстройство и замѣшательство? Сіи два человѣка, можно сказать героя, сдѣлали все: сохранили присутствіе духа, соблюли порядокъ, ободрили, соединили всѣхъ въ одну душу, зная, что въ общей опасности общая увѣренность всего нужнѣе. Всякъ, до послѣдняго, видѣлъ въ нихъ спасителей своихъ, съ неутомимою дѣятельностію пекущихся о благѣ и жизни каждаго. Что можетъ быть почтеннѣе и умилительнѣе сего зрѣлища, въ высочайшей степени примѣрнаго для повиновенія и подчиненности, когда всѣ чины, видя рѣшительное корабельнаго Капитана упорство, основанное на гибели всѣхъ, въ необходимой крайности единогласно и настоятельно просили Кадет-

скаго Капитана, яко старшаго по немъ, отказавъ ему отъ команды принять начальство надъ кораблемъ, и когда сей и совокупно съ нимъ всѣ чины, вмѣсто совершенія сего нещастнаго дѣйствія строгимъ, суровымъ образомъ, приходятъ къ нему почтительно, бросаются предъ нимъ на колѣна, плачутъ, цѣлуютъ у него полы, единственно для его собственнаго спасенія отъ отвѣтственности предъ судомъ, и оскорбляемые, прогоняемые имъ, еще терпятъ, еще сносятъ, доколѣ наконецъ возвращаютъ ему чувство, извлекаютъ изъ очей его слезы, выводятъ изъ сей отчаянной бездѣйственности, преклоняютъ къ согласію на общее положеніе, и оставаясь подъ его повелѣніями, тужъ минуту приступаютъ къ исполненію оныхъ, и спасаютъ честь Капитанскую и корабль! Таковыми точно были Кадетской Капитанъ и первый Лейтенантъ, таковыми описаны они мною; и сіи ли дѣянія ихъ, исполненныя твердости духа, истинной чести, примѣрнаго повиновенія и благоразумія, можно называть *безславными дѣлами, обезчестившими ихъ имена?* Г. Замѣчатель говоритъ объ нихъ, какъ мы въ концѣ письма сего увидимъ, что они *унизили себя до степени Азіатскаго рабства!* Удивляюсь, и не льзя не удивляться такому обстоятельствамъ дѣла противуположному заключенію. Онъ продолжаетъ:

„Какъ въ самыхъ Государственныхъ, „такъ и въ частныхъ малыхъ обществахъ „нѣтъ ничего вреднѣе и опаснѣе, какъ лю„дямъ не просвѣщеннымъ, въ дѣлахъ не свѣ„дущимъ, — дать поводъ думать, что они „имѣютъ право участвовать въ правле„ніи." (*)

Можно ли сравнивать Государство, состоящее изъ великаго числа земель, городовъ и милліоновъ людей, управляемое Верховною властію съ учрежденными подъ оною Государственными мѣстами и сословіями, можно ли, говорю, уподобить оное кораблю, на которомъ осталось дѣйствующихъ 2 Офицера и человѣкъ до 500 служителей, угрожаемыхъ чрезъ нѣсколько часовъ погибнуть на днѣ моря? Имъ предстоитъ неизбѣжная смерть, а они возгордѣютъ и наполнятся честолюбивыми мыслями, что ихъ призвали участвовать въ правленіи! Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по отвѣтѣ корабельнаго Капитана Кадетскому: *я хочу умереть здѣсь, и пусть всѣ со мною умираютъ*, сказано: *стонъ и вопль распространяются между всѣми, а особливо между нами юношами, мы всѣ Гардемарины, одинъ за другимъ бѣжимъ къ нему въ каюту и передъ нимъ рыдаемъ. Онъ вмѣсто того, чтобъ сжалиться надъ слезами нашими, выталки-*

(*) Примѣч. на стр. 237.

ваетъ и прогоняетъ насъ съ угрозами—сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: (*)

„И за дѣло! Гардемарины, нижніе чины, „которые должны учиться порядку службы „и подчиненности, осмѣливаются итти „толпою къ Капитану въ каюту, плакать „и выть, и совѣтовать ему, что дѣлать въ „опасномъ случаѣ! Офицеры должны были „уговаривать Капитана и даже, согласно съ „Законами, требовать отъ него должнаго, а „не нижніе чины, которыхъ обязанность „есть повиноваться и исполнять приказанія „Офицеровъ.“

Г. Замѣчатель! да какъ же вы списываете чужую статью, и не вникли, что въ ней написано! Тамъ именно сказано, что и Офицеры сами, и вмѣстѣ съ другими разночинцами, упрашивали, умоляли Капитана согласиться на общее всѣхъ желаніе, всѣми утвержденное и подписанное. Онъ самъ чувствовалъ необходимость сего, но нѣкая отчаянная мысль обладала имъ и дѣлала его упорнымъ. А вы въ сихъ обстоятельствахъ не позволяете даже и дѣтскимъ слезамъ смягчать сердце его къ собственному его и общему благополучію, къ исторженію всѣхъ изъ челюстей смерти. Сіи дѣти, побуждаемые самими Офицерами не съ совѣтами пришли къ нему, но съ моленіемъ сжалиться

(*) Стран. 239.

надъ ними, надъ собою, и надъ всѣми: называть это неподчиненностію и говорить, что онъ за дѣло ихъ прогналъ, есть, кажется, тоже, что въ совершенной ихъ покорности видѣть неповиновеніе; а въ гибельномъ для всѣхъ и противу-законномъ упорствѣ Капитана должное наблюденіе порядка службы.

Въ 5-мъ мѣстѣ, разсуждая о упорности Капитанской, дѣлаетъ онъ слѣдующее замѣчаніе: (*)

„Прежде въ Европѣ морскіе Капитаны „почитали за безчестіе пережить потерю „своего корабля; сіе нѣкоторымъ образомъ „извинительно, когда они сами причиною „оной. Но во всякомъ случаѣ, имѣя власть „надъ собственною своею жизнію, не были „они въ правѣ лишать своего Государя нѣ„сколькихъ сотъ полезныхъ Ему поддан„ныхъ. Впрочемъ Капитанъ корабля В.... „*шутилъ* только, какъ изъ послѣдствія „видно.“

Шутилъ? вотъ пречудесное заключеніе! Отчаяніе, сильное пораженіе ума при такомъ бѣдствіи хотя есть и не похвальное малодушіе, однако естественно, и можно себѣ представить оное; но вообразить, что человѣкъ, стоящій на краю пропасти и помышляющій вмѣстѣ съ другими погрузиться въ нее, забавляется и шутитъ надъ ихъ

(*) Стр. 240.

слезными прозьбами, хотя и знаетъ, что такими непозволительными и неестественными шутками можетъ себя одного подвергнуть строгой отвѣтственности и осужденію—признаюсь, что такой человѣкъ, съ такимъ въ это время расположеніемъ духа къ шуткамъ и забавамъ, есть нѣкое необыкновенное явленіе въ природѣ! Г. Замѣчатель говоритъ, что это изъ *послѣдствія видно.* Не знаю, откуда ему видно то, чего никто другой конечно не увидитъ.

Въ 6-мъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что на кораблѣ нашемъ не было никого, кто бы говорилъ иностраннымъ языкомъ, Г. Замѣчатель распространяется о надобности знать языки, и между прочимъ доказываетъ слѣдующимъ примѣромъ.

„Когда одинъ Адмиралъ пѣнялъ (1799 г.) „Главнокомандующему Англинскаго флота, „что онъ не сообщилъ ему тайной цѣли нѣ„которыхъ военныхъ приготовленій, о ко„торыхъ знать Адмиралъ имѣлъ право; то „Англичанинъ извинялся тѣмъ, что онъ не „могъ иначе съ нимъ говорить, какъ посред„ствомъ молодыхъ Офицеровъ, его перевод„чиковъ, которымъ онъ опасался ввѣрить „тайну столь великой важности. Но незна„ніе во время сей тайны Адмиралу надѣлало „много хлопотъ!“ (*)

(*) Примѣчаніе на стр. 248.

Г. Замѣчатель повидимому любитъ обвинять. Руской Адмиралъ у него не правъ, что не зналъ по Англински, Англинской же правъ, что не зналъ по Руски. Языки конечно хорошо и нужно знать, но не должно поставлять сего главнымъ достоинствомъ, которое состоитъ въ томъ, чтобъ быть хорошимъ морскимъ Офицеромъ; ибо безъ сего хотя бы двадцать языковъ кто зналъ — годится только въ переводчики.

Въ 7-мъ мѣстѣ на слова: *отъѣздъ мой съ корабля былъ съ такою поспѣшностію, что Капитанъ не успѣлъ ничего мнѣ приказать*, сдѣлано на стр. 255 слѣдующее замѣчаніе:

„Всѣ подобные сему неслыханные безпо„рядки должно относить *къ старымъ време„намъ*; но нынѣ едва ли случиться можетъ, „чтобъ начальникъ, отправляя куда нибудь „своего подчиненнаго, позабылъ сказать ему, „зачѣмъ онъ его посылаетъ.“

Позабылъ? у меня сказано *не успѣлъ*, кто по Руски знаетъ, тотъ не приметъ сихъ словъ за одно и тоже. Непростительно, что Г. замѣчатель судитъ о вещахъ, которыхъ не видалъ и потому не знаетъ; но еще непростительнѣе, что перепечатываетъ чужую статью, писанную мною о самомъ себѣ и, не прочитавъ, что въ ней сказано, говоритъ свое, не соотвѣтствующее сказанному. Естьлибъ онъ немножко повыше прочиталъ, то увидѣлъ бы ясно несообразность своего

замѣчанія. Тамъ съ подробностію сказано, какъ лодка пришла съ берега; какъ меня соннаго разбудили и тужъ минуту кликнули на верхъ; какъ лодка, по усильной прозьбѣ приставшая къ шторм-трапамъ (висячимъ кормовымъ лѣсницамъ) требовала, чтобъ тотчасъ спустился человѣкъ, или она отвалитъ. Все сіе отъ времени, когда меня разбудили, до времени, когда я уже былъ въ лодкѣ, продолжалось не долѣе 5 минутъ, и тутъ же у меня сказано: *состояніе мое было со всѣхъ сторонъ жалкое; я былъ въ одномъ тулупѣ (какъ всталъ съ постели); не знаю кто сунулъ мнѣ въ руки матроскую шляпу; ибо и той у меня въ ту минуту, какъ вдругъ меня позвали, не было и время не позволяло взять*, и проч. Это я самъ о себѣ расказываю; а господинъ моей статьи переписатель, не бывшій тутъ, не прочитавшій меня, сидя спокойно въ своей комнатѣ, издѣвается, для чего я былъ не одѣтъ, для чего Капитанъ не сдѣлалъ мнѣ своихъ приказаній и наставленій, называетъ это *неслыханными безпорядками*, относящимися къ *старымъ временамъ* и увѣряетъ, что въ нынѣшнія времена сего случиться не можетъ.

Въ 8-мъ мѣстѣ, гдѣ упомянуто о грубыхъ мнѣ угрозахъ солдатскаго Капитана, состоящихъ въ словахъ: *я тебѣ руки и ноги переломаю*, сдѣлано замѣчаніе (на страницѣ 262).

*

„Подобное сему обращеніе нынѣ совер-„шенно вывелось въ нашемъ флотѣ; я ду-„маю: весьма рѣдко случается, чтобъ Офи-„церъ, говоря матросу, употребилъ такія „угрозы.“

Не льзя тому вывестись, чего никогда не бывало. На что грубость одного человѣка распространять на всѣхъ, и увѣрять, что это было обыкновенное во флотѣ обращеніе? Благовоспитанные люди и тогда, какъ нынѣ, были учтивы, а грубые и нынѣ грубы и впредь будутъ таковы. Солдатскій Капитанъ (*) сей былъ низкаго происхожденія, человѣкъ необразованный и непросвѣщенный. Онъ одинъ, какъ изъ поступковъ его мною описанныхъ можно видѣть, мало дѣлалъ чести Офицерскому званію. Странное дѣло, что Г. Замѣчатель о немъ одномъ не говоритъ ни слова, его одного имени не выставилъ и чрезъ то какъ бы исключилъ его изъ числа тѣхъ, которыхъ потомковъ заставляетъ онъ краснѣть отъ стыда.

Наконецъ по окончаніи моей статьи (не выпустя изъ ней даже и того, что совсѣмъ не принадлежитъ къ описанію кораблекрушеній), Г. *списатель* ея прибавляетъ отъ себя:

„Какой хорошій Офицеръ пожелаетъ

(*) То есть Капитанъ при особой солдатской командѣ на кораблѣ.

„служить на корабл҄ѣ такимъ образомъ упра-
„вляемомъ, какъ корабль В. . . . управлял-
„ся? (*)

Офицеры хорошіе или худые не по произволу своему выбираютъ корабли, но служатъ на тѣхъ, на которые опредѣлены будутъ. Г. Замѣчатель говоритъ далѣе:

„Оставляя уже безъ вниманія ежеминут-
„ную опасность, коей подвергались корабль
„и экипажъ онаго отъ безпорядочныхъ по-
„ступковъ Капитана, даже самая честь каж-
„даго изъ Офицеровъ съ благородными чув-
„ствами отъ нихъ страдала. . ." (**)

Отчаяніе Капитанское, нѣсколько времени продолжавшееся, произошло конечно отъ малодушія; но можно ли сіе приключеніе съ нимъ называть *безпорядочными его поступками?* Онъ просто на этотъ разъ потерялъ умъ и никакихъ распоряженій ни порядочныхъ, ни безпорядочныхъ не дѣлалъ. Впрочемъ Кадетскій Капитанъ и 1-й Лейтенантъ не упустили ничего къ спасенію корабля отъ погибели, и даже самаго Капитана отъ худыхъ съ нимъ послѣдствій, какъ выше объяснено; чтожъ принадлежитъ до страданія чести Офицеровъ, то никто въ описаніи моемъ сего не найдетъ. Г. Замѣчатель продолжаетъ:

(*) Стр. 316.
(**) На тойже страницѣ.

„Если бы собственный рапортъ Капитана „и писменное признаніе Офицеровъ, тайнымъ „образомъ курсъ перемѣнившихъ, не под„тверждали помѣщеннаго здѣсь описанія бѣд„ствій, съ вышепомянутымъ кораблемъ слу„чившихся въ важнѣйшихъ ихъ происше„ствіяхъ; то можно было бы даже усумнить„ся въ справедливости онаго. Кто бы повѣ„рилъ, что Капитанъ военнаго корабля, иду„щаго въ темную осеннюю ночь въ крѣпкой „вѣтръ, по 8 миль въ часъ, и приближающаго„ся къ берегамъ, пошелъ въ свою каюту по„койно спать и тогда, когда вѣрность кора„бельнаго счисленія подвержена была боль„шому сомнѣнію? . . .“ (*).

Проходъ между островомъ Борнгольмомъ и Шведскимъ берегомъ не такъ чрезвычайно тѣсенъ и опасенъ. На этотъ разъ Капитанъ конечно лучше бы сдѣлалъ, когда бъ остался на шканцахъ; но эта вина его не велика, что онъ пошелъ въ каюту *не покойно спать* (какъ Г. Замѣчатель вездѣ въ выраженіяхъ своихъ увеличиваетъ вещи), но можетъ быть *прилечь немного.* Онъ не могъ ожидать, что курсъ безъ него перемѣнятъ, и бывшій надъ нимъ въ Коллегіи судъ не поставилъ ему того въ вину. Слѣдовательно и восклицаніе: *кто бы повѣрилъ*, есть одна только пустая гипербола. Г. Замѣчатель продолжаетъ спрашивать, кто бы повѣрилъ:

(*) Стр. 316 и 317.

„Что вахтенный Лейтенантъ и Штур-
„манъ рѣшились сами собою перемѣнить
„курсъ? . .“ (*)

Чемужъ тутъ не вѣрить, когда точно это было? Г. Замѣчатель приводитъ здѣсь выписку изъ Морскаго Устава: *(Лейтенантъ не можетъ перемѣнить курса, ниже корабль поворотить на другой бордъ безъ доклада Капитанскаго подъ лишеніемъ чина)*, да это всякъ безъ его выписки знаетъ. За то они были судимы и разжалованы. Они наказаны конечно справедливо, но впрочемъ почеловѣчески судя можно объ нихъ пожалѣть: они думая корабль отвести отъ бѣды попали въ бѣду. Худо сдѣлали, что рѣшились на это сами собою, за то пострадали; но мнѣ кажется, Г. Замѣчателю всего меньше надлежало бы винить за ошибку и неосторожность! Онъ продолжаетъ вопросъ: кто бы повѣрилъ.

„Что когда корабль сталъ на мѣль, то
„Капитанъ, вмѣсто того, чтобъ употре-
„бить всѣ средства къ спасенію его и эки-
„пажа, заперся въ каюту и хотѣлъ, чтобъ
„всѣ вмѣстѣ съ нимъ погибли?“ (**)

Сто разъ говорено, что Капитанъ потерялъ голову, впалъ въ отчаяніе; къ чемужъ здѣсь сіи безполезные вопросы? Подобныя замѣчанія похожи на то, какъ бы пѣнять больному, для чего онъ не здоровъ. Г. Замѣ-

(*) Стр. 317.
(**) Стр. 317 и 318.

чатель продолжаетъ вопрошать, кто бы повѣрилъ:

„Что всѣ Офицеры, гардемарины и нѣ„сколько матросовъ, всего 40 человѣкъ, во„шли вдругъ съ представленіемъ къ Капитану „въ каюту, и тѣмъ сдѣлали поступокъ, по„добный бунту, а въ послѣдствіи, ползая „предъ нимъ на колѣнахъ и цѣлуя полы его „платья, унизили себя до степени Азіатска„го рабства? . . . .“

Здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, примѣчается удивительная въ Г. Замѣчателѣ охота показывать вещи въ превратномъ видѣ; но онъ дѣлаетъ сіе весьма неискусным образомъ. Какъ? люди, вообще весь корабль, положившіе смѣнить Капитана, (ибо чтожъ Г. Замѣчатель приказалъ бы сдѣлать, ежелибъ Капитанъ не пришелъ въ себя?) люди изъ строгой подчиненности, изъ великодушія, изъ любви къ своему Начальнику ползающіе предъ нимъ на колѣнахъ и цалующіе полы платья его, сдѣлали поступокъ подобный бунту? И что еще страннѣе: онъ называетъ сіе вмѣстѣ и *бунтомъ* и *Азіатскимъ рабствомъ*, то есть, дѣйствіями одно другому противными! Г. Замѣчатель продолжаетъ:

„И что наконецъ, когда Капитанъ по „угрозамъ экипажа принявшій команду—(при „всякомъ словѣ должно останавливаться и обличать несправедливость онаго. *По угрозамъ экипажа?* давно ли ползаніе на колѣнахъ

и цалованіе платья называется угрозами?)—
„рѣшился послать на чужестранный берегъ
„съ прозьбою о помощи; то отправилъ для
„сего гардемарина въ *тулупѣ*, не сказавъ ему,
„къ кому и за чѣмъ его посылаетъ; а тотъ
„поѣхалъ, и самъ не вѣдая чего ради? . . .“ (*)

Мы уже видѣли неосновательность сего замѣчанія. Г. Замѣчатель продолжаетъ:

„Самый призывъ матросовъ на совѣтъ
„унижаетъ не только Офицеровъ, но и са-
„мую службу. Такого рода *мірскія сходки* мо-
„гутъ только быть на купеческихъ су-
„дахъ.“ (**)

Мы видѣли также и сихъ сужденій неосновательность. Впрочемъ сравненіе сихъ призывовъ на консиліумъ съ *мірскими сходками* есть ошибочное сравненіе. Унтеръ-офицеры, или старые матросы, не равняются здѣсь съ Офицерами, не рѣшатъ ничего, не повелѣваютъ вмѣстѣ съ ними; но разпредѣляются отъ нихъ, пріемлютъ приказанія для соблюденія порядка и точнаго исполненія, и естьли бы между тѣмъ кто изъ нихъ напомнилъ или предложилъ что либо нужное, то для чегожъ того не принять? это было бы изъ гордости и тщеславія пренебрегать пользою службы. Г. Замѣчатель въ выноскѣ прибавляетъ къ тому слѣдующее.

(*) Стр. 318.
(**) Стр. 318 и 319.

„Изъ рапорта Капитанскаго видно, что „*рядовые* были призываны въ совѣтъ во всѣхъ „случаяхъ, какъ то: они рѣшили, что нужно „срубить мачты, отдаваться далѣе на мѣль „по канату и проч.“ (*)

Не можетъ быть, чтобъ это написано было въ Капитанскомъ рапортѣ: мачты срублены по приказанію Капитана. Никто еще тогда призыванъ не былъ, и нѣкогда было призывать; ибо мачты срублены не больше, какъ минутъ черезъ 10, отъ прикосновенія корабля къ мѣли, и притомъ всѣ лучшіе люди были тогда на мачтахъ, съ которыхъ едва до паденія ихъ успѣли спуститься по веревкамъ. Чтожъ принадлежитъ до отдаванія далѣе на мѣль по канату; то конечно рѣшено сіе *не рядовыми*, но Офицерами по консиліуму, то есть по общему согласію, прописанному въ моей статьѣ; но къ исполненію сего не прежде приступлено, какъ по соглашенію на то Капитана. Я не могу понять, какое желаніе побуждало Г. Замѣчателя взять мою статью, перепечатать ее и выводить изъ ней заключенія совсѣмъ противныя смыслу того, что въ ней написано. Далѣе, послѣ нѣкоторыхъ подобныхъ же примѣчаній, продолжаетъ онъ и оканчиваетъ:

„Обхожденіе нѣкоторыхъ изъ Офицеровъ „съ чужестранцами также мало чести имъ

(*) Примѣч. на стр. 317.

„приносить. Кадетскій Капитанъ, по званію „своему, долженъ быть образованнѣйшій изъ „нихъ; но брань за карту, отзывъ его на „щетъ Графа Вахтмейстера и произшедшая „изъ того ссора—(какая?)—показываетъ уже, „что онъ былъ весьма худой наставникъ мо-„лодыхъ людей.“ (*)

Г. Замѣчатель разсуждаетъ и здѣсь столь же несправедливо, какъ и во всѣхъ вышеозначенныхъ мною мѣстахъ, обращая вниманіе на самые мелочные и упуская изъ виду отличные и достохвальные поступки. Выставленныя мною маловажныя противъ строгаго учтивства погрѣшности Кадетскаго Капитана отнюдь не дѣлаютъ его *необразованнымъ и весьма худымъ наставникомъ молодыхъ людей*. Образованность состоитъ не въ томъ, но въ похвальной и честной нравственности. Сія необдуманность его произошла отъ излишняго желанія (какъ у меня и сказано) превозносить свое отечество и отъ незнанія Нѣмецкаго языка, на которомъ онъ принужденъ былъ объясняться. Но развѣ не видали мы его твердымъ, благоразумнымъ, дѣятельнымъ при спасеніи корабля? развѣ не видали со всякимъ смиреніемъ, не внемля гласу любочестія, отрицавшимся отъ принятія вручаемой ему команды, почтительнымъ и великодушнымъ про-

(*) Стр. 319 и 320.

тивъ начальника своего, корабельнаго Капитана, кроткимъ и милостивымъ въ обращеніи со мною, своимъ подчиненнымъ? развѣ всѣ сіи добродѣтели уничтожаются тѣмъ, что онъ въ разговорѣ съ Салдерномъ, не знавши языка, объяснился не такъ хорошо, какъ бы надлежало? Г. Замѣчатель столько же ошибается въ семъ заключеніи, сколько и во всѣхъ прочихъ замѣчаніяхъ своихъ. Онъ принудилъ меня написать сіи мои противъ оныхъ возраженія. Честь моя того требовала. Онъ взявъ мою статью, составленную изъ безъизвѣстныхъ лицъ, выставилъ скрытыя въ ней имена и въ замѣчаніяхъ своихъ приписываетъ имъ порочные и даже безчестные поступки въ противность описанія моего объ нихъ; можетъ быть иные изъ сихъ сослуживцевъ моихъ еще живы, другіе оставили послѣ себя дѣтей или родственниковъ. Прочитавъ замѣчанія *Г. Списателя* моей статьи они подумаютъ, что я дѣйствительно изобразилъ отцовъ или предковъ ихъ достойными всякаго предосужденія. Пусть же они прочтутъ и сіи возраженія мои, сличатъ ихъ съ описаніями въ статьѣ моей и тогда увидятъ, кому надлежитъ стыдиться: имъ ли за дѣла отцовъ своихъ и предковъ, мнѣ ли, ни мало ихъ не оскорбившему, или тому, кто несправедливыми замѣчаніями и превратными толкованіями моего описанія представляетъ ихъ таковыми?

Вашъ М. Г. м., покорный слуга: *Сочинитель статьи подъ заглавіемъ: Отрывокъ изъ жизни Н.*, напечатанной въ Отечественныхъ вашихъ Запискахъ.

Конецъ девятнатцатой части.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02879 6665

Digitized by Google

